

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИГ РАН)**

На правах рукописи

Зиновьев Андрей Станиславович

**Региональные политические культуры современной Литвы:
факторы формирования и пространственная дифференциация**

Специальность: 1.6.13 – Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук
Стрелецкий Владимир Николаевич

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения региональных политических культур постсоциалистических обществ.....	11
1.1. Постсоциалистическая трансформация: концепт, динамика, тренды.....	11
1.1.1. Постсоциализм как концептуальная рамка исследования.....	11
1.1.2. Постсоциалистическая трансформация и процессы модернизации.....	14
1.1.3. Особенности постсоциалистических трансформационных процессов в странах Центрально-Восточной Европы.....	17
1.2. Понятие региональной политической культуры: эволюция представлений.....	28
1.3. Подходы к изучению региональных политических культур.....	37
1.3.1. Анализ территориальных различий: политические и неполитические факторы формирования региональных политических культур.....	37
1.3.2. Пространственно-временные и контекстуальные подходы к изучению региональных политических культур.....	44
1.3.3. Авторская методология изучения региональных политических культур современной Литвы.....	50
Глава 2. Региональная дифференциация пространственного контекста политических процессов в Литве.....	54
2.1. Социокультурная дифференциация.....	54
2.1.1. Эволюция территориально-политической структуры.....	54
2.1.2. Историко-культурная дифференциация.....	57
2.1.3. Этно-конфессиональная дифференциация.....	61
2.2. Социально-экономическая дифференциация.....	67
2.2.1. Демографическое развитие.....	68
2.2.2. Социальная сфера.....	78
2.2.3. Экономическое развитие.....	85
2.2.4. Интегральная типология.....	96
Глава 3. Региональная дифференциация электорального пространства Литвы.....	103
3.1. Структура электорального раскола.....	103
3.2. Референдумы и президентские выборы.....	108
3.3. Парламентские выборы.....	120
3.4. Региональные политические культуры.....	135

Заключение.....	150
Список литературы.....	157
Приложения.....	173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется важностью изучения социокультурной и политической динамики трансформирующихся постсоциалистических обществ и одновременно дефицитом знаний об изменениях, происходящих в их политических культурах и настроениях населения. Дисбаланс потребности в знаниях и их устаревания в первую очередь касается постсоветских стран – ближайших соседей России. Социальные порядки, унаследованные ими от общего советского прошлого, претерпели за годы постсоциалистической трансформации существенные изменения под воздействием трех групп факторов разного уровня и масштаба: *глобальных*, связанных с повсеместно происходящей информатизацией/цифровизацией экономики и общества, *макрорегиональных*, порождаемых диалектикой интеграции/фрагментации, приводящей к реформатированию прежних надгосударственных объединений (ЕС, НАТО) и созданию новых (БРИКС, ЕАЭС, СНГ и др.), и *национальных* – в широком диапазоне от социально-экономической модернизации до смены геополитических ориентиров.

Недостаточный учет произошедших перемен актуализирует задачу выработки методологии исследования, основанной на пространственно-временном подходе. Его важное преимущество – учет не только политических, но и неполитических факторов формирования региональных политических культур (РПК), специфики широко понимаемой категории места, сохраняющей свое значение, даже когда политическое существование социума оказывается подверженным внешнему унифицирующему воздействию государства или институционального объединения государств, таких как ЕС. Другое преимущество пространственно-временного подхода – фокус на динамической составляющей трансформационных процессов. Если в случае изучения политических культур западноевропейских стран с устоявшейся демократией основное внимание исследователей уделялось выявлению сравнительно устойчивых социальных расколов в обществе, определяющих относительную стабильность связи между ценностно-идеологическими мотивами поведения избирателей и политическими партиями, то в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), захваченных «третьей волной демократизации», если воспользоваться терминологией С. Хантингтона (2003), структура социальных расколов отличается в силу дестабилизации всех сфер жизни. С нашей точки зрения, страны ЦВЕ предоставляют уникальную возможность обратиться к исследованию динамической составляющей политической культуры, ее региональных вариаций, а также закономерностей процессов, влияющих на политическое поведение значительных групп людей. Эти вопросы имеют фундаментальный характер. Ответ на них помогает лучше

понять основные принципы участия граждан в политическом процессе и позволяет объяснить кардинальные изменения, произошедшие в постсоветских и постсоциалистических странах за прошедшее тридцатипятилетие.

В качестве полигона диссертационного исследования была выбрана Литовская Республика. Практически сразу после выхода из Советского Союза и обретения независимости было продекларировано намерение Литвы вступить в Европейский Союз. Заявка на вступление в ЕС была подана в 1995 г. В 2004 г. Литва стала полноправным членом евроатлантических интеграционных структур – ЕС и НАТО. Изменения, произошедшие в стране в столь сжатые сроки, можно назвать социальной революцией, если ее понимать как быстрые и фундаментальные трансформации государственных и социальных структур общества (Скочпол, 2017). Вместе с этим Литва характеризуется наличием длительного периода собственной государственности с XIII по XVIII вв. и нахождением ее отдельных частей в составе различных государственных образований. Последнее обстоятельство обусловило этноконфессиональную, культурную и языковую неоднородность социального пространства республики. Сочетание сжатых сроков институционального перехода из Советского в Европейский Союз и фактора историко-культурной мозаичности предопределило выбор Литвы в качестве полигона исследования и апробации авторской методологии изучения региональных политических культур.

Исследование ограничивается периодом 2004-2019 гг. Выбор нижней временной границы связан с датой вступления Литвы в ЕС. Однако за пределами данной временной рамки были учтены такие важные события как референдумы о независимости, прошедший в 1991 г., и о вступлении в ЕС – в 2003 г., на которых нация делала свой геополитический выбор. Во внимание также принимались все президентские выборы, начиная с 1993 г., непосредственно влиявшие на проводимую политику, ход социально-экономических преобразований и результаты местных голосований. В качестве верхней временная граница исследования был выбран 2019 г. Главным аргументом в пользу такого самоограничения была турбулентность периода, в который вступила страна (и весь европейский макрорегион после 2020 г.), и последствия которой остаются не вполне неопределенными до настоящего времени, что затрудняет корректную интерпретацию социально-экономических и политических процессов.

Объект диссертационного исследования – региональные политические культуры. **Предмет** исследования – политические и неполитические факторы формирования региональных политических культур современной Литвы, ее инерционные и динамические составляющие.

Цель работы – выявить региональные политические культуры современной Литвы и степень их устойчивости, оценив структурную взаимосвязь политического и социально-экономического пространства страны.

Реализация данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Обосновать авторскую методологию исследования, опираясь на теории, выработанные в политической и социально-экономической географии, политологии и социологии.
2. Определить источники информации и методы анализа количественных и качественных данных, позволяющие создать целостное представление о региональных политических культурах Литвы.
3. Выявить пространственную дифференциацию неполитического контекста (социально-экономические, демографические, этноконфессиональные факторы и пр.) формирования региональных политических культур Литвы.
4. Оценить индикаторы проявлений региональных политических культур (электоральные предпочтения, программные установки партий, уровень политической мобилизации и пр.) и пространственную дифференциацию поведения электората Литвы.
5. Определить и описать ключевые черты региональных политических культур современной Литвы.

Теоретико-методологические основы и степень изученности проблемы.

Понятие политической культуры было введено в научный оборот Г. Алмондом и С. Вербой в их ставшей классической работе «Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций» (1963), где они обратили внимание на связь политической культуры и гражданских традиций. В дальнейшем эти идеи развивались в работах известных политологов (Г. Экштайна, Д. Элазара, А. Лейпхарта, Р. Патнэма, С. Уэлч). Во внимание также принималась теория формирования политических предпочтений А. Вилдавски. Другой концептуальной опорой диссертации стали теории, выработанные в сфере социальной антропологии (К. Гирц); особое внимание уделялось методологии параметризации культуры (Г. Хофстеде), а также кросс-культурных сравнений и межпоколенческих ценностных сдвигов (Р. Инглхарт, М. Рокич, С. Шварц).

При анализе неполитических факторов формирования политических культур использовались концепции, выработанные в рамках политической и социально-экономической географии, представленные в работах Л.В. Смирнягина, А.С. Титкова, Дж. Агню, П. Тейлора, К. Флинта, Д. Мэсси, М. Сантуша. Во внимание принимались основные

положения теории постсовременного общества А. Гидденса и З. Бауманна, новой институциональной теории Д. Норта, а также концепции «зависимости от предшествующего развития» (*path dependence*) Б. Артура, П. Дэвида, П. Пирсона.

Среди работ отечественных политических географов к разработке понятия региональная политическая культура обращались К.Э. Аксенов, А.Л. Белов, А.Н. Журавлев, В.А. Колосов, А.Г. Манаков, Р.Ф. Туровский. Особое внимание регионализации политических культур уделялось в работах А.В. Баранова, Н.В. Ереминой, Н.В. Карповой, О.В. Морозовой, а также в статьях зарубежных исследователей А. Хендерсон, М. Китинга, Д. Сото-Онате и др. Вопросы постсоциалистической трансформации детально анализировались в публикациях А.Ю. Мельвиля, Р.Ф. Туровского, Р. Инглхарта, Т. Ланга, К. Станилова и др. Помимо обобщающих теоретических работ автор опирается на эмпирические исследования избирательных процессов, представленные в публикациях А. Блаиса, Л. Хуг, Т. Костадиновой, Х. Крейши, Г. Маркса, Дж. Сартори и др. Ключевое внимание уделяется публикациям литовских авторов: В. Даугирдаса, М. Ястрамкиса, П. Кавалаяюскаса, Е. Крячюнаса, А. Крупавичюса, И. Петроните, Г. Почюте-Серейкене, А. Рамонайте, Р. Тучаса, Р. Урбавичене и др., в которых описана конкретная ситуация в муниципальных образованиях (самоуправлениях) Литвы.

Материалы и методы.

Исходные материалы диссертационного исследования включали:

1. Данные Всесоюзной переписи населения СССР (1989), данные переписей населения Литовской Республики (2001, 2011), статистические ежегодники Национальной статистической службы Литовской Республики (с 2004 г.) в разрезе муниципальных образований (самоуправлений);
2. Данные Избирательной комиссии Литовской Республики о результатах выборов различных типов и уровней (с 1991 г.) по 13 избирательным кампаниям в разрезе 60 муниципальных образований (самоуправлений);
3. Аналитические материалы и базы данных экспертных организаций и групп: экспертные и социологические опросы исследовательских групп Университета Северной Каролины в Чепел Хилле (Chapel Hill Expert Survey), Вильнюсского университета (The Lithuanian National Election Study) и др.;
4. Картографические материалы (современные атласы, исторические и этнографические карты Литвы);
5. Интернет-ресурсы государственных и муниципальных органов власти, некоммерческих организаций, СМИ Литовской республики;

6. Полевые наблюдения и материалы проведенных экспертных интервью, в том числе в рамках научного проекта, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) №17-37-01009-ОГН ««Трансформация региональных политических культур постсоциалистических стран Европы» (руководитель проекта – А.С. Зиновьев, исполнитель – Н.Л. Туров).

Исследование строится на полимасштабном подходе: формирование политических культур Литовской Республики рассматривается, во-первых, в контексте постсоциалистической трансформации стран ЦВЕ, во-вторых, во внимание принимается национальный уровень дифференциации социально-экономического и политико-культурного пространства страны, в-третьих, муниципальный уровень, позволяющий объяснять глубинные причины различий региональных политических культур, устойчивости и изменчивости их проявлений в электоральных циклах. Методический арсенал автора включает: а) стандартные методы социально-экономического анализа статистических данных и методики исследования электорального поведения населения; б) историко-географические методы изучения эволюционных предпосылок формирования региональных политических культур; в) методы институционального анализа, ориентированные на изучение преемственности и разрывов в развитии; г) методы контент- и дискурс-анализа текстовых материалов; д) картографический метод.

Научна новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- Сформулированы теоретические представления о региональной политической культуре, как результате взаимодействия политических и неполитических факторов, связывающей в каждый конкретный момент времени места и политические действия.
- Разработаны авторские методология и методика географического изучения региональных политических культур, которые могут быть применены не только к постсоветским и постсоциалистическим государствам, но и к иным странам;
- Созданы типологии муниципальных образований (самоуправлений) Литвы с учетом специфики социально-экономических и демографических процессов, а также политических предпочтений избирателей и их вариативности;
- На эмпирическом уровне показана множественность региональных политических культур Литвы, контекстуальность их формирования и возможность различных электоральных моделей поведения на основе одной и той же унаследованной политической культуры;

- Выявлены и описаны ключевые черты региональных политических культур современной Литвы.

Практическая значимость. Понимание ключевых трендов развития политического пространства современной Литвы – ближайшего соседа России, определяет практическую значимость диссертационного исследования. Материалы диссертации могут найти применение при выработке практико-ориентированных рекомендаций для органов власти и общественных организаций России, занимающихся вопросами внешней политики и внешнеэкономической деятельности, а также в преподавании университетских учебных курсов по политической и культурной географии, географии стран Зарубежной Европы и при подготовке учебных пособий по данным дисциплинам.

Апробация. По теме диссертации опубликовано 13 работ, в том числе 4 статьи – в рецензируемых журналах из перечня ВАК, из них 3 по специальности 1.6.13 экономическая, социальная, политическая и рекреационная география. Материалы и результаты работы докладывались и обсуждались на заседаниях отдела социально-экономической географии Института географии РАН, в ходе стажировок автора в Вильнюсском (2016 г.) и Клайпедском (2019 г.) университетах (Литва), а также на многочисленных конференциях, среди которых тематическая конференция Международного географического союза, посвященная 100-летию Института географии РАН «Practical Geography and XXI Century Challenges» (Москва, 2018 г.), II-VI Политико-географические чтения имени О.В. Витковского (Москва, 2021-2025 гг.), «Регионализация и кластеризация в условиях переформатирования мирового порядка»: XXXVIII сессия Экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (Санкт-Петербург, 2022 г.), I Белорусский географический конгресс: посвященный 90-летию факультета географии и геоинформатики Белорусского государственного университета и 70-летию Белорусского географического общества (Минск, 2024 г.).

Объем и структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений. Основной текст изложен на 156 страницах. Работа содержит 51 рисунок и две таблицы. Приложение состоит из трех таблиц.

Первая глава посвящена теоретико-методологическим основам изучения региональных политических культур постсоциалистических обществ. Последовательно рассматриваются концепт постсоциалистической трансформации, дается обзор подходов к пониманию политической культуры и описываются устоявшиеся методики исследования политической культуры и ее региональных измерений, предлагаются методология географического изучения региональной политической культуры и методика ее

эмпирического исследования. Во второй главе основное внимание уделяется пространственной дифференциации социально-экономического, демографического, этнокультурного контекста в разрезе муниципальных образований (самоуправлений), учитывается эволюция политико-территориальной структуры и административно-территориального деления Литвы. В третьей главе рассматриваются разные типы выборов в постсоветской независимой Литве, определяются региональные политические предпочтения населения и географическая дифференциация электорального пространства Литвы. На основе сопоставительного анализа паттернов социально-экономического и политического пространства выделяются типологические черты региональных политических культуры современной Литвы. В заключении сформулированы основные результаты диссертации.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

1.1. Постсоциалистическая трансформация: концепт, динамика, тренды

1.1.1. Постсоциализм как концептуальная рамка исследования

Анализируя массив публикаций, посвященных постсоциалистическим трансформациям, российский исследователь К.Ю. Рогов¹ (2022) пришел к выводу, что за тридцатилетие, прошедшее после дезинтеграции СССР и системы социализма, оценки последствий трансформационных процессов претерпели существенные изменения. Рогов выделил три крупных блока работ, отражающих этапы переосмысления исследовательских позиций. Первый блок работ относится к 1990-м годам и характеризуется верой исследователей в то, что проводимые реформы приведут все постсоциалистические страны к модели социальной организации, сочетающей либеральную демократию и рыночную экономику. Предполагалось, что, имея перед глазами примеры эффективно работающих институтов стран Запада, постсоциалистические страны смогут легко внедрить в свои общества более зрелые формы современного либерального капитализма. То есть в научном смысле «постсоциализм» понимался не просто как осмысление процессов изменений, последовавших за крахом попыток строительства коммунизма, а как преобразование социалистических государств в демократические с рыночной экономикой западного типа. Данное мнение основывалось на утверждении экономического и политического превосходства капитализма и уверенности, что он принесет бурное развитие, модернизацию и индивидуальные свободы. Период 1990-х был назван Роговым *периодом догоняющего развития*.

В 2000-е годы наступает разочарование. Хотя большинство постсоциалистических стран преодолели период экономической и политической турбулентности и начался стабильный экономический рост, далеко не все из них оказались готовы двигаться дальше по проторенной странами Запада дороге. Несмотря на повсеместный отказ от коммунистической идеологии, признание частной собственности и свободное регулирование цен, построение базовых институтов, таких как верховенство закона и права человека, буксовало, осуществлялись попытки ограничения политической конкуренции, дабы зафиксировать сложившийся в 1990-е статус-кво. Этот период был назван *нормативистским*. Постсоциалистические страны были поделены на авангардные и

¹ К.Ю. Рогов признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом

арьергардные: первые уверенно двигались к западным стандартам, вторые сошли с заданного пути развития. Ключевой темой научных дискуссий стал вопрос об ошибках, допущенных арьергардными странами и причинах произошедшей дивергенции.

Третий блок работ относится к 2010-м годам, когда снизился средний темп роста национальных экономик. Даже многие авангардные страны испытывали экономическую стагнацию. В поле публичной политики, например в Польше и Венгрии, начался консервативный разворот и произошел частичный отказ от идеалов либеральной демократии. А Болгария и страны Балтии оказались в состоянии глубокой фрустрации. Непосредственным следствием интеграции в ЕС стал отток рабочей силы из стран ЦВЕ, особенно молодежи, что сокращало их социально-демографический потенциал для нового экономического рывка. Уровень жизни, хотя и улучшился, но все равно значительно отставал от стран Западной Европы. Арьергардные страны находились в ситуации мучительного поиска собственной альтернативы предлагаемой извне модели построения общества западноевропейского типа, что привело к конкуренции либеральных и антилиберальных идей в сфере общественно-политического развития. Само понятие «постсоциализм» было подвергнуто критике. Подчеркивались его упор на разрыв, а не преемственность, политическое бесправие, акцент на прошлом, а не будущем, а также привязанность к территориям конкретных стран (см., напр.: Müller, 2019).

Критика концепции постсоциализма актуализировала вопрос о специфике постсоциалистического опыта и стран ЦВЕ как некоего единого постсоциалистического региона. Возникли предложения ее модификации и содержательного расширения. Так, британский антрополог Д. Канефф предложил распространить концепцию постсоциализма на территории, которые, как правило, с ним не ассоциируются (Kaneff, 2022). Он указал, что социалистические практики часто встречаются и в капиталистических государствах Запада, например, строительство социального жилья и распространение районов массовой жилой застройки. Другой аспект предложенного им расширительного толкования постсоциализма был связан с миграциями, объединяющими Центральную, Восточную и Западную Европу. Канефф обращает внимание на феномен двойной стигматизации. Во-первых, политика нового национального строительства маргинализирует свои страны и выталкивает их экономически активных жителей за границу, где они надеются обрести более высокие статусные и экономические позиции. В наибольшей мере процесс миграционного оттока населения из негативно оцениваемых стран ЦВЕ на позитивно оцениваемый Запад затрагивает периферийные районы постсоциалистических стран. Во-вторых, осуществив переезд, мигранты сталкиваются с предубеждениями принимающих западных сообществ, которые оценивают их исходя из глобальной иерархии: их позиции

как выходцев из стран ЦВЕ, особенно в случае тех, кто выполняет низкоквалифицированную работу, изначально менее ценны, чем местных жителей. Иными словами, если рассматривать «постсоциализм» не как констатацию факта, а как аналитический инструмент, он помогает объяснить феномен культурной девальвации принадлежности к определенным территориям (Kaneff, 2022).

Трактовка постсоциализма как аналитической категории позволяет отойти от линейного представления о времени как причинной последовательности и обратиться к более сложным объяснительным схемам, предполагающим множественную темпоральность. Наглядный пример такой множественности дают различия в трактовке причин актуальных событий. Так, согласно дискурсу, поддерживаемому политическим истеблишментом стран ЦВЕ, первопричиной проблем в постсоциалистический период являются издержки социализма, а их оппоненты придерживаются иного взгляда, рассматривая текущие проблемы как следствие изменений, произошедших после падения социализма. Сходную точку зрения разделяют и те, кто ностальгирует по прошлым временам. При этом и бенифициары трансформационных процессов, и пострадавшие от последствий трех десятилетий неолиберальной политики выбирают социалистическое время в качестве реперной точки своих рассуждений, но первые его стигматизируют, отчасти прибегая к риторике холодной войны, а вторые указывают на выросшее социальное неравенство и углубление неравномерности территориального развития. Парадоксальным образом по мере удаления от социалистического прошлого оно не становится далекой историей, а сохраняется в политической повестке. В результате постсоциализм из простой констатации факта смены общественно-политической формации превращается в арену политико-идеологической борьбы и мнемонической напряженности. Логично предположить, что пока постсоциализм как дискурсивный конструкт будет иметь повседневные политические следствия, теоретический, аналитический и эмпирический интерес к нему со стороны исследователей сохранится.

В контексте исследований постсоциализма важно провести различия в терминах «транзит» и «трансформация». Оба термина поясняют нюансы того, как описывать и интерпретировать радикальные и нелинейные изменения в обществе, и нередко используются как синонимы для обозначения структурных изменений в обществе. Тем не менее, различия в их трактовке довольно существенны (см. Hölscher, Wittmayer, Loorbach, 2018). В англоязычной литературе термин «транзит» (*transit*) используется для обозначения фундаментальных социальных, технологических, институциональных и экономических изменений при переходе от одного общественного уклада к другому. При этом конечная точка транзита заранее известна. Кроме того, данный термин часто используется для

анализа изменений на уровне отдельных институтов и общественных подсистем (Loorbach, Frantzeskaki, Avelino, 2017). В немецкой научной традиции предпочтение отдается термину «трансформация» (*transformation*), который в отличие от транзита обозначает более менее предсказуемый процесс системных сдвигов во взаимодействиях человека с окружающим миром. Некоторые ученые полагают, что термин «трансформация» обозначает более радикальные, крупномасштабные и долгосрочные изменения (Stirling, 2014, Brand, 2014), которые могут иметь различный иерархический масштаб: глобальный, национальный или локальный (Hölscher, Wittmayer, Loorbach, 2018). Другие рассматривают трансформацию как как один из возможных путей транзита (Geels & Schot, 2007). В диссертационном исследовании мы используем понятие «трансформация» в трактовке, предложенной польскими социологами, которые видят в ней социальные изменения, растянутые во времени и пространстве (Kazmierska & Waniek, 2020), что предполагает изменение значимых характеристик места (Аксенов, 2014).

Таким образом, приступая к изучению региональных политических культур современной Литвы, мы рассматривали их формирование в контексте постсоциализма, понимаемого как открытый трансформационный процесс с непредзаданным результатом, сочетающий институциональное (нормативное) принуждение к социальному порядку общеевропейского типа с морально-этическим (ценностным) стремлением населения к большей социальной справедливости и личной свободе.

1.1.2. Постсоциалистическая трансформация и процессы модернизации

Стратегии развития постсоветских и постсоциалистических стран после коллапса СССР были многозадачными и предполагали построение рыночной экономики, реформирование политической системы, «переизобретение» национальной идентичности (что имело разный смысл для разных стран и наций), а также написание своей истории и перекодирование исторической памяти (Макаренко, 2019). Значительное влияние на проводимую экономическую и символическую политику оказывало стремление политических элит стран ЦВЕ к культурному сближению со странами Западной Европы. Процесс расширения Европейского Союза представлялся как воплощение прогресса и необходимая часть образа будущего для стран ЦВЕ. Членство в ЕС рассматривалось как возвращение в общеевропейский дом, конечный пункт назначения и предполагало дорожную карту перехода от социалистического/советского прошлого к будущему. Основное внимание уделялось формализованным вопросам, процедурным институтам (становление демократической политической системы и рыночной экономики), при этом другие не менее важные аспекты интеграции, такие как национальная и региональная

идентичность и культура оставались в тени. Такая расстановка акцентов отвечала теориям модернизации, разработанным в середине XX века для новых независимых государств, образовавшихся в результате распада колониальных империй. Взгляд на мир, присущий сторонникам идеи стадийного развития выразился и в универсалистских теориях, таких как «конец истории» Фрэнсиса Фукуямы (Fukuyama, 1992), «очищающих революциях» Юргена Хабермарса (Habermas, 1992), «догоняющего развития» Майкла Буравого (Burawoy, 1994) и др.

Альтернативой линейной схеме модернизации стали подходы с позиции культурного плюрализма. Согласно теории множественной модернизации (Eisenstadt, 2002), культурное многообразие мира проявляется не только в глобальных масштабах, но и на уровне отдельных стран и регионов. Этот факт ставит под сомнение возможность общего пути социокультурной модернизации, а западный образец рассматривается как один из многих вариантов модернизационных процессов. Каждое общество даже в культурно близких странах по-своему переживает модернизационные процессы, формируя свои модели и специфические формы апроприации социально-экономических и политических инноваций. Данный подход, часто в институциональном русле, признает, что происходящие преобразования в странах ЦВЕ содержат уникальные элементы их особого коммунистического опыта, допуская исторический и контекстуальный компоненты трансформационных процессов, а также недостаточную предсказуемость их протекания. Исторические и антропологические подходы указывают также на важность учета прошлого, которое рассматривается не только в качестве антипода современности, но и как значимый жизненный опыт, который во многом определяет черты современного общества (Kennedy, 2002). В этой связи важно упомянуть концепцию т.н. эффекта колеи, учитывающую зависимость реализуемой политики реформ от предшествующего этапа развития (Pickles & Smith, 1998; Stark & Bruszt, 1998), а также неоклассическую социологию (Eyall, Szelényi, Townsley, 1998). В первом случае подчеркивается важность преемственности институциональных моделей прошлого и возникающих форм настоящего, во втором – роль проводников изменений: элитных групп, интеллигенции, технократов, социальных классов, лидеров общественного мнения, гражданских объединений и пр. Следуя этой логике, можно утверждать, что постсоциалистическая трансформация стран ЦВЕ не может означать единственный путь к желаемому конечному состоянию эволюции общества, поскольку даже опыт самих западных государств слишком разнообразен, чтобы оправдать предположение о глобальной конвергенции. В таком понимании модернизации ключевую роль играет фактор плюрализма, определяющий

множественность путей к конечной цели – построению постиндустриальной рыночной демократии западного типа.

Таким образом, используя концепцию множественной модернизации можно констатировать высокую вероятность пространственного разнообразия итогов постсоциалистической трансформации стран ЦВЕ. Даже если в основе трансформационных процессов лежат довольно жестко определенные западноевропейские институциональные стандарты, воплощенные в копенгагенских критериях и принятии *acquis communautaire*, разнообразие сохраняет свое значение как важное качество европейских стран, позволяющее проводить различия как между Востоком и Западом Европы, так и видеть различия внутри отдельных государств.

Данный тезис не отвергает существования универсальных трендов. Так, ряд авторов склонен рассматривать начавшиеся в конце 1980-х гг. преобразования в странах социалистического лагеря как часть третьей волны демократизации (Хантингтон, 2003). Старт этой демократической волны был ознаменован т.н. революцией гвоздик 1974 г. в Португалии, когда пала авторитарная диктатура Антониу Салазара. Затем эта волна распространилась на другие диктаторские политические режимы в Южной Европе (Испания и Греция) и затем перекинулась на Латинскую Америку; к середине 1980-х гг. она достигла некоторых стран Азии. Вслед за американским социологом Д. Маркоффом российский политолог А.Ю. Мельвиль выделяет ряд факторов, действие которых повлияло на начало процесса демократизации третьей волны. Это:

- притягательность демократических идеалов как итоговой цели общественных преобразований для широких слоев общества;
- влияние западной массовой культуры на рост популярности демократических моделей развития;
- экономическая неэффективность командно-административных нерыночных методов управления, приведшая к делегитимации соответствующих им политических систем;
- неудачи попыток практических экспериментов с политической демократизацией авторитарных институтов и процедур;
- международный контекст, благоприятствующий популярности идей демократизации (Мельвиль, 2000).

Сложная комбинация этих факторов привела к формированию нескольких моделей политических реформ и перехода к демократии: во-первых, через соглашение между сторонниками реформ и их оппонентами в политической элите; во-вторых, через последовательные реформы, осуществляемые отдельными представителями элиты; в-

третьих, благодаря силовому давлению «сверху» через прямое навязывание демократических процедур и реформ; в-четвертых, как результат революционных действий «снизу» (Karl & Schmitter, 1994).

Ключевые отличия постсоциалистических трансформаций от преобразований в странах третьей волны демократизации состоят не только в реформировании политического процесса, но и в реструктуризации неэффективной в новых рыночных условиях промышленности, что повлекло за собой изменения в структуре занятости и рост безработицы. Помимо этого, нужно отметить отсутствие консенсуса в политической элите, характерное для большинства постсоциалистических стран, рост националистических настроений как реакции на ослабление идеологического центра и необходимости решения задач национально-государственного строительства в отсутствие полноценного гражданского общества. На все описанные трудности наложились процессы глобализации, которые потребовали приспособление обществ стран ЦВЕ как к новому общественному строю, так и глобальным тенденциям (Genov, 2021).

Фактически детерминантами трансформаций в постсоциалистических странах Европы, на наш взгляд, выступили три ключевых процесса:

- структурные трансформации в мировой экономике (переход на 5-й цикл Кондратьева) и, как следствие, в обществе;
- системная трансформация от административно-командной экономики к рыночной и от политического режима советского типа к демократическому – западноевропейского;
- вступление ряда стран в интеграционные союзы/альянсы, в первую очередь, ЕС и НАТО.

Рассмотрим влияние каждого из этих факторов на экономические, политические и культурные трансформации в постсоциалистических странах.

1.1.3. Особенности постсоциалистических трансформационных процессов в странах Центрально-Восточной Европы

Экономические трансформации. В сфере экономики постсоциалистический переход от системы централизованного планирования, основанного на господстве государственной собственности и административно-бюрократическом регулировании, к рыночным экономическим инструментам, частной собственности на средства производства и минимизированном вмешательстве государства потребовал учета многих факторов, имеющих не только социально-экономическое, но и политическое значение. Системная трансформация требовала одновременного поддержания разнонаправленных процессов: с

одной стороны, либерализацию экономики, предполагающую реформы и изменения, а с другой – макроэкономическую стабилизацию. Проводимые реформы также предусматривали построение новых институтов и микроэкономическую реструктуризацию всей системы хозяйства страны. Важным условием проведения этих многочисленных реформ была их одновременность и синхронность. Однако, это условие оказалось трудно выполнимым, большинство стран ЦВЕ оказались зависимы от предшествующего этапа развития, которые угрожали значительно затянуть, а в некоторых случаях полностью подорвать процессы трансформации. Этот феномен проявился как в странах, где системные изменения были начаты более радикально, как в Румынии, так и в случаях, когда основы трансформационных процессов существовали в контексте старой системы управления, как, например, в Польше.

Свободы постсоциалистических стран при выборе экономической и институциональной политики ограничивали не только их коммунистическое прошлое, но и особенности интеграционного пути в ЕС. Хотя глобализация создавала возможности экономических и институциональных маневров, институциональные стандарты ЕС и требования соблюдать его нормативные предписания существенно сузили возможности национальных правительств при принятии суверенных решений по многим жизненно важным вопросам. Огромной проблемой для постсоциалистических обществ стала необходимость проведения реформ в жестко обозначенные сроки, что при слабости демократических институтов, сделало невозможным уравновесить достижение экономических целей компенсацией возникающих социальных противоречий. Поэтому неудивительно, что процессы трансформации оказались во многом разрушительными для национальных экономик. Приватизация основных фондов и либерализация торговли, а также дерегулирование движения капиталов привело к созданию альянсов между иностранными и внутренними группами интересов, которые и стали бенефициарами происходящих изменений. Хотя масштабы таких явлений различаются по странам ЦВЕ в зависимости от качества институтов, зрелости демократической системы, уровня развития гражданского общества и степени независимости средств массовой информации, опыт первых нескольких лет реформ был повсеместно определен как «кризис трансформации» (Schmieding, 1993). Кризис выразился в сокращении ВВП на 30-50%, росте уровня безработицы до 25% от трудоспособного населения, взрывной инфляции, сокращении государственных мер социальной защиты и резком снижении уровня жизни населения. Изменения мировой экономической системы (переход на 5-й цикл Кондратьева) наложились на внутренние экономические преобразования в постсоциалистических странах.

Фактически стала формироваться новая региональная экономическая география, пространственно дифференцирующая победителей и проигравших. Экономические потрясения начала 1990-х годов привели к реверсивным процессам, наметился отток населения в сельские районы, что стало широко практикуемой стратегией выживания. В большинстве стран региона доля городского населения оставалась неизменной в течение десятилетия, а в странах Балтии она даже сократилась. Ухудшились и ключевые демографические показатели: выросла смертность, снизился уровень рождаемости и значительно вырос миграционный отток населения из региона ЦВЕ.

Успешность преодоления кризиса трансформации зависела от трех основных факторов (Stanilov, 2007). Первый фактор – это последовательное проведение политических, экономических и институциональных реформ. Страны, добившиеся успехов в децентрализации системы управления и сумевшие обеспечить активное участие региональных и местных властей в проведении реформ, такие как Чехия, Словакия и Эстония, добились более высоких экономических результатов и смогли поддерживать темпы экономического роста в течение всего переходного периода. Второй фактор связан с «эффектом колее». Опыт 1990-х годов показал, что перемены встречают значительное сопротивление со стороны неформальных институтов и общественного восприятия. Общественное мнение существенно влияло на принятие/непринятие проводимой политики: в более прогрессивных странах (например, Словения и Чехия), оно смягчало шок от реформ, в то время как в других оно стало своеобразным барьером развития (например, Болгария и Румыния). Третьим фактором, повлиявшим на успешность преодоления кризиса трансформации, стала география прямых иностранных инвестиций. Страны, граничащие с экономически развитыми регионами западноевропейских членов ЕС, обладали преимуществами соседства на протяжении всей своей истории. Связи, налаженные благодаря торговым и культурным обменам на протяжении веков, актуализировались в постсоциалистический период. Эффект соседства отразился и на интенсивности контактов и поддержки. Вместе с тем, иностранные инвестиции, стимулируя экономический рост в странах-реципиентах способствовали усилению центр-периферийных градиентов. Основные инвестирующие корпорации сосредоточили свои местные штаб-квартиры, управленческие и контролирующие функции преимущественно в столичных районах, таким образом увеличивая социально-экономическое неравенство также и между регионами внутри государств. Отрыв регионов-лидеров ЦВЕ от отстающих по показателю ВРП на душу населения по ППС (Праги и Братиславского края от румынских и болгарских) сохраняется до сих пор и составляет 6-7 раз (Свиридова, 2008).

Следует заметить, что все три фактора – последовательность реформ, зависимость от предшествующего этапа развития и иностранные инвестиции – тесно взаимосвязаны. Так, иностранные инвестиции в основном направлялись в государства и регионы, ориентированные на реформы и обладающие опытом (традицией) их проведения. Так, известный исследователь постсоциалистических изменений К. Станилов, охарактеризовавший факторы успешности экономических трансформаций, выделил три группы стран в зависимости от особенностей реформ. В первую группу входят страны, которые с энтузиазмом приняли и начали без дальнейших проволочек проводить политику неолиберальных реформ, намеченную международными финансовыми институтами. Их усилия были позже признаны, когда в 2004 году все они стали членами ЕС. Вторая группа стран состоит из государств, которые приняли намеченную основу для реформ, либо осуществили их с задержкой, либо остановились на выборочных новых практиках и институтах. В эту относительно небольшую группу вошли Румыния, Болгария и Хорватия, которые впоследствии также были включены в состав ЕС, хотя и несколько позже, чем страны первой группы. Остальные восточноевропейские страны продемонстрировали незначительный прогресс в корректировке своих институциональных структур в соответствии с требуемыми европейскими критериями. Это произошло либо из-за отсроченных политических реформ, как в случае с постсоветскими Украиной, Беларусью и Молдовой, либо из-за последствий войн, бушевавших на Балканах в течение 1990-х годов (Stanilov, 2007).

Мировой экономический кризис 2008-2009 гг. привел к замедлению экономического роста во всех странах мира. В постсоциалистических странах он оказалась наиболее выражен – темпы их восстановительного экономического роста после кризиса отставали от стран с аналогичным уровнем развития. Избавившись от неэффективных составляющих командной экономики, они столкнулись с вызовом проведения структурных реформ в сфере экономических и политических институтов, совершенствования финансовой системы и поощрение инвестиций в человеческий капитал, инновации и инфраструктуру. Однако в отличие от конца 1980-1990-х гг. сама идея реформ утратила свою популярность. Причиной этого называют существенное социальное расслоение, вызванное в том числе и предшествующим этапом постсоциалистического экономического роста. Бенефициарами перемен стали 10% наиболее богатых домохозяйств, в то время как доходы 75% населения росли замедленными темпами. Резче обозначился разрыв между странами ЦВЕ и развитыми странами: 56% домохозяйств постсоциалистических стран еще больше отстали от них в уровне доходов (EBRD, 2016). Завышенные ожидания от реформ, не случившаяся конвергенция по уровню доходов и качеству жизни между Восточной и Западной Европой

спровоцировали фрустрацию у значительной части населения стран ЦВЕ. Проблема социального неблагополучия в постсоциалистических странах оказалась гораздо серьезнее, чем у западных соседей, а проявления политического популизма возникли здесь существенно раньше.

Политические трансформации. Переход от государств советского типа, основанного на господстве коммунистической идеологии, к демократическим государствам западного типа потребовал трансформации всех политических институтов постсоциалистических стран. Во многом эти процессы были для них инновационными, поскольку диктовали необходимость пересмотра привычных основ организации политической жизни. Одной из важнейших политических инноваций стало формирование института свободных и конкурентных выборов и партийное строительство. Электоральные процессы достаточно быстро выявили основные линии социальных расколов, связанные с отношением к коммунистическому прошлому страны и «шоковым» экономическим реформам, повлекшим за собой рост безработицы и снижение уровня жизни населения. Политические предпочтения в 1990-е гг. во многом определялись тем, кто считался «виновным» в усугубившихся экономических проблемах: коммунисты, которые «довели страну до такого состояния» или реформаторы, «разрушившие сложившуюся систему» (Czyz, 2002).

Складывающийся новый политический режим характеризовался низким уровнем доверия к формирующейся партийно-политической системе. Отчасти это объяснялось сохранением на политическом олимпе бывших коммунистических руководителей, возглавивших новые политические партии, как левые, так и правые. Подобная наследственность, связанная со стремлением сохранить доступ к ресурсам власти, а не представлять интересы социальных групп, объясняет краткость жизненного цикла созданных в тот период политических партий, который ограничивается одной-двумя избирательными кампаниями. Уровень электоральной волатильности в постсоциалистических странах оказался одним из самых высоких в мире. Было доказано, что экономические факторы оказали минимальное воздействие на неустойчивость партийно-политической структуры, а ключевую роль сыграло несовершенство институционального устройства избирательной системы и советское наследие (Epperly, 2011). Еще одним фактором, повлиявшим на функционирование партийно-политических систем стран ЦВЕ, стала философия «аполитичной политики», популярная в начале 1990-х годов, многим видным диссидентам, ставшим впоследствии влиятельными политиками (Вацлав Гавел) и лидерами общественного мнения (Адам Михник). Суть философии сводится к тому, что сторонники прямой, а не представительной демократии

недооценивали роль политических партий в обществе, полагая, что партии являются устаревшей организационной формой, отчужденной от интересов людей и более не отвечающей их потребностям. Они подчеркивали значение общественных объединений и гражданских инициатив в политической жизни. Эта позиция во многом предопределила победу гражданских объединений без четкой организационной структуры, членства и программы развития, которые ранее возглавляли борьбу с коммунистическим режимом («Солидарность» в Польше, «Саюдис» в Литве, «Гражданский форум» в Чехословакии и др.) на первых выборах в новых политических реалиях. Имевшиеся внутренние разногласия по поводу направления реформ привели к расколу таких объединений на самостоятельные группы и фракции, а в дальнейшем и к идеологическим расхождениям, формированию самостоятельных политических организаций. Хотя камнем преткновения были экономические вопросы, раскол был идеологическим: неолибералы поддерживали модель «шоковой терапии», а социал-демократы выступали за эволюционный ход экономических реформ.

Разногласия среди политических элит потребовали более четкого выражения идеологической позиции. Как следствие, стали возникать и более иерархически структурированные политические организации с членством и возможностью внутреннего контроля и управления. Партии такого типа обычно создавались лидерами различных фракций бывших общественных движений, которые использовали свои правительственные и парламентские посты для привлечения внимания средств массовой информации.

В то же время шел другой процесс партийного строительства. Нестабильность экономической ситуации приводила людей к выбору политиков с сильными лидерскими качествами. В обществах постсоциалистических стран наиболее востребованными оказались популистские движения, апеллировавшие к абстрактному большинству, социальной справедливости и общему благу. Свою роль сыграли и инновационные процессы, связанные с цифровизацией и информатизацией общества, они нарушили равновесие во всех сферах жизни общества и вытеснили на периферию социальной жизни тех, кто не владел новыми компетенциями, вызвав в широких кругах населения неуверенность в будущем (Альтерматт, 2000).

Политические трансформации также привели к актуализации линий исторических разломов, реликтовых границ регионов и ареалов расселения этноконфессиональных групп. Обострение центр-периферийных отношений способствовало и более отчетливому проявлению пространственных границ разных типов электорального поведения. Опираясь на теорию диффузии инноваций, Р.Ф. Туровский выделяет, с одной стороны, инновационные центры, представленные крупными городами и голосующие за

праволиберальные партии, а с другой – сельские и малгородские периферийные территории, отдающие предпочтения партиям левоцентристского и популистского толка. Единство периферии, однако, нередко нарушается политизацией исторической памяти и мобилизацией этнокультурных идентичностей. Помимо центр-периферийной структуры идеологических размежеваний Р.Ф. Туровский выделяет также электоральные градиенты «запад-восток» и «север-юг», где Запад и Север имеют более либеральную ориентацию, а Восток и Юг более консервативную. Это не исключает наличия пространственных инверсий. Например, в Польше западные районы скорее тяготеют к левым партиям, тогда как восточные – к правым. Такая инверсия объясняется историей формирования территории современной Польши, когда на землях, включенных в состав Польши после Второй мировой войны, произошло замещение населения (Туровский, 2004).

Не менее важным фактором, предопределившим необходимость политических инноваций, стала необходимость адаптации политико-юридических систем стран ЦВЕ к общеевропейским институциональным требованиям, что привело к трансформации существующих и созданию новых институтов. Во всех странах ЦВЕ власть президента была ограничена парламентской или смешанной (парламентско-президентской) формой республиканского правления. Подобный дизайн политического управления сложился под влиянием, с одной стороны, волатильности партийной структуры, не позволявшей ни одной из партий получить большинство, а с другой – стремления предотвратить возврат к авторитарному политическому режиму. Вместе с тем, выбор в пользу парламентско-президентской формы правления требовал не только пропорциональной избирательной системы при выборе парламента, но и поддержания высокого уровня политической конкуренции. Все это, как пишет политолог И.Н. Тарасов, сделало неопределенность системным признаком постсоциалистических политических трансформаций (Тарасов, 2010). Он отмечает, что лишь польская модель полупрезидентской республики демонстрирует приближение к искомому балансу институтов, но даже она, хотя и существенно снижает риск институциональных конфликтов, не гарантирует их не возникновение. В остальных рассмотренных автором случаях сложились парламентские системы, в которых потенциальные конфликты ограничены стенами парламента и не выходит на уровень отношений между ветвями власти (Тарасов, 2010).

Одним из наиболее значимых институциональных изменений стала реформа административно-территориального деления, внедрившая местное самоуправление как низовой уровень власти с определенным набором компетенций. Первым шагом в выстраивании межмуниципальных отношений стало создание выборных представительных органов регионального уровня. Затем регионы стали активно

вовлекаться в программы сотрудничества с партнерами из стран-членов ЕС в формате еврорегионов, где предусматривалась различная совместная проектная деятельность, напрямую финансируемая из Брюсселя. Это расширило диапазон полномочий региональных политиков и дало им большую независимость от национальных органов управления. Местные сообщества стали полноценными участниками политических процессов на уровне регионов и государства в целом. Регионализация политики способствовало усилению местных ячеек общенациональных политических партий, которым теперь приходилось вступать в коалиции с политическими конкурентами для формирования региональных правительств. Рост значимости региональных политических процессов привел и к актуализации проблем, связанных с региональными политическими культурами.

Культурные трансформации. Многие из современных постсоциалистических государств ЦВЕ в XIX и XX вв. входили в состав различных империй, их борьба за свою независимость в значительной степени опиралась на аргументы национального угнетения и была легитимирована внутренними этнокультурными и этноконфессиональными различиями. Национальное пробуждение и возрождение стали важнейшими движущими силами распада империй. Последние подобные события случились в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и были связаны не только с распадом СССР, Чехословакии и Югославии, но и всей мировой системы социализма. Обретение независимости поставило страны региона перед необходимостью переформатирования своей национальной идентичности таким образом, чтобы она отвечала новым реалиям. Возникла необходимость в переосмыслении собственной истории, национальных мифов и нарративов, в обновлении пантеона национальных героев.

Страны Балтии являются наиболее яркими примерами таких изменений. Ключевыми социокультурными вызовами, с которыми они столкнулись в ходе постсоциалистических трансформаций, стали: а) необходимость построения национальной идентичности в условиях усиления регионализма и существования этнокультурных меньшинств; б) требование европейской интеграции, отдающей приоритет общеевропейским ценностям; и в) конфликт современности или даже постсовременности с ее «космополитической перегрузкой», по образному выражению Э. Гидденса (Giddens, Kunushevci, 2017), и предшествующих этапов исторического развития. Перед странами Балтии, как и перед странами ЦВЕ в целом, стал вопрос выбора модели культурной постсоциалистической трансформации – либо принятие западноевропейских ценностей и образа жизни, либо отказ от них. Оба выбора имели свои издержки. Широкое использование проевропейских культурных аргументов в политике формирования идентичностей – от национальных до

локальных, влекло за собой рост популярности правоконсервативных идей и установок, которые в ряде стран активно поддерживались церковью и религией и стимулировались ростом этнонационалистических настроений и нетерпимости. Стремление следовать «своим путем» наталкивалось на межпоколенческие сдвиги в структуре ценностей населения, переход от ценностей индустриального общества к ценностям постиндустриальной современности (Inglehart, 1977). Актуальность этого сдвига для постсоциалистических стран повышалась тем, что поколения миллениалов социализировались в принципиально иных условиях, нежели их родители. Межпоколенческие различия отчетливо считывались в структуре ценностных ориентаций, выявленной многочисленными европейскими сравнительными исследованиями. Было доказано, что люди, предпочитающие ценности «сохранения», склонны сопротивляться нововведением и стремятся к поддержанию статус-кво, тогда как люди, ориентирующиеся на ценности «открытости», становятся сторонниками новизны (Schwartz, 1992). Эта концепция хорошо объясняет феномен постсоциалистической ностальгии у старших возрастных когорт населения стран ЦВЕ. Ностальгические установки по сути являются не тоской по прошлому, а критической реакцией на обесценивание личного опыта и достижений людей, отрицания ценностей коллективной солидарности, социального равенства, безопасности и т.д. Иными словами, постсоциалистическая ностальгия является моральной позицией, позволяющей старшим поколениям претендовать на обладание своим прошлым, утверждать его ценность и подвергать сомнению происходящие изменения (Koleva, 2011).

Мировое исследование ценностей, проводившееся в последнее тридцатилетие в том числе и в постсоциалистических странах, показало, что доля лиц, разделяющих ценности самореализации (постматериалисты в терминах Р. Инглхарта), не только демонстрирует весьма умеренный рост в странах ЦВЕ, но и значительно различается по странам (Chromkova Manea & Rabusic, 2020), т.е. страны ЦВЕ, с точки зрения культурно-ценностного единства, не формируют отдельного культурного ареала. Так, на широко известной культурной карте мира Инглхарта-Вельцеля, прибалтийские страны оказываются ближе к России и даже Китаю, нежели к Западной Европе (Инглхарт, Вельцель, 2011; Inglehart et al., 2017). Другой важный вывод из кросс-культурных ценностных сравнений состоит в том, что степень, а иногда и направление изменений во многом зависит от контекста (Esmer, 2007). Именно культурное наследие является главным объясняющим фактором того, почему культурная модернизация далеко не всегда означает социокультурную гомогенизацию и конвергенцию культурных различий (Inglehart & Baker, 2000). Несмотря на то, что результаты модернизации имеют некоторые общие

универсальные черты, для них характерны существенные пространственные вариации и различия (Eisenstadt, 2006; Blokker, 2005).

Вывод о контекстуальности культурных изменений и инструментализация культуры как средства достижения политических целей вывели вопрос о культурных трансформациях за узкие рамки культурных институций в сферу глобальных социальных, экономических и политических перемен. Растущая социально-экономическая поляризация обществ достигла того уровня, когда она бросила вызов социальной и территориальной сплоченности многих государств (Dijkstra et al., 2020; Rodríguez-Pose, 2018). Особенно ярко это проявилось в Европе, где этот раскол перестал быть социально-экономическим размежеванием городской и сельской местности, а стал культурно-политическим расколом крупнейших городских агломераций и всех остальных территорий (Maxwell, 2019; Huijsmans et al., 2021; McKay et al., 2023). По мере того, как крупнейшие города растут, диверсифицируются и трансформируются в результате экономической и культурной глобализации, их жители становятся все более непохожими на население остальной территории страны. Жители крупнейших городов становятся носителями ценностей универсализма, космополитизма и мультикультурализма. Более консервативные и менее вовлеченные в общемировые процессы жители сельских и менее урбанизированных муниципалитетов, напротив, сохраняют свою приверженность системе национальных культурных координат, они выражают недовольство функционированием демократии в своей стране и менее доверяют сложившейся политической системе, негативно относясь к иммиграции, мультикультурализму и европейской унификации. Тенденция к размежеванию особенно усилилась после начала финансового кризиса 2008 г.

Культурно-ценностной конфликт особенно ярко проявляется в странах ЦВЕ, где можно наблюдать растущее территориальное неравенство между концентрацией экономического роста и социального развития в крупнейших центрах и постепенной деградацией уровня и качества жизни на периферии как в сельской местности, так и в старопромышленных районах, где отмечается деиндустриализация, упадок социальной инфраструктуры, депопуляция и старение населения (Lang et al., 2015; Tsenkova, 2006). Маргинализация части общества и растущее чувство неудовлетворенности, особенно среди тех, кто считает себя жертвами постсоциалистической трансформаций породил скептицизм в отношении реформ по образцу Западной Европы. Возникнув «снизу», он затем нашел свое выражение в официальных политических заявлениях и популистских движениях.

До недавнего времени универсальным объяснением общественно-политических противостояний в капиталистических обществах была классическая модель расколов Липсета-Роккана (Lipset & Rokkan, 1967), которая хорошо работала в условиях

индустриального общества. Однако в последние десятилетия ее валидность заметно снизилась, поскольку ослабла привязанность конкретных социальных групп к той или иной политической партии (см., например, Inglehart, 1997; Evans, 2000; Dalton, 1996), изменилась и природа классических расколов. Многочисленные исследования показывают, что основанный на классовом разделении раскол на левых и правых в партийной конкуренции сегодня перекрывается новым расколом, связанным с культурными установками. Это подтверждается данными опросов, позиционированием политических партий и изменением составом их сторонников (Norris and Inglehart, 2019; Piketty, 2018). В текущих научных дискуссиях выделяются три содержательно схожих подхода, объясняющих природу нового раскола: 1) ценностное противостояние «материализма» (ценности выживания) и «постматериализма» (ценности самореализации) (Inglehart, 1997); 2) культурный разрыв между «победителями» и «проигравшими» в результате глобализации (Kriesi, 2010); и 3) наднациональный конфликт приверженцев либерализма и консерватизма (Hooghe and Marks, 2018).

Фактически выделяются две линии культурно-политической дифференциации: межпоколенческий сдвиг в системах ценностей и средовой контекст (связь с местом проживания). При это все участники дискуссии указывают на возрастающее значение географии и растущие культурно-политические разногласия между космополитичными горожанами и националистически настроенными и социально консервативными жителями «глубинки». Архетипы консерватора и либерала, как правило, выделяются на основании возраста, образования и дохода. Более молодые, более образованные люди либеральных взглядов концентрируются в крупных городских центрах, которые открывают больше экономических возможностей и привлекают тех, кто обладает более высокими компетенциями, в то время как небольшие и старопромышленные города, сельские районы все больше «остаются позади». Сталкиваясь с экономической стагнацией, они теряют молодое и квалифицированное население и как следствие становятся более консервативными. Формируется т.н. «география недовольства» (Dijkstra et al., 2020), отражающая разочарование и гнев людей, живущих в регионах застоя или столкнувшихся с затяжным экономическим спадом. Эти настроения усугубляются ощущением заброшенности властями. Среди жителей распространяется точка зрения, что политическая элита пренебрегает их местом, что приводит не только к росту недовольства, но и к укреплению региональной/локальной культурной идентичности, росту недоверия, чувства взаимного отчуждения и подчеркиванию фундаментальных различий мировоззрения жителей периферии и городских центров.

Подводя итог рассуждений о постсоциалистических трансформациях в странах ЦВЕ, можно сказать, что сложность и разнонаправленность происходящих процессов делает разработанные для западных стран модели формирования гражданского общества и политических структур трудно применимыми для постсоциалистических стран. Интенсивная динамика общественных процессов не позволяет в полной мере отследить возникающие расколы, а политические движения недостаточно организационно сильны и стабильны, чтобы отражать их. Сложившейся ситуации наиболее соответствует модель адаптации инноваций, которая предполагает перенос западных идей и практик в страны ЦВЕ с последующей их специфической корректировкой под местные особенности. В пользу этого говорит тот факт, что постсоциалистические трансформации в странах ЦВЕ в целом были результативными: были созданы институты, отвечающие демократическим политическим режимам и осуществлен переход к рыночной экономике, что обеспечило экономическое развитие и повысило уровень жизни населения. Достигнутые успехи не отменяются издержками интеграционных процессов в ЕС, такими, например, как массовая эмиграция из стран ЦВЕ, что подорвало внутреннее предложение рабочей силы и снизило их потенциал экономического роста. Выросла и зависимость этих стран от общемировой экономической конъюнктуры, так экономический кризис 2008-2009 гг., за которым последовал кризис еврозоны, увеличили разрыв в уровне развития между странами Восточной и Западной Европы. Миграционный кризис, кредитный кризис, отток капитала и последствия рецессии многими в регионе воспринимаются как импортируемые проблемы. Все описанные тенденции усугубили социокультурные расколы в обществе. Если в 1990-х и начале 2000-х гг. основной линией размежевания был коммунистический/антикоммунистический раскол, то в дальнейшем возникли и другие разногласия, связанные с противостоянием неолиберального и консервативного мировоззрения, неравенством между благополучными крупными городами и неблагополучными малыми городами и сельской местностью. Давление, испытываемое странами ЦВЕ в результате экономических, политических и культурных трансформаций, усугубляется проблемами, связанными с иммиграцией из развивающихся стран и эмиграцией собственных граждан, глобализацией и интернационализацией, что провоцирует критические изменения в их политической культуре как на уровне страны в целом, так и отдельных регионов.

1.2. Понятие региональной политической культуры: эволюция представлений

Понятие «культура» относится к числу наиболее употребляемых в социальных науках, в СМИ и быту, но при этом одним из самых трудных для определения. Изначально

ключевое значение «культуры» было сельскохозяйственным (особенности разведения и выращивания растений и животных), позднее в обиход вошло близкое к современному научному пониманию представление о культуре как совокупности элементов общественной жизни, которые усваиваются в процессе социализации (язык, обычаи, традиции, обряды, предписания и др.). Сравнение себя с другими привело к осознанию культурных различий, имеющих значение для формирования человеческих сообществ. Появилась обширная сфера сравнительных исследований, установивших соответствия между преобладающими в обществе культурными и морально-этическими нормами с одной стороны и результатами человеческой деятельности с другой.

В современной науке культура понимается как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, способные их объяснить, обобщить и социализировать (Сорокин, 1992). Будучи независимой от отдельного человека, культура выполняет функцию внешней принуждающей силы, своего рода социально одобряемой программы поведения, которая осваивается по мере взросления и расширения сферы социальных коммуникаций. Понятие культура распространяется на все сферы жизни общества, привычки и образ жизни людей, идеи, верования, институты и культурные практики, структуры власти и механизмы ее реализации, а также результаты деятельности людей, имеющие семиотическую составляющую: художественные произведения, тексты, архитектуру, товары и т.д. (Nelson et al., 1992). Фундаментальной составляющей культуры являются представления о том, что важно-не важно, хорошо-плохо, можно или нельзя делать. Ценностные ориентиры преобразуются в социокультурные и юридические нормы и устойчивые практики взаимодействия в обществе – правила поведения, которые отражают особенности каждой конкретной культуры. Между составляющими культуры образуются связи согласно принципам пространственно-временной смежности и причинной зависимости – прямой или опосредованной (косвенной).

Наряду с представлением о культуре как внешней принуждающей силе, не зависящей от воли человека, сформировалось и представление о культуре как рефлексивной практике, формирующей сообщества идентичностей и единомышленников (Giddens, 1991; Рикер, 2008). Но и при такой трактовке культуры ключевую роль играют общение и коммуникации, позволяющие реализовать потребность людей друг в друге и выражении собственных интересов. Именно рефлексивная составляющая культуры приводит к тому, что со временем культурные ценности и нормы меняются. Особенно наглядно изменчивость культуры, понимаемой как привычки людей и повседневные практики, проявилась в последние десятилетия, когда научно-технический прогресс

предоставил новые возможности для массовых коммуникаций и перемещения людей, товаров и информации. Миграционные, товарные и информационные потоки, распространяясь поверх границ, заметно повлияли на жизнь местных сообществ. Сегодня большинство стран, регионов и городов мира характеризуются мультикультурализмом и полиэтническим составом населения, что, с одной стороны приводит к межкультурным ценностным конфликтам разной степени интенсивности, вербальной и открытой агрессии, но с другой – создает условия для взаимопроникновения различных культур и укрепления их взаимосвязи.

Рост коммуникационной/информационной связанности способствовал тому, что происходящее в некоей точке мирового пространства может непосредственно воздействовать на то, что происходит в конкретном городе или деревне. Группы людей, в том числе проживающие на одной территории и разделяющие определенное мировоззрение, могут выступать значимой силой, способной влиять на общество в целом. Российские географы С.Я. Суций и А.Г. Дружинин подчеркивают, что, продуцируя культуру, территория сама испытывает на себе ее возрастающее влияние (Суций, Дружинин, 1994). Поэтому к приоритетным направлениям исследования можно отнести как учет способов организации пространства «от места к месту», так и оценку воздействия пространственно локализованной культуры на развитие и функционирование географических систем. Одним из таких направлений авторы считают изучение географических закономерностей проявления политической культуры – темы, которая заметно актуализировалась в условиях демонтажа тоталитарных структур (Суций, Дружинин, 1994).

Если обратиться к истории понятия «политическая культура», то надо констатировать его древность, поскольку оно появляется еще в трудах античных авторов. Однако социально-философское осмысление данного феномена началось значительно позже, в трудах представителей эпохи Просвещения – Иоганна Гердера, Алексиса де Токвиля, Шарля Монтескье, а становление современной научной концепции политической культуры еще позже – во второй половине XX в., и пережило несколько периодов забвения и роста популярности (см. рис. 1).

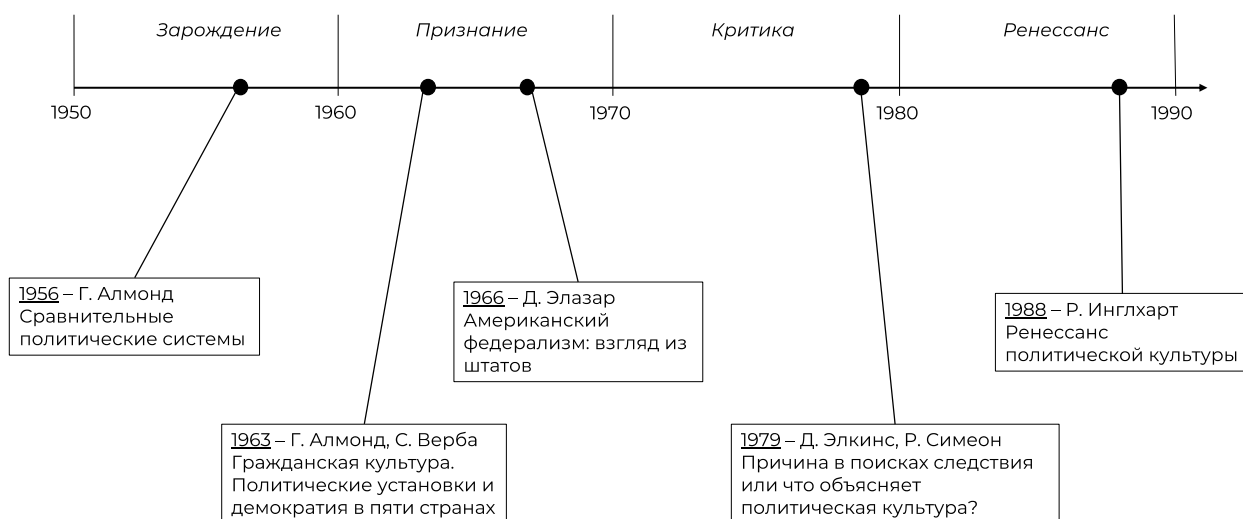

Рис. 1. Политическая культура в научном дискурсе второй половины XX в., составлено автором

Точкой отсчета можно считать 1956 г. – дата выхода в свет статьи Г. Алмонда «Сравнительные политические системы», в которой он довольно расплывчато определил политическую культуру исключительно в политических терминах как модель ориентации на политические действия в политических системах. Высказанные Алмондом идеи получили развитие в его совместной с С. Вербой книге «Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах», опубликованной в 1963 г. и ставшей классикой политической мысли (Almond, Verba, 1963). В ней были заложены основы социокультурной трактовки политической культуры и проведен кросс-культурный анализ политической стабильности демократии на примере пяти стран (Великобритании, Германии, Италии, США и Мексики). Результатом исследования стало выделение трех типов политической культуры – парохийный (приходской), подданнический и парципаторный, которые в разных пропорциях сочетались во всех рассмотренных странах. Приходская культура подразумевала отсутствие интереса к политике и низкий уровень знаний о политической системе. Подчиняясь установленным правилам и процедурам, «прихожанин» ничего не ждет от политической системы. Подданническая культура характеризуется наличием знаний о политических институтах, но отсутствие желания принимать деятельное участие в политической жизни, будучи уверенным, что от него ничего не зависит. Носители культуры участия (парципаторной) проявляют заинтересованность в политике и склонны ориентироваться на активистскую позицию в политике (Almond, Verba, 1963).

Социокультурный подход к трактовке политической культуры получил дальнейшее развитие в работах Д. Элазара (Elazar, 1966). Элазар отошел от дихотомии участия-неучастия и предположил, что морально-этические ориентиры населения влекут за собой

определенные различия в политике и других видах общественного поведения. С его точки зрения, в каждом из американских штатов проявляется один из трех видов политической культуры: индивидуалистская, традиционалистская и моралистская. Несмотря на отличие концепции Элазара от концепции Алмонда-Вербы, его понимание политической культуры как коренящейся в совокупном историческом опыте отдельных групп людей, истоки которой часто теряется в пресловутых туманах времени (Elazar, 1966), осталось таким же расплывчатым, как и у его предшественников.

В 1970-е годы концепция «политической культуры» вызывала шквал критики за свою неоднозначность и неопределенность. Существовало около 40 определений понятия и возникал вопрос: зависимой или независимой переменной является политическая культура, она причина или следствие происходящих процессов? В 1977 г. классик западной политической мысли А. Лейпхарт обратил внимание на множественность политических культур и отсутствие единой политической культуры. Он это связывал со сложностью и многосоставностью обществ большинства стран мира, указывал на множество линий их дифференциации и различие природы дифференцирующих признаков: религию, идеологию, региональные и этнокультурные различия, расовую принадлежность и пр. (Лейпхарт, 1997).

Большое влияние на развитие представлений о политической культуре оказали научные достижения в области семиотики в 1970-е гг. Американский политолог Л. Диттмар проанализировал связь политической символики и политических культур в рамках комплексной семиотической системы коммуникаций. Его подход опирался на выявление объектов/артефактов политической культуры и последующий анализ их семантики, причин, важности и контекста их выделения из фоновой среды, связи с другими артефактами политической культуры, а также того, кто и каким образом их использует. Иначе говоря, политические культуры были подвергнуты системному анализу с точки зрения их языковых, визуальных и коммуникативных особенностей (Dittmer, 1977).

В 1979 г. Д. Элкинс и Р. Симеон в своем эссе утверждали, что поскольку политическая культура является коллективной характеристикой социальных групп, таких как нации и классы, это понятие всегда должно использоваться во множественном числе и быть сравнительным. Они указывали, что учет культурных различий особенно важен в случае соседних стран, таких как Германия и Франция, США и Канада, страны Северной Европы и страны Британского содружества и т.д. Они близки в географическом смысле и разделяют общий исторический опыт, в то же время они существенно отличаются базовыми социокультурными установками населения, оценками одних и тех же событий,

доминирующими религиями и идеологиями (напр., коммунистической или демократической), образом жизни и пр. (Elkins, Simeon, 1979).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. термин «политическая культура» переживает своеобразный ренессанс. В своем президентском обращении к Американской ассоциации политических наук в 1987 г. А. Вилдавски указал на зависимость политических предпочтений от политической культуры. Опираясь на теорию рационального выбора, он рассматривал политическую культуру как своего рода «культурную рациональность» и утверждал, что политическая культура возникает как результат конфликтов на почве разногласий по поводу подходов к пониманию политики. По его мнению, для того чтобы существовала политическая культура, необходимо, чтобы в государстве взаимодействовали различные подходы к организации политической жизни (Wildavsky, 1988). Более того, необходимо, чтобы эти различающиеся подходы совместно образовывали некое большое целое, сформированное общностью целеполагания и ориентацией на желаемое будущее страны, которое может быть достигнуто разными путями. В данном контексте политическая культура рассматривается как отражение идеологических взглядов отдельных лидеров и партий.

Идею культурной рациональности разделяют Х. Телфорд и Х. Лазар, предполагая, что общественная поддержка левой социальной политики и правой экономической политики доказывает существование в Канаде двух политических культур (Telford, Lazar, 2002). Г. Экштейн (Eckstein, 1988) и Р. Инглхарт (Inglehart, 1988), оппонировав Телфорду и Лазару, приводили веские аргументы в пользу причинно-следственной, а не дискурсивной логики формирования политической культуры, указывая, что канадский пример свидетельствует не о наличии двух отдельных политических культур, а скорее о двух фрагментах единой политической культуры. Защищая линию рассуждения Алмонда-Вербы, Инглхарт подчеркивал значимость культурно-ценностных факторов и утверждал, что различные национальные сообщества воплощают различные, но вместе с тем целостные политические культуры, что, в свою очередь, имеет значимые последствия для экономики и политики стран. Еще через два года в своей новой книге Р. Инглхарт усилил этот тезис, указав на рост значимости культурно-ценностных установок в обществе постмодерна, по сравнению с индустриальным (Inglehart, 1990).

Интерес к концептуализации понятия «политическая культура» как аналитической категории, позволяющей объяснить успехи и сбои трансформационных социальных процессов, усилился после падения «железного занавеса», когда открылась возможность проведения социологических исследований в странах ЦВЕ. Уже первые результаты опросов выявили аморфность постсоциалистических обществ и их т.н. культурную

бесформенность. Отсутствие преемственности взглядов и закономерностей политического поведения были признаны одной из их ключевых характеристик (Alexander, 2000). Этот вывод подтверждался и глубинными биографическими интервью, ориентированными на выявление связи между публичным дискурсом и частными установками, которые были проведены российским политологом А. Лукиным (Lukin, 2000). К сходным выводам пришел и американский политолог Н. Петро, который в своем историческом обзоре развития политической культуры в России исследовал содержательную эволюцию политических дискурсов в различных документах – от манифестов и публикаций славянофилов до проектов конституции и программ партий (Petro, 1995).

Другое направление исследований регионального аспекта политической культуры связано с именем Р. Патнэма. В своем фундаментальном труде «Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии» (1996) он, опираясь на анализ межрегиональных исторических и культурных различий, уходящих корнями в средние века, отследил особенности формирования региональных правительств и отношения граждан к ним. Эмпирически была доказана связь между численностью гражданских организаций (обществ, клубов и т.д.) и уровнем социально-экономического развития регионов. Исследование показало существенные различия между политическими культурами севера и юга Италии. На севере, где жители в прошлом были активно вовлечены в сеть горизонтальных взаимодействий, накопленный социальный капитал позволяет их потомкам сегодня проявлять максимальную гражданственность в политической жизни, чего не скажешь о юге страны. Критика идей Р. Патнэма состояла в том, что гражданские организации необязательно являются проводниками демократических начинаний. Как общественные структуры, основанные на доверии, они могут быть использованы любыми силами, поддаваться манипуляциям и приводить к разрушительным последствиям (Levi, 1996). Тем не менее, к концу 1990-х годов все больше исследователей следовали логике Патнэма и представляли политическую культуру не как нечто устоявшееся, а как процесс, определяющий выбор подходов к национальным политическим решениям (Rotberg, 1999).

Рост числа концепций политической культуры и сопровождавший его рост критических публикаций не привел, однако, к появлению общепризнанной концепции политической культуры, в науке так и не сформировалась теория, содержащая как онтологию политической культуры, так и объяснения причин ее изменчивости. Заметим, что скепсис в отношении ее появления выражал еще основоположник политико-культурных исследований Г. Алмонд. Он замечал, что различные подходы к изучению политической культуры – это лишь попытки дотеоретической категоризации,

направленные на обоснование важности учета культурных переменных при объяснении природы политических процессов, предваряющие эмпирические исследования различных аспектов политической культуры (Almond, 1989). Еще более категорично выразился немецкий политолог М. Каазе, назвавший попытки определить понятие «политическая культура» подобными усилиям «прибить пудинг к стене» (цит. по Eckstein, 1996). Тем не менее, несмотря на отсутствие общепризнанной концепции политической культуры, можно с уверенностью говорить о наличии двух исследовательских традиций, которые сложились в политико-культурных исследованиях. Их можно условно назвать позитивистской, устанавливающей причинно-следственные связи, и интерпретивистской, апеллирующей к когнитивным и семантическим категориям.

Первая исследовательская традиция восходит к Алмонду-Вербе, которые предложили свою концепцию в разгар бихевиористской и количественной революций в политической науке, что способствовало формированию свойственного позитивизму уклона в эмпирику. С точки зрения данного подхода основная сложность в исследовании политической культуры заключается в эмпирической параметризации политических ориентаций и норм, дефиците адекватных количественных индикаторов для измерений и сопоставлений. Эту проблему отчасти решала разработка методик социологических исследований установок населения (*attitude survey*), построенная на принципе объяснения склонности индивида к тому или иному утверждению, модели поведения. Впечатляющие результаты, полученные с помощью этого метода, позволили исследованиям политической культуры быстро превратиться в крупное и популярное научное направление. Впоследствии возникло несколько социологических методик, основанных на тех же принципах, но предлагающих собственную операционализацию. Так, методика Р. Инглхарта была ориентирована на исследование межпоколенческого сдвига в системах ценностей (Inglehart, 1977), методика, предложенная Г. Хофстеде, «параметризовала» культуру, исходя из четырех структурирующих признаков – дистанции власти, коллективизма/индивидуализма, избегания неопределенности и феминности/маскулинности (Hofstede, 2001). М. Рокич указал на различия двух групп ценностей: терминальных, касающихся целей индивидуального существования, и инструментальных, связанных с образом действий при достижении целей (Rokeach, 1973). Ш. Шварц предложил универсальную схему ценностного континуума (циркумплекса), в рамках которого происходит выбор ценностных приоритетов каждым индивидом. Возникающие в результате ценностных совпадений коллективные предпочтения определяют политическую культуру социума (Schwartz, 1992).

Культурный поворот, охвативший гуманитарные и социально-экономические науки с конца 1980-х годов, бросил вызов идее объективной реальности, как некой внешней непознанной сущности. Реальность не находится «где-то там», ожидая, чтобы ее открыли, а состоит из слов, изображений, цифр, графиков и таблиц. В этом смысле «реальность» или, по крайней мере, то, что когда-то считалось реальностью, теперь понималась как репрезентация. Благодаря акту репрезентации люди и места обретали новые смыслы и значения как следствие рефлексивной практики. Осознание дискурсивного конструирования мира, открытость множественным значениям и критическое отношение к основополагающим истинам и объективности, существенно повлияли на понимание и изучение культуры. Интерпретивизм стал альтернативой позитивистскому подходу в исследованиях политической культуры. Отличительной особенностью интерпретивизма является внимание к дискурсу, семантической структуре текстов, поиску значений слов и высказываний. По мнению влиятельного антрополога К. Гирца, культура – это паутина смыслов, которую сплел сам человек, это система знаков, значения которых зависят от позиционирования и подчиняются социальному акту интерпретации и репрезентации (Geertz, 1975). Рассмотрение культурных практик как своеобразных «текстов», обладающих уникальностью и семиотическим богатством романа, требует от исследователя, по мнению Гирца, чувствительности литературного переводчика (Geertz, 1993).

Следует отметить, что оба подхода к анализу политической культуры имеют свои ограничения. Исследования политической культуры в русле позитивизма, хотя и обладают теоретической базой, отдают предпочтение совершенствованию статистической операционализации и методики сбора данных. А интерпретивистский взгляд на культуру как всеобъемлющий семиотический контекст ставит под вопрос наличие причинно-следственных связей между разными сферами жизни общества, сводя все к семантике и дискурсу. Наиболее близко к разрешению данного противоречия подошел американский политолог С. Уэлч (Welch, 2013). Опираясь на философию Л. Витгенштейна, К. Поланьи, Дж. Серла, он предлагает дуалистичную онтологию политической культуры и проводит фундаментальное различие между двумя ее измерениями: инерционным (преемственность) и динамическим (изменчивость). Адаптивная инерция практики обеспечивает культурную преемственность, становясь статичной составляющей культуры, а динамика культуры зависит от текучести и изменчивости дискурсов, которые подобны валюте, но не в смысле ресурса для конкуренции, а как средства коммуникации (функции обмена и обращения). Уэлч различает наше знание о том, как действовать, т.е. практическое измерение политической культуры, от нашего «говорения о правильном действии», т.е. использования

дискурсивных ресурсов для оправдания и рационализации поведения. Иными словами, дискурс имеет не прямые, а косвенные каузальные эффекты через соучастие в конституировании социальной среды, к которой агенты должны адаптироваться. Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о констатации изменения мнений, а об изменении основы, на которой формируются мнения. Объясняя взаимосвязь устойчивости и изменчивости составляющих культуры, Уэлч обращает внимание на то, что динамическая реальность (текущая современность по З. Бауману, (Baumann, 2000)) не зависит от человеческого опыта, поскольку предшествует ему, что дает нам представление о пределах влияния дискурса, а также о том, как устоявшиеся практики проявляют себя в меняющихся условиях. Этот тезис представляется особенно важным при оценке особенностей и вариаций посткоммунистического развития стран ЦВЕ. Онтологическая теория Уэлча, постулируя дуализм политической культуры, позволяет соединять в исследовании наработки как позитивистских, так и интерпретивистских подходов к ее изучению. Этот принцип был положен в основу методики нашего исследования региональных политических культур.

1.3. Подходы к изучению региональных политических культур

1.3.1. Анализ территориальных различий: политические и неполитические факторы формирования региональных политических культур

Исследования политической культуры, как правило, ориентированы на межстрановые сравнения, исходя из предположения об относительной культурной однородности национальных государств и наличия общегражданской идентичности. Исключения составляют лишь государства, имеющие в своем составе автономные культурные единицы. Тем не менее, возрастающая сложность современных обществ способствовала росту интереса к исследованию внутренней политической жизни государств и формированию двух методологических подходов к изучению региональных и субрегиональных различий политических культур. Один из них базируется на сопоставлении характеристик местных сообществ: этноконфессиональный состав, демографические особенности, структура идентичностей, социальные параметры или их совокупность (подход «снизу»), другой – на сравнении характеристик политико-административных институтов, правовых норм и практик управления, административно-территориальных иерархий (подход «сверху»). Подход «снизу» чаще используется представителями социальных наук – политологами, социологами и др. Подход «сверху» чаще встречается в работах политико-географов, его принципиальным отличием является

включение в анализ электоральной дифференциации как индикатора различий региональных политических культур и использование предложенной С. Рокканом и С. Липсетом теории структурных размежевания партийных предпочтений (Lipset, Rokkan, 1966) для поиска географических вариаций социальных расколов. Следует заметить, что оба подхода к исследованию политических культур сталкиваются с методическими ограничениями, которые связаны с особенностями информационной базы. Как правило, и статистическая информация, и социологические исследования «привязаны» к определенным административно-территориальным единицам. В результате, при подходе «снизу» региональные политические культуры заранее обретают предзаданные границы, зафиксированные на местности. При подходе «сверху» региональные политические культуры как бы проецируются на местность, формируя собственные ареалы, отражающие политико-культурную дифференциацию социума, но трудно сопоставимые с его прочими характеристиками. Обратимся к таблице 1, для более детального анализа сферы применимости каждого из подходов.

Таблица 1. Методические подходы к изучению региональных политических культур

Анализ территориальных различий						
Политические факторы		Неполитические факторы				
		«Снизу»		«Сверху»		Интегральный
<p><u>1 шаг:</u> Поиск уникальных для каждой страны социальных расколов как детерминант избирательного поведения</p> <p><u>2 шаг:</u> Региональные различия в итогах выборов</p>	Однофакторный анализ	<ul style="list-style-type: none"> этнический фактор социально-экономическая неоднородность ценности региональная идентичность 	Ретроспектива	<ul style="list-style-type: none"> копирование институтов «материнского» государства иммигрантами история развития правовых норм 	<p>Региональные политические институты + природные, этнодемографические, социокультурные, социально-экономические факторы</p>	
	Многофакторный анализ	Сочетание природных, этнодемографических, социокультурных, социально-экономических факторов	Современная ситуация	<ul style="list-style-type: none"> федерализм региональные институты и правовые нормы система взаимоотношений «центр-регионы»: центробежные и центростремительные тенденции 		

Источник: составлено автором

Анализ территориальных различий: неполитические факторы формирования региональных политических культур

Обращаясь к вопросу изучения неполитических факторов региональных политических культур, сразу заметим, что во многих исследованиях «снизу» часто выделяется лишь один из таких факторов и проводится его детальное изучение. Нередко в этой роли выступает этническая принадлежность как ключевая переменная, определяющая воспроизводство региональных традиций и обычаев. Как поясняет Ч. Фостер, этнические группы связаны не только общей народной культурой, но и общей историей и социальной

жизнью, которая влияет на политическую культуру (Foster, 1982). Большую роль в этом процессе играет система образования, формирующая региональные представления об истории своего социума и ее отличиях от истории государства в целом. Наиболее характерные примеры – это Шотландия и Уэльс в Великобритании (Dickson, 1996) или Каталония, Страна Басков и Галисия в Испании (Martínez-Herrera, 2002).

Большой блок работ посвящен воздействию социально-экономического факторов на формирование региональных политических культур. В качестве примера можно привести статью социолога Н.В. Карповой, в которой анализируются неравенство российских регионов и особенности их политико-культурного развития. Она описывает резко возросшую в результате постсоветских трансформаций социально-экономическую неоднородность регионов, подчеркивая, что этот факт критически значим для россиян, поскольку идея социальной справедливости является одной из доминирующих ценностей в стране, а равенство жизненных возможностей граждан рассматривается как основной источник ее модернизации (Карпова, 2014). Политолог Н.Д. Козлов обращает внимание на важность использования “центр-периферийных” отношений в качестве объяснительной модели при анализе установок, убеждений и ценностных ориентаций локальных политических сообществ. Не менее важны и такие факторы, как соседство, приграничное положение, близость успешных или депрессивных регионов (Козлов, 2008).

Другим фокусом исследований региональных политических культур «снизу» является изучение культурно-ценностных ориентаций населения. Британский исследователь Дж. Кертис проводит различие между севером и югом Великобритании, указывая на то, что даже при небольших отличиях в уровне экономического развития и демографии, мы все же можем различать оптимистичный юг и пессимистичный и менее эффективный север (Curtice, 1992). Ученые Университета штата Колорадо при помощи телефонных опросов выделили и описали специфическую политическую культуру урбанизированных ареалов Запада США (Moon, Pierce, Lovrich, 2001). Сходные исследования проводятся и при изучении политических культур в Германии. Там эта тема актуализировалась в связи с объединением Германии: исследователей прежде всего интересовали вопросы, в какой мере ценности немецких избирателей оказались унифицированы (Gualini, 2004; Niedermayer, von Weyme, 1996). Большое внимание уделялось кросс-культурным сравнениям, особенно в случае возникновения трансграничных межгосударственных сообществ. Р. Инглхарт и М. Карбальо употребляют понятие «согласованные культуры» и выделяют конфуцианскую и латиноамериканскую политические культуры (Inglehart, Carballo, 1997). Ряд авторов особо выделяют роль историко-культурного фактора, влияющего на региональные политические культуры через

местное самосознание и идентичность. Политолог В.К. Логинов отмечает, что политическая культура опирается на определенный набор политических ценностей (Логинов, 2013), а культуролог С.А. Лизогуб пишет о необходимости учета фактора региональной идентичности, которую он рассматривает как часть социальной идентификации личности, при формировании региональной политической культуры на примере Калининградской области и Дальнего Востока (Лизогуб, 2011).

Кубанские политологи В.А. Игнатенко и Ю.А. Пеницын обращают внимание на совокупное влияние нескольких факторов на формирование региональных политических культур и полимасштабность ее проявлений: пространственную иерархию мир-страна-регион-местность. В качестве факторов формирования региональной политической культуры они выделяют: длительность существования ареала как пространственной формы самоорганизации общества, исторический опыт региона и местные традиции, наличие региональной общности людей как сообщества идентичности и разделяемых ценностей, а также наличие общих интересов и сходной социальной структуры населения (Игнатенко, Пеницын, 2013). Петербургский географ К.Э. Аксенов связывает феномен региональной политической культуры с локальным средовым контекстом, что при определенных условиях выражается в формировании пространственно устойчивой системы политических предпочтений. По его мнению, региональная политическая культура ассоциируется с чувством единства судьбы, которое преобразуется в общие политические интересы благодаря общности территории (Аксенов, 1993).

Методологический подход, который был нами условно назван подходом «сверху» часто основывается на ретроспективном анализе формирования и эволюции правовых норм и институтов, детерминирующих появление региональных политических культур. Значительная часть подобных работ касается Северной Америки – региона, где иммиграция совпала с институциональным созданием государственности. Исследования сообществ французских колонистов в Луизиане (Hartz, 1964), колонистов-пуритан в Массачусетсе (Fischer, 1989) и британских лоялистов в Канаде (Bell, 1970) показали, что эти культурно близкие группы повлияли на зарождающиеся политические институты с характерными для них различными взглядами на общественную жизнь. Галисийский исследователь Д. Соте-Онате рассматривает современное политико-культурное разнообразие Испании в контексте истории развития правовых норм. Его тезис состоит в том, что до национально-объединительных процессов XVIII-XIX вв. каждый регион следовал своей траектории политико-правового развития, что и привело к современным диспропорциям. Особый акцент автор делает на историю региональных юридических норм, фокусируя внимание на опыте муниципальной автономии в раннее Средневековье, который оказал существенное

влияние на функционирование исполнительных органов власти в новейшее время. Регионы, которые исторически развивали более инклюзивные политические системы, сегодня характеризуются более высоким уровнем развития политической культуры участия (Soto-Oñate, 2017).

Отдельный блок исследований в рамках подхода «сверху» посвящен изучению влияния действующих институтов на культурную неоднородность. Особое внимание уделяется проблемам федерализма и его способности порождать региональные политические культуры. Исследователи исходят из предположения, что передача ряда полномочий и финансовых обязательств на региональный уровень могут повлиять на политические представления и поведение граждан. Так, например, Дж. Лиске утверждает, что федерализм позволяет регионам институционализировать свои культурные предпочтения (Lieske, 1993). Британский ученый А. Хендерсон провела цикл исследований по региональным политическим культурам Канады. Одним из ее выводов является то, что конкурирующие институциональные нормы, устанавливаемые региональными органами власти, являются важнейшим фактором формирования региональной политической культуры. (Henderson, 2004). Британский юрист М. Маколи, известная по своим публикациям о России, обращает внимание на то, что каждый институт формирует собственную культуру. Однако приносимые им правила, структурные возможности и ограничения вынужденно изменяются под влиянием средового контекста, в котором они должны функционировать (MacAuley, 2005).

Важность учета влияния взаимоотношений центра и регионов на региональную политическую культуру отмечает специалист в сфере международных отношений Н.В. Еремина. С ее точки зрения особенности региональной политической культуры могут быть обусловлены столкновением групп интересов центра и периферии, порождая в регионе разную реакцию на деятельность центральных органов власти. Эти противоречия во многом определяют процессы внутригосударственной интеграции и дезинтеграции (Еремина, 2011).

Таким образом, ключевая идея подхода «сверху» заключается в том, что институты, содержат в себе нормы управления, применение которых определяет границы региональных политических культур. Исходя из подобной логики мы можем утверждать, что и надгосударственные институты могут также принести новые нормы управления и обеспечить гомогенизирующее влияние на суверенные государства. Институциональная практика Европейского союза дает очень показательный пример (Keating, 1997).

На ряду с подходами «снизу» и «сверху» в ряде исследований встречается и интегральный подход, объясняющий феномен региональных политических культур как

результат совокупного воздействия различных причин, таких как демографические характеристики населения, социально-экономическая ситуация, структура идентичности, политические институты. Так, политолог Б. Рассет определил четыре критерия выделения регионов, обладающих специфической политической культурой: а) четкость географических границ и/или территориальная обособленность; б) структурная однородность экономики, демографии, этноконфессионального состава населения и его политических предпочтений; в) наличие устойчивой самоидентификация населения с территорией проживания (региональная идентичность); и г) наличие властных полномочий на региональном уровне (Russett, 1968). Схожие критерии выдвигает и другой американский политолог Д. Дивайн, это: идентичность, вера, общие символы и институты (Devine, 1972). Группа политологов из Университета Бойсе сопоставляет идеологические, институциональные, социальные, культурные и экономические параметры при изучении историко-географических районов штата Айдахо и выявляет политико-культурные различия между ними (Alm et al., 2004).

Среди российских исследователей региональных политико-культурных процессов наибольший интерес представляют исследования кубанских политологов, делающих акцент на особенностях Юга России. Так, О.В. Морозова в своей докторской диссертации подчеркивает, что региональные политические культуры являются воплощением политического опыта регионов, атрибутом континуальности регионального политического процесса и его горизонтальных измерений. Наиболее ярко феномен региональных политических культур проявляется в странах, характеризующихся неравномерностью территориального развития и/или образовавшихся путем объединения субъектов с разным историческим опытом и социокультурной спецификой. В качестве системообразующих факторов региональной политической культуры она выделяет природно-климатическое своеобразие региона, развитое региональное самосознание, региональные интересы и ценности, общий исторический и политический опыт, социальную структуру и этноконфессиональный состав населения, социально-экономические отличия, региональные политические институты, межрегиональные и международные связи (Морозова, 1998). А.В. Баранов, характеризуя территориальные меньшинства (сообщества), контрастирующие по своей идентичности и установкам по сравнению с социально-политическим большинством, вводит понятие «политико-культурной лакуны» как подсистемы региональной политической культуры. Он выделяет долгосрочные и краткосрочные факторы, способствующие образованию подобных «лакун». К долгосрочным относятся географическое положение, историческая специфика, экономические особенности, социальный и этнический состав населения, местная

идентичность, административный статус места, геополитическое значение территории. К краткосрочным – степень институционализации локальных элит и групп интересов, преобладающие формы политического участия, электоральные ориентации, уровень угроз безопасности) (Баранов, 2009).

Анализ электоральных различий как индикаторов региональных политических культур

В советской географической науке феномен «региональной политической культуры» упоминается в одной из первых диссертаций в области политической географии в нашей стране А.Л. Белова (защищена в ЛГУ в 1983 г.), посвященной регионализму в политической жизни Канады. А.Л. Белов определил региональную политическую культуру как субкультуру, отражающую региональные особенности восприятия политической действительности, способе ее оценки и, как следствие, – способе действий. К специфическим чертам региональных политических культур он отнес уровень политической активности (например, явку на выборы), устойчивость партийных предпочтений, уровень легитимации существующей политической системы, конформизм/нонконформизм избирателей (Белов, 1983). Десять лет спустя другой исследователь из Петербургского университета А.Н. Журавлев в своей диссертации, изучая пространственную диффузию политических нововведений, отнес к числу важнейших свойств политической культуры их территориальность (пространственную неоднородность), хронологичность (подверженность изменениям во времени) и этничность, а изменения политической культуры связал со спецификой прохождения больших политико-экономических циклов Кондратьева (Журавлев, 1993). Ведущий российский политико-географ В.А. Колосов относил региональную политическую культуру к одному из факторов оценки территориальной расстановки партийно-политических сил. Он отмечал, что сущность политической культуры определяется историческими, этнокультурными, социально-экономическими и другими факторами, отличающимися большой инерционностью (Колосов, 1992).

Псковский географ А.Г. Манаков понимает региональную политическую культуру как пространственную дифференциацию общенациональной политической культуры, которая выражается в различных комбинациях электоральных предпочтений. Высказывается гипотеза, что за каждым типом электорального поведения стоит совокупность факторов, имеющих историко-культурный и социально-экономический характер (Манаков, 2002). Данный подход близок и политологу Р.Ф. Туровскому, который рассматривает региональные политические культуры как синтетические политические районы, характеризующиеся уникальным набором электоральных показателей и факторов,

влияющих на голосование, включая исторические и культурные особенности территории (Туровский, 1999). В дальнейшем Р.Ф. Туровский уточнил, что региональные политические культуры являются одним из проявлений политической горизонтальной фрагментации географического пространства, которые обнаруживаются во время выборов. Основными факторами, определяющими региональную специфику политических культур, являются этноконфессиональная структура населения и социально-экономический профиль территории, опосредованными – природно-климатические условия, наличие ресурсов и история хозяйственного освоения (Туровский, 2007).

1.3.2. Пространственно-временные и контекстуальные подходы к изучению региональных политических культур

Проведенный методический обзор подходов к изучению региональных политических культур показывает, что ни один из них не может объяснить механизм формирования региональных политико-культурных различий. Хотя большая часть исследований опирается на богатый эмпирический материал, такие важные концептуальные вопросы, почему существуют региональные политические культуры, каким образом транслируются закрепленные в них ценности, что способствует их воспроизводству и устойчивости, остаются открытыми. Чтобы на них ответить, автор считает полезным использовать модель политической культуры, предложенную С. Уэлчем (см. пункт 1.2.), и придать ей региональное измерение. Чтобы решить эту задачу, обратимся к сформулированным в общественной географии понятиям и подходам. Одним из таких ключевых понятий является «место» (*place*), которое может трактоваться как первичный элемент пространства, где начинают проявляться политико-географические различия (Аксенов, 1990).

Географической наукой выработано несколько подходов к определению места (подробнее см. Cresswell, 2004). Классики зарубежной географии Д. Мэсси (Massey, 1991) и Дж. Агню (Agnew, 1987) определяют его как процесс – постоянно меняющаяся во времени совокупность различных форм социальных отношений, встречающихся и сплетающихся в определенной локации. Социально-пространственная природа места определяет постоянство его воспроизводства в новом временном контексте. Уникальность месту придает не только физическая заданность, но и широкая сеть контактов, разного масштаба и уровня; локальное всегда испытывает на себе влияние внешних сил в диапазоне от ближайших соседей до глобальных процессов в планетарном масштабе. Эти внешние отношения влияют на характеристики места не в меньшей мере, чем внутренние. Глобализация является не только источником географической неравномерности развития,

но и формирования уникальности места. В отечественной географии к этому вопросу обращался Л.В. Смирнягин, говоря о контекстуальности и дискурсивности места в силу его качественной и количественной изменчивости (Смирнягин, 2012).

Функционирование этого механизма описали П. Тейлор и К. Флинт, дополнив трехуровневую иерархическую схему пространственных масштабов пронизывающей их триадой отношений «опыт-идеология-реальность» (подробнее см. Flint, Taylor, 2018). В их модели национальное государство рассматривается как пример идеологии, отделяющей/сближающей конкретный опыт и реальность, посредник между глобальным и локальным масштабами. Выполняя функцию буфера, государственная политика может смягчать или усиливать последствия глобальных процессов для локальных сообществ. С другой стороны, места являются не пассивными реципиентами, а ареной активной политической борьбы, соперничества за идентичность, ресурсы и расширение возможностей, прибегая для легитимации своих действий к поддержке внешних сил. Значимое влияние на происходящие политические события оказывает и непрерывность исторического существования мест, наложение всей совокупности предшествующих социальных и историко-политических отношений на современную социально-экономическую ситуацию и политическую повестку. Сама история предстает как наслаивание глобальных и локальных связей, сформировавшихся в различные периоды времени. Иными словами, связь опыта, идеологии и реальности характеризует единый процесс, который действует на разных иерархических уровнях и проявляется в трех масштабах (глобальном, региональном, локальном). Фактически пространственно-временная логика концептуализации региональных политических культур позволяет связывать локальные проблемы с динамикой глобального масштаба, длинными экономическими волнами (циклы Кондратьева) и построением новых современностей, а полимасштабный подход – исследовать позиции конкретных мест в мирохозяйственной системе с учетом посредничества национальных государств. Различия региональных политических культур, таким образом, оказываются производной от взаимосвязи социальных, экономических и политических процессов разного масштаба, которые опосредуются конкретными практиками (бытовыми, экономическими, административными и пр.), а ценности и предпочтения, определяющие коллективные политические действия, формируются в локальных социумах, т.е. местах.

Предложенный Флинтом и Тейлором подход, позволяющий с помощью игры масштабами исследовать специфику политических культур и процессов, представляется чрезвычайно привлекательным и актуальным, особенно если учесть усиление тенденций регионализации как реакции на процессы глобальной культурной унификации (Сох, 1997;

Keating, 1988). Однако он сталкивается с проблемой, которую Д. Мэсси (Massey, 1991) назвала «безграничностью» места. Неопределенность и размытость понятия места объясняется не только его генезисом, связью с языком повседневности и бытового общения, но и технологическими новациями в средствах коммуникации – транспорте и связи, которые позволяют людям поддерживать регулярные и устойчивые контакты с контрагентами по всему миру. Эти изменения повлияли на аффективную составляющую места, т.н. чувство места – ощущение принадлежности, социальной общности и коллективной памяти. Все эти эмоции теперь гораздо в меньшей степени, чем раньше, зависят от локализации человека/группы, место стало скорее символом – обозначением опыта, нежели самим опытом. Усиление когнитивно-символических функций места в ущерб географическому положению означает, что определение места и выбор его границ – это всякий раз прерогатива исследователя, который, исходя из своих целей и задач, формальных и неформальных признаков жизнедеятельности локального социума, сам решает, каким образом отграничить полигон своего исследования, что включать и что исключать из него. Данная процедура, хотя и содержит значительную дозу субъективизма, не является научным произволом, поскольку обосновывается как на концептуальном, так и эмпирическом уровне.

Использование пространственно-временного подхода и понимание места как постоянно меняющейся совокупности различных форм социальных отношений, требует более детально остановиться и на вопросах, связанных со временем. Как указывает выдающийся бразильский географ М. Сантуш (Santos, 2021), анализ производства пространства должен учитывать, во-первых, фактор дискретности: историческое время дифференцировано на определенные отрезки, каждый из которых наделен определенными характеристиками (совокупностью отношений различных переменных), и во-вторых, историчности: каждому историческому периоду соответствует своя территориальная организация жизни общества, а следовательно – относительная ценность каждого места меняется в ходе истории и последовательной смены территориальных систем. При этом, что чрезвычайно важно для географических интерпретаций социально-политических явлений, индивидуальность места является результатом конкретной комбинации переменных, а каждая последующая комбинация является производной от предыдущей. В процессе трансформации происходят количественные изменения переменных, поэтому только при взгляде на их комбинацию как целое мы можем выявить качественные изменения. Таким образом, реконструкция последовательных пространственно-временных систем является ключевым моментом в объяснении современных ситуаций. Методически это требует точной периодизации на каждом из рассматриваемых пространственных

уровней исследования (масштаба), а также выделения ключевых динамических переменных для каждого периода.

Применительно к теме диссертационного исследования тезисы М. Сантуша означают, что такие социальные явления, как региональные политические культуры, определяются локальными сочетаниями переменных, которые и придают им своеобразие. Часть из этих переменных являются результатом современных процессов, другие – предшествующих, причем первые адаптируются к месту под влиянием вторых. Иными словами, политическое пространство всегда характеризуется разновозрастными компонентами, и именно их сочетание в конкретные моменты исторического времени делает место уникальным. Комбинации переменных, несмотря на их генетическую асинхронность, синхронно изменяются в каждом месте благодаря функциональным связям. Однако результаты происходящих трансформаций далеко не всегда являются однозначными с точки зрения политической культуры. Так, места, более открытые для потоков инноваций и модернизационных волн, как правило, ассоциируются с культурой демократии, но модернизация, способствуя специализации мест и профессий, приводит к пространственно-временному сжатию наиболее доходных видов деятельности, усиливая поляризацию пространства и общества. Поэтому так необходимо учитывать специфику механизмов пространственной транскрипции различных временных систем. Это позволяет, используя терминологию М. Сантуша, говорить о пространственном времени (*spatial time*), присущем каждому месту.

Приведенные теоретические построения подводят к выводу о значимости рефлексивной составляющей региональной политической культуры (см. раздел 1.2.1.). Рефлексивность в данном контексте понимается не просто как способность мышления и/или осмысления, но и как постоянный мониторинг (отслеживание) процессов, происходящих в социальной жизни. Это означает, что люди, участвуя в производстве/воспроизводстве места и испытывая внешнее воздействие общепринятых культурных норм и предписаний, одновременно являются целеустремленными агентами, у которых есть свои причины действовать так или иначе. В результате они сами формируют и модифицируют региональные политические культуры в зависимости от меняющихся обстоятельств личной и общественной жизни. Подобная концептуализация близка теории структуризации социолога Э. Гидденса (Giddens, 1984; Giddens, 1990). Он обратил внимание на то, что структура – это не только своеобразный скелет физических и социальных тел, их морфология, накладывающая ограничения на действия субъекта и принуждающая его поступать определенным образом, но и структурирующие качества, позволяющие связывать пространство и время в социальных системах, качества, которые обуславливают

существование более или менее одинаковых социальных практик и порядков, придавая им систематическую (повторяющуюся и воспроизводимую) форму. Под влиянием теории структуризации Э. Гидденса многие политические географы стали рассматривать места как структуры (локальные социальные порядки), которые опосредуют политическую деятельность, а та, в свою очередь, обеспечивает (вос)производство устойчивых черт социального порядка (места). Чтобы связать структурирующие качества и агентов действия, Гидденс реинтерпретирует понятие социальные нормы, трактуя его как правила и ресурсы, относящиеся к формальным и неформальным (привычки, традиции, рутинные практики) институтам. Социальные нормы, определяя способ повседневного взаимодействия людей, структурируют человеческую деятельность и определяют особенности местных социумов. Такого рода нормой политического поведения, с нашей точки зрения, становится и региональная политическая культура, формирующая локальные сообщества и формируемая/переформатируемая людьми. Однако, наряду с локальным контекстом человеческих действий и ролью повседневности, необходимо учитывать и то, что социальные практики также структурируются внешними контекстами и отношениями, выходящими за рамки повседневной жизни. Наложение масштабов усиливает структурный, а не композиционный (Thrift, 1983) эффект, поскольку места как локальные социальные порядки, включая или исключая привносимые структурирующие качества, апроприируя или отвергая внешние влияния, становятся неотъемлемой частью социальных изменений. В случае электорального поведения избирателей локальный/региональный контекст (место) уже недостаточно рассматривать как простую связь конкретной совокупности социально-экономических переменных и результатов голосования, его необходимо интерпретировать как структуру, которая опосредует политические предпочтения и одновременно является продуктом политического выбора.

Описанные теоретические положения получили развитие в работах Дж. Агню (Agnew, 2002). Он отмечает, что классические подходы социальных наук не учитывают посредническую роль места в формировании ценностей и политических предпочтений избирателей, т.е. географическую неравномерность развития, которая влияет на формирование политических взглядов и мотивов (стимулов) поведения. Человек как социальное существо подвержен влиянию окружающей действительности, побуждающей его к действию. Однако социально-территориальные контексты окружающей действительности отличаются от места к месту. То, каким образом они встраиваются в более широкие территориальные сообщества, зависит от институциональных ограничений, налагаемых, с одной стороны пространственно организованными органами власти разного уровня (масштабом), а с другой – системой линейно-узловых связей и сетевых

коммуникаций, обусловленных географическим разделением труда и социальных контактов. Историческая память, институциональные нормы прошлого и общие для территориальных сообществ переживания создают эмоциональные привязанности и ценности, которые проецируются на пространство. Результатом совокупного действия всех факторов становятся региональные политические культуры, обладающие выраженными географическими различиями. По сути, контекстуальный подход, предложенный Дж. Агню, рассматривает производство локальных политических различий как следствие «работы» места. Лежащая в основе такой «работы» локальная субкультура, является результатом исторического формирования и характеризуется определенным набором практик, интересов и идей. По мере того, как места и их население меняются в ответ на возникающие локальные и внешние вызовы, связанные с перестройкой социально-экономических и политических процессов на всех уровнях и во всех географических масштабах, происходит пересмотр ценностных приоритетов и соответствующих им практик. Пространственный контекст места как географическая конфигурация сложной совокупности социально-географических причин в конкретный момент времени определяет, а также позволяет объяснить характер и особенности политических действий, в частности избирательного поведения. Таким образом, региональные политические культуры представляет собой динамическое сочетание причинных стимулов, как статичных (инерционных), так и динамических (конъюнктурных), которые определяют диапазон системных и оппозиционных политических действий. Данное определение возвращает нас к концепции политической культуры С. Уэлча, выделяющего устойчивые и изменчивые компоненты политической культуры (см. раздел 1.2.1.). При таком подходе место понимается не только как географический ландшафт и площадка разворачивающихся событий, но и как их непосредственный участник (актор), как исторически последовательная серия структурирующих свойств, которые обеспечивают динамический контекст процессов и придают форму региональным политическим культурам. Даже когда конъюнктурные стимулы одинаковы в разных местах, эффекты их воздействия, опосредованные инерционным исторически сложившимся социальным опытом конкретных локальных сообществ, могут принципиально различаться. Поэтому, независимо от того, являются ли побудительные мотивы действий одинаковыми или разными, результаты самих действий варьируется от места к месту.

1.3.3. Авторская методология изучения региональных политических культур современной Литвы

Анализ обширного массива публикаций, посвященных политической культуре, ее региональным вариациям, изменчивости и возможностям параметризации, убедил нас в методологической необходимости сочетать в диссертации изучение конфигурации ключевых факторов среды как стимулов к политическому действию (голосованию), учитывая их пространственно-временную обусловленность (матрицу мест и зависимость от предшествующего этапа развития), с мониторингом изменчивых электоральных предпочтений – голосований за конкретные ценностно-идеологические альтернативы; затем провести сравнительно-географическое анализ типологических сходств и отличий (структурирующих свойств места), позволяющих выделять региональные политические культуры. Нами также принимался во внимание тот факт, что на современном этапе развития в силу технологического прогресса тесные социальные взаимодействия происходят не только по соседству в географическом месте проживания человека, но и практически повсеместно (глобально). Это, как уже упоминалось, влечет за собой ослабевание чувства места и принадлежности к территориальной общности. Следовательно, в зависимости от горизонтов восприятия повседневности и взглядов на будущее, детерминированных включенностью в современные глобализированные практики, возможны заметные поколенческие различия: молодежь менее привязана к месту и территориальной общности, чем старшее поколение. В диссертации мы не ограничиваемся рассмотрением пассивной роли мест, как пространственного контекста, арены локализации исторических и современных социально-экономических и институциональных процессов разного уровня и масштаба, а стремимся показать их роль в формировании региональных политических культур, которые и обуславливают политические действия того или иного рода, продемонстрировать активное влияние локального контекста на этот процесс. Учитывая эту двойственность, *региональная политическая культура понимается нами как структурирующее свойство места, устанавливающее диапазон возможных политических действий местных жителей в конкретный момент времени.* Одним из результатов проявления региональных политических культур является географически различная привлекательность политических партий. Изменчивость предпочтений, определяемая сдвигами в ценностных мотивациях поведения людей и моделях осмысления окружающей действительности (рефлексивной практике), влияет и на диапазон возможного избирательного поведения, приводя к трансформации региональной политической культуры. Так, пространственный контекст выступает одновременно как медиатор избирательного поведения и его продукт.

По аналогии с П. Тейлором и Р. Джонстоном (Taylor, Johnston, 1979), которые адаптировали для электоральной географии двухтактную линейную модель функционирования политической системы Д. Истона, мы предлагаем свое видение посреднической роли региональной политической культуры, связывая места и политические действия (рис. 3).

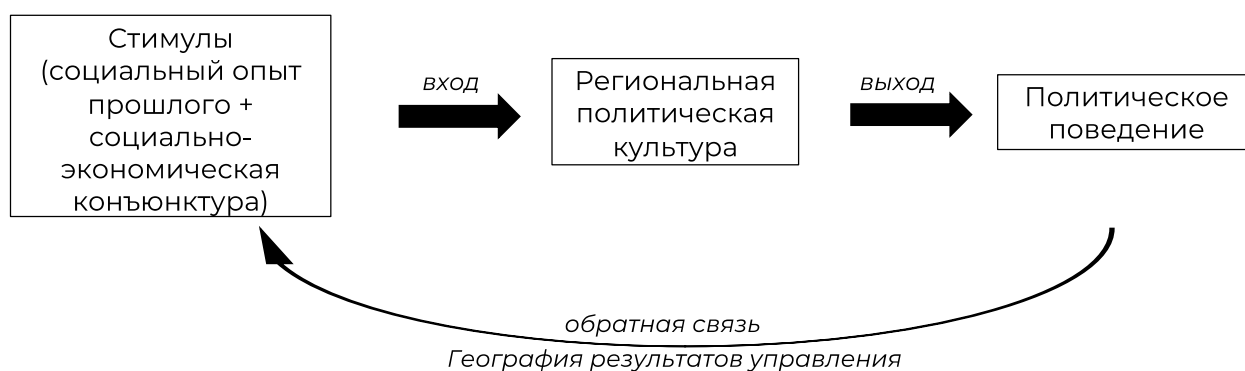

Рис. 2. Модель функционирования региональной политической культуры, составлено автором

На входе в систему располагается место со своей аккумулированной в виде социального опыта историей и современной социально-экономической конъюнктурой. Место создает стимулы для формирования региональной политической культуры, которая, в свою очередь, конвертирует их в политические мотивы конкретных, локально обусловленных действий. На выходе находится политическое поведение, частично фиксируемое результатами выборов и референдумов. Система имеет обратную связь, которая ее замыкает и инициирует новый цикл. Важно подчеркнуть, что результаты выборов как совокупность действий политических элит и избирателей, могут приводить к географической реконфигурации идеологических принципов принятия управленческих решений. Следствием победы конкретной партии или создания коалиции партий нередко является легитимация, либо делегитимация в глазах избирателей действий властей, что стимулирует провластное или оппозиционное поведение. Влияние последствий поведения на само поведение называется в социальной психологии оперантным обуславливанием, при этом под последствиями поведения понимаются изменения в окружающей среде (локальном контексте), которые происходят сразу после произошедшего события и влияют на возможность его повторения в будущем (Купер и др., 2016). Так, последствия электорального поведения в виде проводимой победителями выборов политики (в случае удовлетворения требований избирателей) может создать стимул вновь поддержать

действующие власти, либо наоборот, в случае разочарования мотивировать отдать свой голос конкурентам.

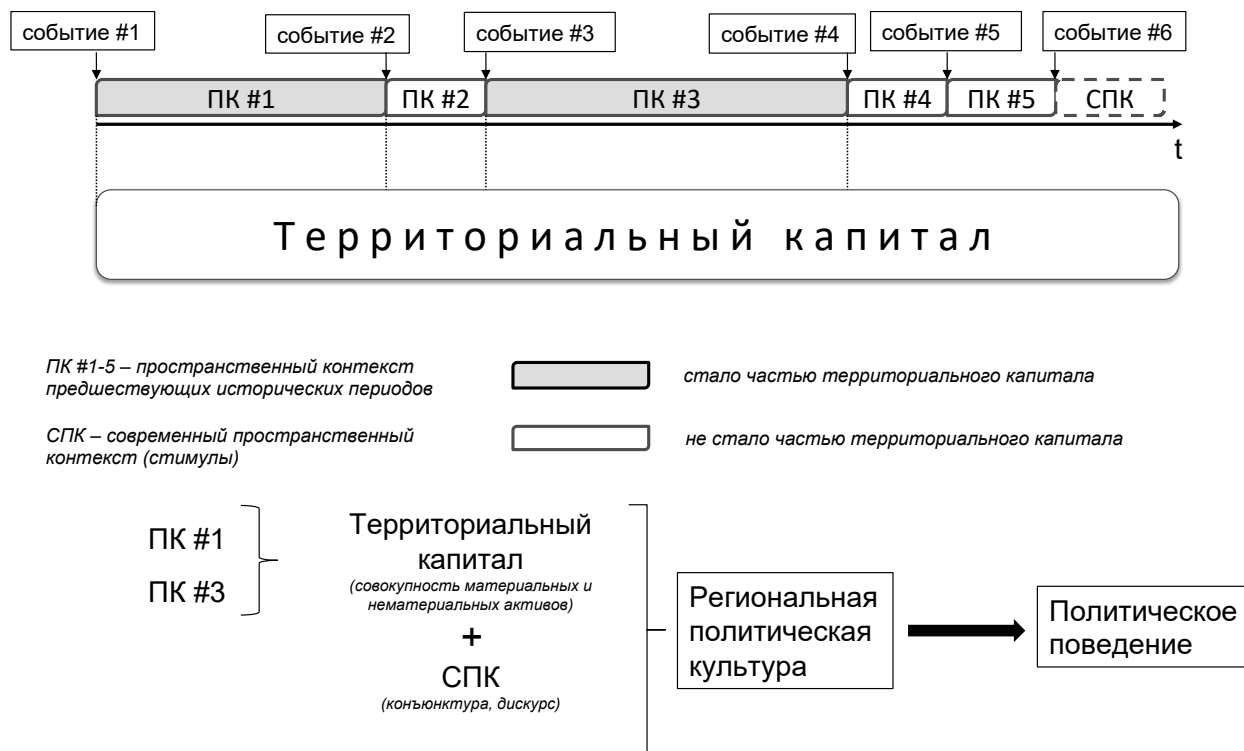

Рис. 3. Причинно-следственный механизм формирования региональной политической культуры места, составлено автором

Используемая нами в диссертационном исследовании методология в схематичном виде представлена на рис. 4; она синтезирует многие изложенные выше концептуальные положения, сформулированные ведущими западными и российскими исследователями – географами, политологами, социологами и философами, и, с нашей точки зрения, позволяет лучше понять причинно-следственные механизмы формирования региональных/локальных политических культур/субкультур. Мы утверждаем, что региональная политическая культура имеет статичную (инерционную) и динамичную (конъюнктурную) составляющую. *Инерционность* обеспечивает преемственность и устойчивость политической культуры благодаря историческому опыту и опоре на практики и установки, сложившиеся в социальной среде в предшествующие периоды развития. Последствия значимых для памяти места политических событий и эпох становятся частью локального/регионального территориального капитала², который в значительной мере формируется т.н. эффектом колеи – зависимости от предшествующего этапа развития, и

² Подробнее о понятии «территориальный капитал» см. Camagni R. (2009) Territorial capital and regional development, in Capello R. and Nijkamp P. (Eds) Handbook of Regional Growth and Development Theories, pp. 118–132. Elsevier, Cheltenham.

способен проявляться вплоть до нескольких столетий. Механизмы культурной преемственности обеспечивают передачу практик, навыков и установок через воспитание, образование и другие формы межпоколенческих коммуникаций. Социокультурная ретрансляция происходит как по каналам прямой вертикальной социализации в семье, так и косвенной – горизонтальной – через подражание наиболее привлекательным образцам и моделям поведения, следование неформальным примерам как способу обучения. Родители передают детям навыки и ценности, которые приносили им успех в предшествующем периоде (несовершенная эмпатия); дети обновляют культурные установки в ходе взаимодействия с другими людьми и институтами, и передают их уже следующему поколению (Bisin, Verdier, 2011). *Динамическая составляющая* политической культуры отвечает за изменчивость, она связана с настоящим и теми условиями, в которых протекают современные социальные взаимодействия. Значимое влияние на смыслы, привносимые в региональную политическую культуру, оказывает современный общественно-политический дискурс, закрепляющий конкретные социальные представления, трактовки и оценки настоящих и прошлых событий, политических идеологий и знаковых исторических фигур. Возникающий таким образом пространственный контекст с присущей ему социальной средой, адаптирует устоявшиеся практики и конъюнктурные установки сегодняшнего дня.

Описанная методология, объясняя механизмы формирования региональных политических культур и выбор модели политического поведения людей на концептуальном уровне, дает ясное понимание и ориентиры эмпирического анализа. Методика диссертации строится на использовании смешанных методов, предполагающих сочетание количественных статистических и социологических методов изучения территориальных, политических и неполитических различий, с качественными интерпретивистскими методами, используемыми для объяснения плохо измеряемых социокультурных феноменов. Основное внимание в работе уделяется географическим факторам формирования региональных политических культур и эмпирическому описанию конкретных кейсов.

ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОНТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЛИТВЕ³

2.1. Социокультурная дифференциация

2.1.1. Эволюция территориально-политической структуры

Многовековая эволюция территориально-политической структуры Литвы изобилует преобразованиями: переход территорий от одного государства к другому, частые административные реформы. Следствием этих процессов является калейдоскопическая смена позиционных свойств различных частей страны в центр-периферийных системах странового, регионального и локального уровней. Кратко ключевые политико-административные преобразования в границах современной Литвы с 1795 г., эволюция административно-территориального устройства и изменения административного статуса городов в XX-XXI веках обобщены в Приложениях 1 и 2.

Первичные формы административно-территориальной организации (с XIII в. по 1564 г.)

Первое единое литовское государство образовалось в XIII веке и носило название Великого княжества Литовского (ВКЛ). В XIV веке и позднее стала наблюдаться выраженная западно-восточная дихотомия территориально-политической структуры государства. Восточной частью рассматривалась как зона влияния литовских племен, а западная часть – как владение жемайтских племен. Это по сути этническое разделение было не только заметно в расселении, но и институционально закреплено: Жемайтия имела автономный статус староства в составе ВКЛ с центром в городе Расейняй. Остальная часть ВКЛ делилась сначала на Тракайское и Вильнюсские герцогства, с 1392 г. собранные под единое управление Великого князя, а впоследствии ставшие воеводствами.

В это же время после долгой череды войн XIII-XIV веков по итогам Мельнинского мирного договора 1422 г. Тевтонский орден потерял значительную часть земель, а сформировавшаяся тогда прусско-литовская граница сохранялась около 500 лет до начала XX века. Обезлюдившие в результате войн прусские земли Скаловии и Надровии стали активно заселять литовские колонисты-крестьяне, что специфически отразилось на социальной структуре местного литовского населения (отсутствие верхнего слоя общества – панства, дворян). К началу XVI века литовцы стали большинством на востоке Пруссии,

³ При работе над данным разделом использована публикация автора, в которой отражены основные результаты исследования: Зиновьев А.С., Ступин Ю.А. Оценка неравномерности социально-экономического развития Литвы в 2004-2019 гг. // Географический вестник = Geographical bulletin. 2023. №4. С. 52-70

они и составили Малую Литву в противовес Большой Литве (территории ВКЛ, заселенной литовцами), с которой сохранялись бытовые и торговые связи.

Административно-территориальная организация Речи Посполитой (1564-1795 гг.)

После Люблинской унии в составе Речи Посполитой административно-территориальная организация ВКЛ окончательно сформировалась и просуществовала практически без изменений до конца XVIII в. На территории ВКЛ было выделено девять воеводств и одно староство. Три из этих административных единиц занимала современная Литва: Вильнюсское и Тракайское воеводство, Жемайтійское староство. Жемайтія не имела внутреннего деления и по-прежнему управлялась из единого центра Расейняя, а воеводства состояли из повятов (4 в Тракайском и 5 в Вильнюсском воеводстве). Из административных центров повятов сегодня в составе Литвы помимо Вильнюса и Тракая, которые совмещали эти функции с центрами воеводств, находятся Укмерге, Каунас и Паневежис.

Позднее юго-восточная часть Тракайского воеводства, находящаяся за рекой Неман, отошла вассалу Речи Посполитой Пруссии, где стала зарождаться новое территориально-политическое образование, входящее в современную Литву – Занеманье (Судува).

Административно-территориальная организация в Российской империи (1795-1915 гг.)

После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Литва оказалась в составе Российской империи. После чехарды с реформами административно-территориального устройства Российской империи, связанных со сменой императоров и расширением территории, к 1867 г. сформировалась устойчивая структура. Территория современной Литвы в Российской империи разместилась в основном в составе двух губерний (Ковенской с центром в Каунасе и Виленской с центром в Вильнюсе), незначительная часть на юге в районе Друскининкая вошла в состав Гродненской губернии. Центрами уездов были 8 городов современной Литвы (Тракай и Швянчёнис в Виленской губернии; Тельшяй, Шяуляй, Паневежис, Зарасай, Укмерге, Расейняй в Ковенской губернии). Важно отметить, что при выделении Ковенской губернии была предпринята безуспешная попытка сделать ее центром жемайтійской самоидентификации, что уменьшило бы влияние соседнего Вильнюса как центра польской культуры на остальной части страны.

Занеманье в результате третьего раздела Польши стало частью Прусского государства, а затем в 1807 г. в результате Тильзитского договора – частью Варшавского герцогства в наполеоновской Франции. В 1815 г. по итогам Венского конгресса Занеманье было передано в состав Польского королевства, которое в свою очередь вошло в состав Российской империи сначала как Августовская, затем как Сувалкская губерния. Из уездных

центров Сувалкской губернии сегодня в составе Литвы находятся Кудиркос-Наумейстис, Вилковишкис, Мариямполье и Калвария.

Подобная территориально-политическая нестабильность Занеманья оказала положительное влияние на культурное развитие региона, способствовал быстрой отмене крепостного права (в 1808-1809 годах, как часть наполеоновского кодекса), преобразованию земель, находящихся в общественной собственности, в отдельные частные крестьянские усадьбы, расширению доступа к образованию и формированию литовского национально ориентированного интеллектуального сообщества.

В условиях жестких запретов на распространение печатной продукции на литовском языке и иных политических гонений в Российской империи на территории Пруссии в регионе Малой Литвы развивался еще один очаг литовской национальной идеи и этнического самосознания. Малая Литва наряду с Занеманьем были основными центрами национального возрождения, из которого оно распространялось и на остальную российскую часть Литвы.

Административно-территориальное деление Литвы в межвоенный период (1918-1939)

Во время Первой мировой войны Литва была оккупирована Германской империей. В 1915-1918 гг. современная территория Литвы попала под верховное командование всех немецких войск на востоке, называемых Обер-Ост. Когда суверенное литовское государство было создано после Первой мировой войны, административное деление страны состояло из уездов. С учетом территориального приобретения Клайпедского края в 1923 г., который имел автономный статус в Литве, и потери Виленского края, де-факто отошедшего Польше в 1920 г., Литва состояла из 23 уездов.

Административно-территориальное деление Литовской ССР (1940-1994 гг.)

Преобразования в административно-территориальном делении Литовской ССР продолжались почти пять лет с перерывом на германскую оккупацию в период Великой Отечественной войны. В 1950 г. советская власть ввела новую систему, по которой территория была разделена на четыре области с центрами в Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде и Шяуляе, и далее республика была поделена на 87 районов. Области были упразднены в 1953 г., а количество районов вскоре было сокращено. С 1963 г. Литва состояла из 41 района и 9 городов республиканского значения, к концу существования СССР районов стало 44, а городов республиканского значения 11.

Современное административно-территориальное деление Литвы (с 1994 г.)

После восстановления независимости Литвы в 1994 г. была проведена административная реформа. Были введены 10 уездов с центрами в Вильнюсе, Каунасе,

Клайпеде, Шяуляе, Паневежисе, Алитусе, Мариямполе, Утене, Таураге и Тельшяе, которые далее делились на 60 муниципалитетов. В 2010 г. уезды были упразднены и сохраняются сегодня только как регионы национального статистического учета уровня NUTS-3.

Таким образом, рассмотренные выше многочисленные территориально-политические пертурбации литовского государства явились одним из ключевых факторов сложившейся территориальной организации литовского общества. Длительное обладание статусом административного центра способствовало формированию полюсов политического и социально-экономического развития – Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Шяуляй. Напротив, длительная административная подчиненность ряда территорий генетически заложила их периферийность. Нахождение в составе других государств также определило позицию ряда территорий Литвы на оси центр-периферия. Если опыт вхождения Клайпедского края в состав Пруссии и Германии оказал позитивное воздействие на его социально-экономическое развитие и сформировал крупный центр, то Виленский край (за исключением Вильнюса) и Занеманье были периферией Польши.

2.1.2. Историко-культурная дифференциация

В Литве с 1999 года вступил в силу закон о сохранении этнической культуры, который определяет этнографический район как исторически сформировавшуюся часть территории, на которой сохранились самобытный диалект, традиции и обычаи и интегрировано наследие различных балтийских племен (*Lietuvos Respublikos Etnines...*, 1999). Созданный в соответствии с этим законом Совет по защите этнической культуры выделяет на основе особенностей происхождения племен, исторического наследия и отличительных материальных и нематериальных культурных различий (диалекты, устный и музыкальный фольклор, обычаи, еда, архитектура, одежда, и т.д.) на территории Литвы пять этнографических регионов (Аукштайтя, Дзукия или Дайнава, Сувалкия или Судува, Малая Литва и Жемайтя) (см. рис. 4). Совет по защите этнической культуры в 2003 году принял постановление о разграничении этнографических регионов, дополнив ее картой, которая была составлена историками Д. Пиворунасом и Ж. Шакнисом. Авторы карты отмечают значимое влияние социально-демографических событий XX в. (миграции, урбанизацию, коллективизацию, депортации и др.) на границы распространения традиционных культур. В связи с чем предлагаемые границы этнографических регионов достаточно условны и могут быть пересмотрены на основании решения местных жителей. Совет по сохранению этнической культуры также рекомендует учитывать этнокультурные традиции в случае проведения административно-территориальных реформ. Стоит также отметить, что не только физико-географическая основа и ландшафтное разнообразие

выступают как районообразующий фактор для формирования этнографических районов, но и сами политико-административные рубежи, а их управленческие центры в прошлом и настоящем формируют их ядра со своими зонами влияния.

Рис. 4. Этнокультурные регионы Литвы, составлено автором по (Etnines globos taryba, 2021; Pivoriunas, Saknys, 2003; Ragauskaitė, 2016)

Систематизация ряда источников, посвященных истории и культуре Литвы (Гудавичюс, 2005; Зинкявичюс и др.; Любавский, 1915; Сталюнас, 2024), позволила составить краткие описания этнокультурных регионов. Это позволяет выявить ключевые культурные характеристики разных частей страны, которые потенциально находят свое отражение в региональных политических культурах Литвы.

Жемайтия

Жемайтия отличается высоким уровнем регионального самосознания, которое во многом строится на альтернативном литературному литовскому языку диалекте и как следствие противопоставлении всему литовскому и Литве в целом. Жемайты последними из литовских племен были обращены в христианство лишь в XV в.

Яркое проявление жемайтйской идентичности подтверждается большим количеством организаций и культурных обществ, деятельность которых направлена на воспитание самобытного самосознания, а также на проведение многочисленных местных фестивалей и других культурных мероприятий. Следует также отметить, что такая этнокультурная деятельность в жемайтйской общине не является стихийной, а координируется специальными учреждениями.

Заметной реликтовой границей является восточная граница бывшего Жемайтйского староства (границы Шяуляйского уезда от 1918 г. и 1995 г. и границы Шяуляйской епархии от 1926 г. и от 1997 г.). Южная граница Жемайтйи проходит по

Неману, который служил естественной линией разграничения административно-территориальных и религиозных единиц даже после третьего раздела Польши. Территориальная организация Жемайтии довольно неоднородна. Жемайтийский регион разделяется на три части, связанные с наиболее важными центрами – Тельшяй, Шяуляй и Расейняй. Тельшяй следует рассматривать как наиболее важный культурный центр Жемайтии, Шяуляй как крупнейший город региона, а Расейняй как главный административный центр в историческом прошлом. Центрами второго порядка могут быть названы Кретинга, Мажейкяй, Плунге и Таураге.

Аукштайтия

Имя Аукштайтия впервые упоминается в прусской летописи в 1294 году, позднее в начале XV в. уточняется этимология слова – «земля выше Жемайтии».

Этнокультурное становление Аукштайтии происходило на базе смешения различных балтийских племен (литовцы, селоны, земгалы и др.), подобная ситуация привела к отсутствию доминирующего ядра и к многозвенной структуре региона.

Исходя из особенностей диалекта и активности сохранения этнокультурного наследия регион можно поделить на две основные части. Восточная Аукштайтия охватывает районы Утены, Молетай и Аникшяй. Вторая часть Аукштайтии не имеет конкретного названия, но ее ядром, имеющим свою зону влияния с точки зрения организации различных культурных мероприятий, которые более или менее локализованы на территории бывшего Паневежского уезда, является Паневежис.

Особая локальная идентичность выделяется на севере Аукштайтии на границе с Латвией. Земгальская идентичность довольно сильна и активно пропагандируется, особенно в городах Йонишкис и Пакруоис, в том числе в ходе реализации проектов в рамках еврорегиона «Сауле», который включает в себя с латвийской стороны историко-культурную область Земгале и ее центр Елгаву. На северо-востоке Аукштайтия граничит с другой латвийской историко-культурной областью Селией (Селонией), которую на латышском языке по аналогии с литовским также называют Аугшземе («верхняя земля»). Наиболее активно селонская культура развивается в Рокишкисе и его окрестностях.

Попытка разграничить зоны влияния в регионе Аукштайтии усугубляется близостью к двум крупнейшим городам Литвы – Вильнюсу и Каунасу. В раннее средневековье оба города были частью одной административно-территориальной единицы, которая охватывала помимо них еще такие важные центры, как Утена, Укмерге и Тракай. Вокруг этих пяти центров и было создано литовское государство. Кроме того, постепенно с ростом Вильнюса и Каунаса на их базе были сформированы отдельные административно-территориальные единицы: герцогства (в XIV в.), воеводства (в XV в.), губернии (с 1843 г.).

После оккупации Польшей Вильнюсского края в 1920 г. биполярная структура территориальной организации в центральной части Литвы была нарушена (Каунас стал крупнейшим городом и столицей), попыткой исправить это было создание локально значимого субцентра вокруг города Кайшядорис (Кайшядорисская епархия была основана в 1926 г.). Таким образом, Вильнюс и Каунас постепенно сформировали свои зоны тяготения, территориальная организация остальной части Аукштайтии формировалась по-своему. Западная граница региона совпадает с восточной границей Жемайтийской епархии, которая была основана еще в 1417 г., именно там сформировалась переходная зона между Жемайтией и Аукштайтией. То, что было Упитским поветом в XV в., приблизительно совпадает с границами Паневежского уезда. Сам город Паневежис, который считается столицей Аукштайтии, находится на ее периферии с исторической точки зрения. Помимо Паневежиса еще одним организующим центром региона является Утена. Центрами местного значения, сформировавшимися на периферии региона, можно считать Биржай, Укмерге, Рокишкис и Зарасай.

Судува (Сувалкия)

Это своеобразный регион с двойной идентичностью, в котором проявления формального территориального (сувалкского) и этнокультурного (судувского) самовосприятия существенно различаются. На севере Судувы на границе с Жемайтией выделяется территория с локальной идентичностью зановяков («за рекой Новой») в районе города Шакия.

В Занеманье сформировался довольно своеобразный регион, где Неман служил естественным барьером между административными и религиозными единицами, которые практически не менялись с 1795 по 1918 гг. Внутреннюю структуру региона можно разделить на зоны влияния трех центров: Мариямполье, Вилкавишкис и бывшая южная окраина Жемайтиского староства с центром в городе Шакай.

Дзукия (Дайнава)

Имя Дзукия появилось только в XIX в. и связано с особенностями произношения ряда звуков на местном диалекте. Однако этот регион имеет и второе более древнее название Дайнава, которое связано с племенем ятвингов. Впервые Дайнава упоминается в летописи 1253 г. как земля, подаренная королем Миндаугасом Ливонскому ордену.

Дзукия имеет четко выраженную западную границу, как лингвистическую, так и перцептивную. Хотя восточные и северные рубежи региона менее ясны, они очень напоминают границы недолго просуществовавшего в Речи Посполитой Мерецкого воеводства. Возможно, с этим связано, что Меркине является культурным центром Дзукии, а левобережье Немана характеризуется довольно пассивным дзукийским самосознанием.

Крупнейшим городом региона является Алитус, вокруг которого исторически сформировалась зона тяготения, которую можно отождествить с границами Алитусского уезда. Алитус также символично разделен на две части рекой Неман, и может рассматриваться как центр, объединяющий западную и восточную части региона. Другие важные субцентры региона включают Друскининкай, Варену и Лаздияй.

Малая Литва (Прусская Литва)

Малая Литва стала формироваться как полиэтничный регион. Земли близ Куршского залива (вокруг Клайпеды и Шилуте) колонизировали жемайты, с севера из Куронии сюда пришли латыши, сохранялись и небольшие поселения прусских субэтносов скалвов, ламатов и куршей, которые впоследствии были ассимилированы.

В период Реформации именно на территории Малой Литвы сформировался литовский культурный центр. Выходец из Западной Литвы Мартин Мажвидас в 1547 г. стал литовским первопечатником, издав на литовском языке катехизис, в который были включены начала букваря и переводы полутора десятков псалмов. Впоследствии Мажвидас издаст еще несколько важных трудов на литовском языке. Помимо Мажвидаса в Малой Литве трудились и другие литовские мыслители того времени, сыгравшие важную роль в развитии литовской культуры и создании письменного литовского языка.

Этнокультурный регион Малой Литвы был сформирован давно установившейся государственной границей, которая определила культурную самобытность региона. Современная территория Литвы включает северную окраину бывшей территории Малой Литвы. Возможно, по этой причине этнокультурная идентичность жителей региона довольно слаба. Клайпеда – крупнейший город региона, однако культурной столицей Малой Литвы принято считать Шилуте, к второстепенным локальным центрам можно отнести Пагегяй.

2.1.3. Этноконфессиональная дифференциация

Этнический состав населения Литвы претерпел значительные изменения под влиянием политических событий XX в., довольно часто менявших границы государства. Миграция также сыграла большую роль в процессе формирования этнических групп и сообществ. Массовая эмиграция литовцев в начале XX в. приостановилась с началом Первой мировой войны. В межвоенный период территория Виленского края, отошедшая к Польше, активно заселялась поляками. В 1940-е годы произошли значительные изменения в численности и этнической структуре населения, что было связано со значительными потерями населения во время Второй мировой войны, разрушением городов и депопуляцией. Еврейское население, являвшееся первым по численности этническим

меньшинством в Литве, по большей части было уничтожено в период Холокоста. После присоединения Литвы к СССР из страны уехали поляки, проживавшие в городах, а тысячи литовцев были подвержены депортации. В общей сложности с 1940 по 1958 гг. Литва потеряла около миллиона человек, восстановив довоенный уровень населения только к 1969 г (Stanaitis, Adlys, 1979). Возврат к прежней численности населения и ее дальнейший рост сопровождался массовой трудовой миграцией (военные, рабочие промышленных предприятий, административно-управленческий персонал) в основном русскоязычного населения из других регионов СССР, которые оседали в индустриальных центрах Литовской ССР. Этот процесс продолжался вплоть до конца 1980-х гг., в частности одной из ключевых точек миграционного притока стал город Снечкус (ныне Висагинас), место строительства Игналинской АЭС. Таким образом, современная этническая структура населения Литвы и география расселения меньшинств является преимущественно наследием советского периода развития страны. Однако, в постсоветский период также произошли отдельные изменения.

Доля национальных меньшинств в Литве в постсоветский период резко сокращается: 20,4% в 1989, 16,6% в 2001 и 15,8% в 2011 (рис. 5). Доминирующее положение среди национальных меньшинств занимают поляки и русские, но и их численность постепенно снижается. Наличие компактно проживающего на юго-востоке страны польского меньшинства связано, как отмечалось ранее, с вхождением Виленского края в состав Польши в период между двумя мировыми войнами. Присутствие русских в Литве значительно расширилось в советские годы и вывело их к 1989 г. на первое место среди национальных меньшинств. Последовавший за этим распад Советского Союза и обретение Литвой независимости привели к массовому оттоку русских, этому способствовал в том числе и вывод военного контингента советской армии. К началу XXI в. поляки стали второй этнической группой в Литве после титульной нации.

Несмотря на заметную динамику абсолютных и относительных показателей численности этнических групп, их размещение принципиально не изменилось в постсоветский период (рис. 6-8). Этническое разнообразие характерно для двух крупных городов страны (Вильнюс и Клайпеда), зона компактного расселения поляков сложилась на юго-востоке страны вблизи столицы (Шальчининкайский, Вильнюсский, Швенченский, Тракайский и Электренайский муниципалитеты), на северо-востоке – ареал расселения русских с центром в Висагинасе и шлейфом окружающих его традиционных мест проживания старообрядцев (Зарасайский и Игналинский муниципалитеты). По сравнению с переписью 1989 г. к 2011 г. произошло значительное сокращение этнических меньшинств в локальных центрах производства товаров и услуг, например, в Йонавском

муниципалитете (завод по производству азотных удобрений) численность русских снизилась с 17% до 8%, в бальнеологическом курорте Друскининкай совокупная доля меньшинств упала с 21% до 9%.

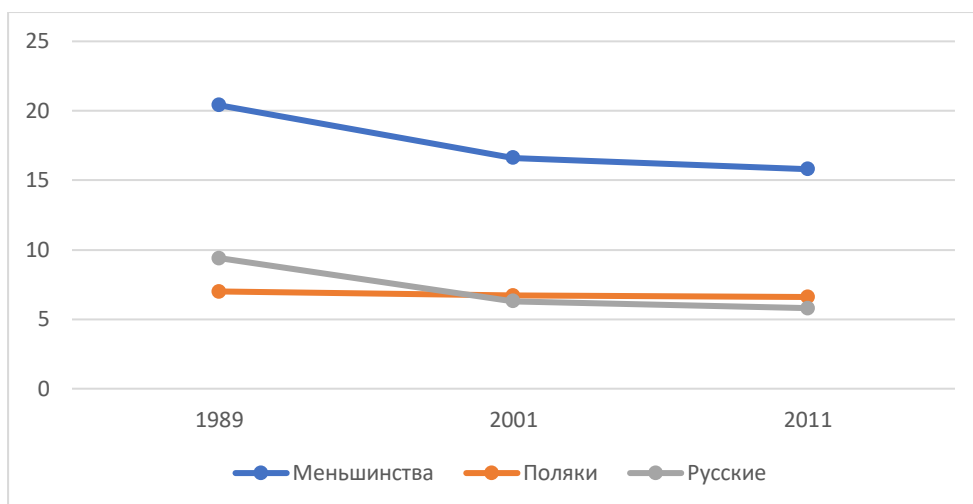

Рис. 5. Доля этнических меньшинств в общей численности населения Литвы по данным переписей населения 1989, 2001 и 2011 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

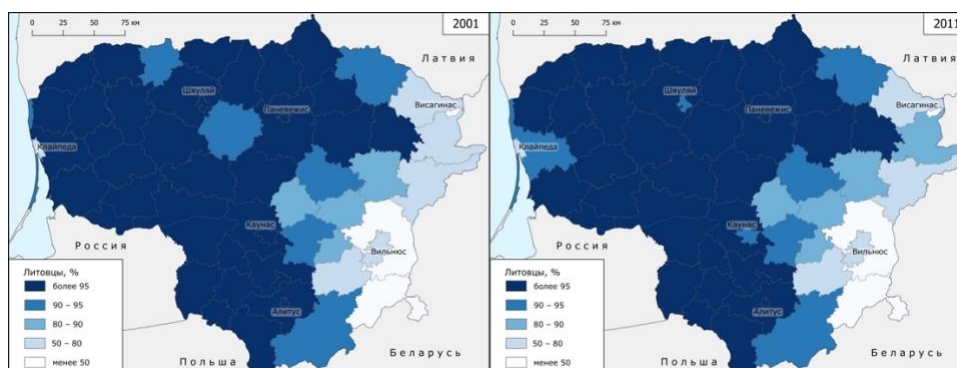

Рис. 6. Расселение литовцев в Литве в 2001 и 2011 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

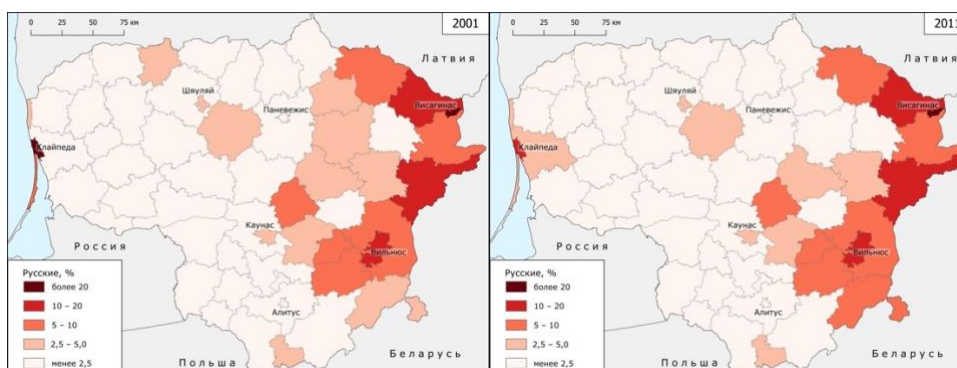

Рис. 7. Расселение русских в Литве в 2001 и 2011 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

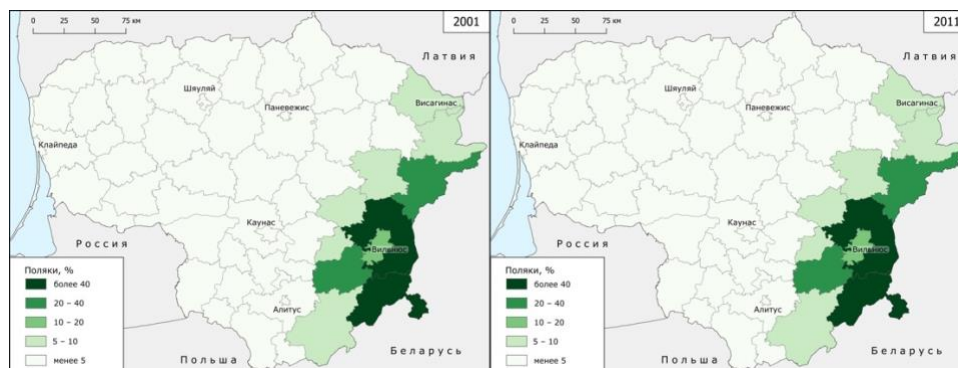

Рис. 8. Расселение поляков в Литве в 2001 и 2011 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

В контексте нашего исследования важными являются результаты социологических опросов (Gečienė, 2016), которые демонстрируют повышенный уровень тревожности, переживания по поводу своего социального статуса и даже желание вернуться к советской системе жизни у представителей этнических меньшинств. При чем это связано не с уровнем доходов и материальным благополучием, а с особой чувствительностью представителей этнических меньшинств к взаимоотношениям с литовцами как титульной нацией. Беспокойство также вызывают ограничения, связанные с возможностями использования родного языка в публичной сфере и обязательное написание фамилий на литовский манер в национальных паспортах. Наиболее остро они проявляются в местах компактного расселения этнических меньшинств (бывший Виленский край и Висагинас).

Конфессиональная структура Литвы отличается заметной однородностью: 77% жителей относили себя к римско-католической церкви в 2011 г. (см. рис. 9). Крупнейшим религиозным меньшинством являются православные – 4%. Однако, на муниципальном уровне выделяются территории с отклонениями от средних показателей по стране. Православное население доминирует в Висагинасе (45%), и их число выросло за межпереписной период на 8%. Заметная доля православных также проживает в Клайпеде (16%) и Вильнюсе (8%). В целом размещение православных в Литве логично повторяет географию расселения русских. Ареал проживания старообрядцев располагается на северо-востоке страны с центром в Зарасайском муниципалитете (11%), где в начале XVIII в. стали селиться старообрядцы. В окрестных территориях (Рокишкиский, Игналинский, Швенченский муниципалитеты) также старообрядчество имеет своих последователей (3-4%). Протестантизм в Литве представлен лютеранством и реформаторством. Лютеране проживают в основном на западе страны вдоль российской границы – Таурагский (10%), Пагегский (5%), Юрбаркский (3%), Шилутский (4%), Клайпеда (2%), Паланга (2%). До 1793 г. большая часть этих земель были в составе Пруссии, а впоследствии находились в приграничной контактной зоне с немецким государством. Ядром реформаторства является

расположенный на севере страны приграничный с Латвией Биржайский муниципалитет (8%). Успех реформаторской церкви в этом районе связан с наследием 300-летнего правления рода Радзивиллов, активно насаждавших здесь свою религию.

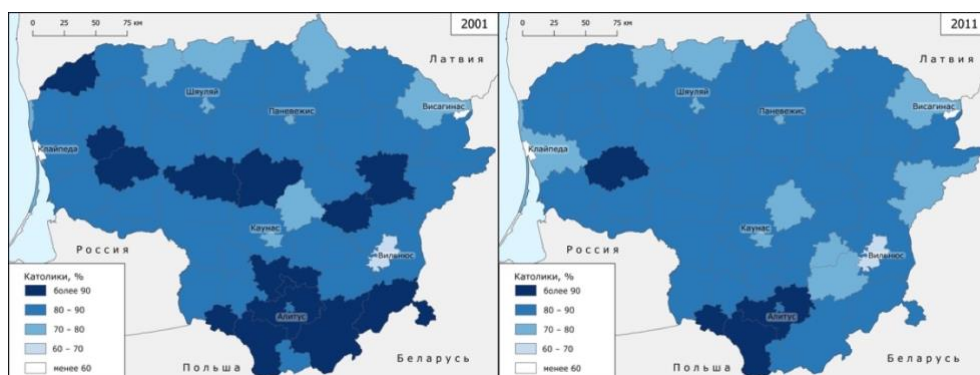

Рис. 9. Доля католиков по муниципалитетам Литвы в 2001 и 2011 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

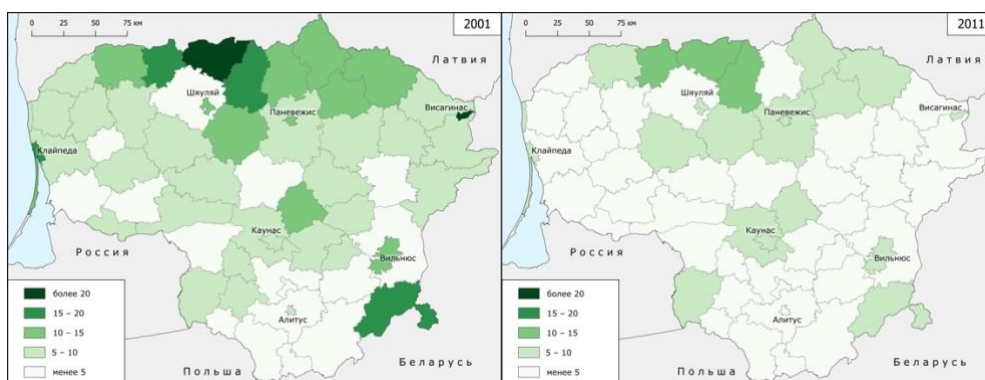

Рис. 10. Доля не относящих себя ни к одной религии по муниципалитетам Литвы в 2001 и 2011 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

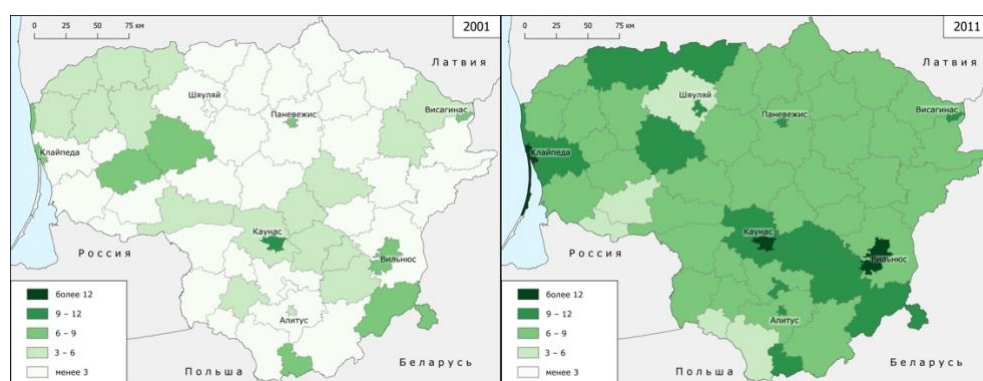

Рис. 11. Доля отказавшихся отвечать на вопрос о принадлежности к одной из религий по муниципалитетам в 2001 и 2011 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

Перепись населения в Литве также позволяет респондентам указать свою не принадлежность ни к одной из религий (9,5% в 2001 г., 6,1% в 2011 г.) и отказаться от ответа (5,4% в 2001 г., 10,1% в 2011 г). Выбор атеизма – это сознательное решение индивида и

снижение доли таких ответов в межпереписной период объяснимо мерой удаления от советского прошлого, однако в целом доля осознанных атеистов по странам мира неэластична и колеблется в районе 5-10% (рис. 10). Рост числа отказывающихся отвечать на вопрос о религиозной принадлежности и его география могут говорить о связи данного показателя с процессами модернизации и глобализации (множественная идентичность как следствие пространственной мобильности, смешанных браков, смены поколений, а также опасение дать социально не одобряемый ответ). Наибольшего значения доля «отказников» достигает в крупных городах Каунасе, Клайпеде, Вильнюсе, Паневежисе, Шяуляе, Висагинасе, а также в высокоурбанизированных пригородных зонах, в районах советской индустриальной культуры Кедайняйский (производство минеральных удобрений), Акмянский (производство цемента), Мажекяйский (нефтепереработка), в курортных муниципалитетах Паланги, Неринги, Бирштонаса и Друскининкяя (рис. 11).

Существует несколько направлений, по которым политико-территориальные изменения и этнографическая специфика в прошлом оказывают влияние на политико-культурные установки в настоящем. Во-первых, это формальные институциональные нормы, нашедшие отражения в неформальных повседневных практиках. Так, например, опыт проживания в составе государств с различным нормативно-правовым режимом оставляет глубокий след в ценностных и поведенческих императивах населения через наличие или отсутствие опыта парламентаризма, времени отмены крепостного права, возможности обучаться на родном языке и даже особенности ведения бизнеса и т.д. Во-вторых, конфигурация границ и административный статус определяют позиционные свойства территории на оси центр-периферия, которые играют определенную роль в территориальной организации хозяйства и расселения. Так, например, долгосрочное обладание статусом административного центра способствовало формированию локальных ядер социально-экономического развития и зон их тяготения (в первую очередь, Вильнюс, Каунас и Клайпеда, во вторую – Шяуляй, Паневежис, Алитус и Утена), а напротив долгий период административной подчиненности ряда территорий создал предпосылки глубокой социально-экономической и политической периферийности, при чем не только социально-экономической, но и политической. В-третьих, на индивидуальном уровне сформировались контекстуальные особенности: социально-демографические (возрастная структура, уровень образования и др.), девелопменталистские (уровень урбанизации и доходов населения), психологические (обычаи, традиции этнических групп).

Учет важности этноконфессиональной идентификации стал важной чертой конструирования моделей, пытающихся объяснить особенности политического поведения

людей. Так как этноконфессиональные меньшинства часто сталкиваются с различными аспектами дискриминации, пессимистически оценивают свои возможности в стране и испытывают социальное давление со стороны членов своей этноконфессиональной группы, это находит отражение в их политическом поведении, например, поддержка политических партий, продвигающих интересы меньшинств. Различия групповых интересов между этноконфессиональными меньшинствами и большинством может провоцировать определенную напряженность в обществе, что усугубляется более скромными возможностями меньшинств решать возникающие проблемы посредством представительства в политических институтах. Дисперсное или сконцентрированное расселение представителей этноконфессиональных меньшинств формирует разные политико-географические возможности и последствия, что также крайне важно учитывать при политико-культурных исследованиях.

2.2. Социально-экономическая дифференциация

Для оценки социально-экономической дифференциации Литвы мы воспользуемся методикой выделения периферийных территорий, предложенной литовским географом Гинтаре Почюте-Серейкене (Pociute, 2014a; Pociute, 2014b), адаптируя ее под задачи данного исследования.

На предварительном этапе из совокупности доступных на муниципальном уровне статистических данных был произведен отбор для дальнейшего анализа 13 социально-экономических показателей, разбитых на три блока (демографическое развитие, социальная сфера и экономическое развитие)⁴. Далее была оценена динамика отобранных статистических показателей в разрезе 60 муниципальных образований за период после вступления Литвы в ЕС. Для анализа были выбраны три реперные точки: 1) год вступления в ЕС – 2004 г.; 2) год проведения переписи населения, а также первый год после восстановления экономики страны от последствий мирового кризиса 2008-2009 гг. – 2011 г.; 3) последний год до социально-экономических потрясений, связанных с пандемией COVID-19 и возрастанием геополитической напряженности, – 2019 г.

В указанный период действовало постановление Правительства Литвы №428 от 8 апреля 2003 г., в соответствии с которым вводился критерий выделения проблемных территорий, требующих применения особых инструментов поддержки. Согласно постановлению, этот критерий устанавливался для ряда социально-экономических

⁴ Определенные ограничения на выбор показателей вносит доступность данных на муниципальном уровне (LAU 1) в номенклатуре территориальных единиц для целей статистики в ЕС. Значительная часть социально-экономической статистики по Литве после вступления в ЕС аккумулируется на уровне NUTS 3, который делит страну на 10 крупных территориальных единиц, бывших до 2010 г. уездами.

показателей, стандартное отклонение которых от среднего уровня по стране было ниже на более чем 60%. Это побудило автора использовать схожую методику и рассчитать стандартное отклонение выбранных показателей муниципалитетов от среднего по стране с разбивкой на пять групп: превышающих более чем на 60% (далее по тексту группа А) и на 20-60% (группа В), пониженных более чем на 60% (группа Е) и на 20-60% (группа D), наиболее близких к среднему от -20 до 20% (группа С). В каждой из трех реперных точек муниципалитет получал за попадание в группу А 2 балла, в группу В – 1 балл, в группу С – 0 баллов, в группу D – -1 балл, в группу Е – -2 балла. Затем по каждому показателю и в целом по блоку рассчитывалось среднее значение баллов для каждого муниципалитета.

Периферийными считались территории с разной степенью интенсивности негативной динамики, не только те, где значения показателей ниже среднего по стране более чем на 60%, но и муниципальные образования, значения показателей которых попали в группы ниже среднего на 20-60%, а также наиболее близких к среднему от -20 до 20%. К полупериферии отнесем самоуправления с показателями стабильно выше средних по стране на 20-60%, а центральными признаем те, чьи показатели более чем на 60% превышали среднестрановой уровень.

2.2.1. Демографическое развитие

Депопуляция в Литве не уникальное явление, а скорее является частью общего процесса пространственной поляризации и депопуляции в странах ЦВЕ (Boren, Gentile, 2007). Переход от плановой к рыночной экономике в начале 1990-х годов значительно изменил демографическую структуру этих стран из-за снижения рождаемости, старения населения и увеличения миграционного оттока. Демографические изменения и связанные с этим социально-экономические проблемы коснулись всех без исключения административно-территориальных единиц Литвы, но с очевидной неравномерностью протекания указанных процессов между центрами и периферией. Разрыв между ними быстро нарастает, позволяя одним поддерживать устойчивый уровень развития и заставляя других бороться за выживание (Ubarevičienė, van Ham, 2017). Три крупнейших города Литвы – Вильнюс, Каунас и Клайпеда – являются общенациональными центрами и включены в социально-экономические процессы в мировом масштабе; другие крупные литовские города – Шяуляй, Паневежис, Мариямполе и Алитус – функционируют как местные организующие центры для окружающего их хинтерланда. Между тем население малых городов и сельских территории стремительно сокращается, обостряя ряд значимых социально-экономических проблем для оставшихся жителей (Pociute-Sereikiene et al., 2014).

Анализируя динамику численности населения Литвы с 1989 г., мы можем обратить внимание на стремительное сокращение, особенно после вступления в ЕС, которое вызвало значительный отток населения в более благополучные в социально-экономическом отношении страны. Результатом этих процессов стало снижение численности населения Литвы на 25% за последние 30 лет (рис. 12).

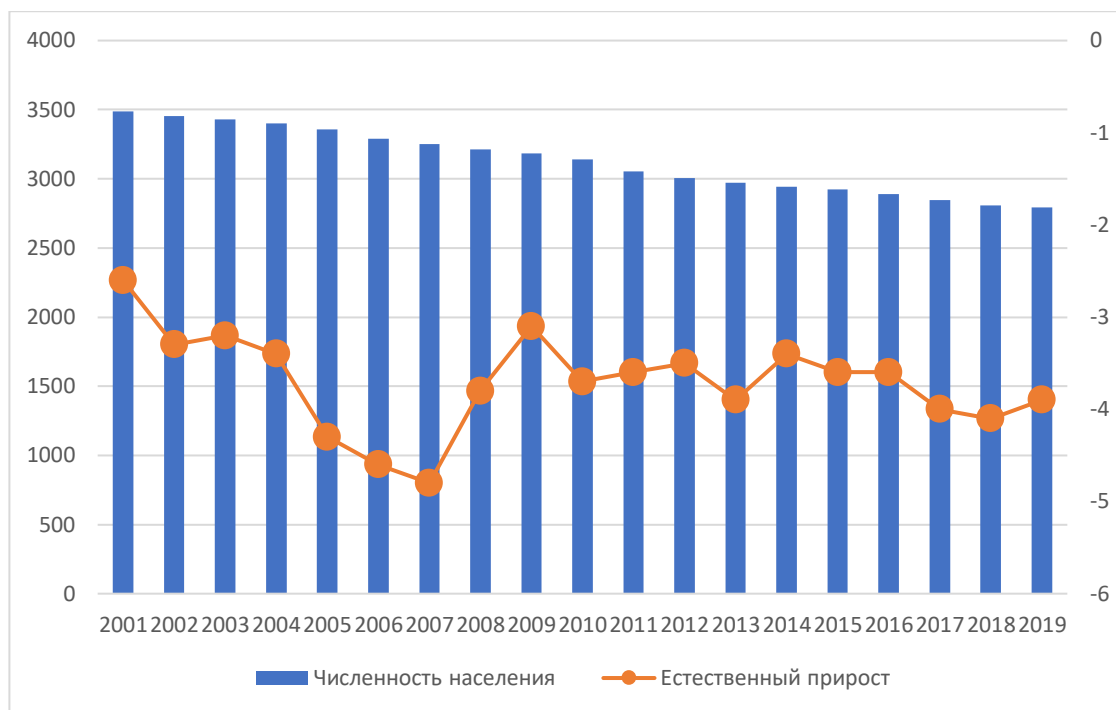

Рис. 12. Динамика численности (тыс. чел.) и естественной убыли (%) населения Литвы в XXI в., составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

В крупных городах и их ближних агломерационных зонах сокращение населения преимущественно связано с эмиграцией и с процессом субурбанизации. Вдали от крупных городов ключевыми причинами депопуляции являются низкая рождаемость и повышенный миграционный отток как за рубеж, так и в главные центры страны.

Анализ динамики численности населения по муниципалитетам Литвы в межпереписные периоды (1989-2001 гг., 2001-2011 гг.) и за период 2011-2019 гг. показывает, что убыль населения наблюдается практически повсюду в стране, кроме пригородных зон крупных городов (рис. 13).

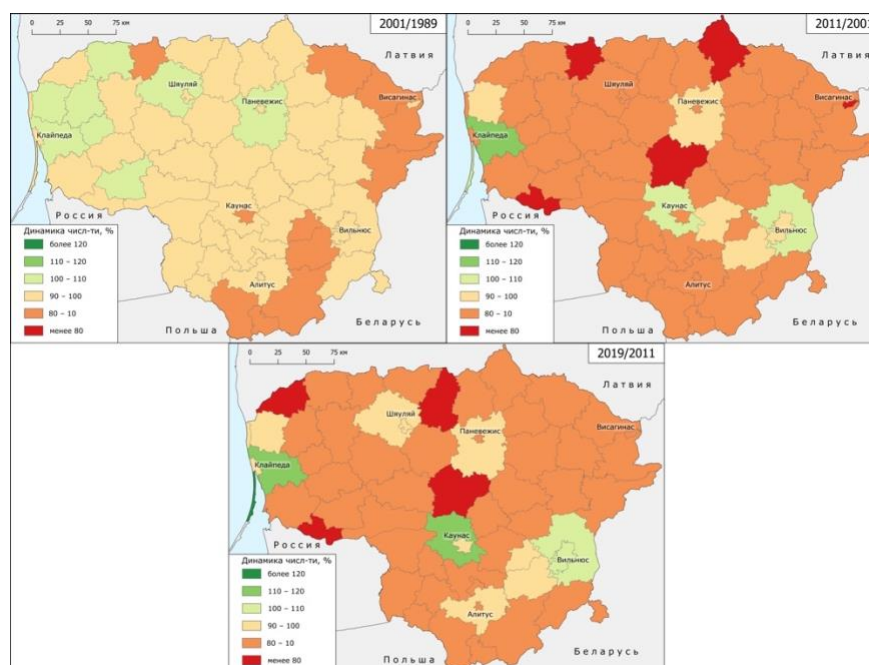

Рис. 13. Динамика численности населения по муниципалитетам Литвы с 1989 по 2019 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

Одной из причин драматического сокращения численности населения в сельской местности и малых городах Литвы можно назвать сложившуюся с середины 1960-х годов в Литве политику децентрализации населения и хозяйства в малых и средних городах, а также сельскохозяйственную специализацию республики во внутрисоветском разделении труда (Vanagas et al., 2002). Подобная территориальная организация общества могла успешно функционировать только в плановой экономике в отсутствие конкуренции и частной собственности. Поэтому неудивительно, что на новом этапе постсоветского развития произошли значимые сдвиги – сложившаяся в советской Литве система расселения перестала соответствовать потребностям постсоциалистического общества. Многие города, в которых в советский период стимулировалось создание рабочих мест в низкотехнологичных отраслях, в новых условиях внезапно оказались неспособными обеспечить занятость и достаточный уровень жизни. Ранее контролируемые потоки внутренней миграции изменили направление, и многие люди переместились в более крупные города. Более того, экономический спад и резкий рост безработицы в сочетании с вступлением в ЕС стимулировали эмиграцию.

В *первый межпереписной период (1989-2001)* численность населения Литвы сократилась на 5,5%. Большинству городов и районов республики удалось удержать свое население. Наиболее сложная ситуация (снижение более чем на 15%) сложилась в силу административных преобразований конца 1990-х гг. в расположенном неподалеку от Вильнюса Тракайском муниципалитете (из его состава выделена самостоятельная единица административно-территориального деления – Электренайский муниципалитет), а также в

Акмянском муниципалитете на севере республики, где одно из староств было передано в состав соседнего Мажекяйского муниципалитета. На 10-15% население уменьшилось в семи муниципалитетах, четыре из которых сформировали ядро наиболее проблемных периферийных территорий на северо-востоке страны на границе с Латвией и Витебской областью Республики Беларусь (Рокишкисский, Зарасайский, Игналинский и Швянченский муниципалитеты). Снижение численности населения в Ладзийском и Варенском муниципалитетах было ускорено административно-территориальной реформой 1999 г., когда часть их территории была переданы в состав Друскининкайского муниципалитета. Кроме того, в этой группе оказался Каунас, единственный из городов «большой тройки» Литвы, потерявший немногим более 10% своего населения за рассматриваемый период. Основная масса муниципалитетов, хотя и потеряла часть своего населения, но не более чем на 10%, а девять муниципалитетов даже увеличили численность населения (это либо пригородные районы крупных городов, либо укрупненные в результате административной реформы).

Во *второй межпереписной период (2001-2011)* численность населения Литвы сократилась на 12,5%. Увеличение скорости депопуляции произошло практически повсеместно – 51 муниципалитет продемонстрировал снижение численности населения более чем на 10%, из них пять более чем на 20%. Тракайский, Кайшядорский, Кретингский, Паневежиский муниципалитеты, находящиеся в агломерационной зоне влияния крупных городов, поэтому частично испытывающие влияние субурбанизации, сдержали сокращение населения в пределах до 10%. Аналогичные значения продемонстрировала и столица страны Вильнюс. Рост показали три муниципалитета, находящиеся в пригородной зоне крупнейших городов (Вильнюсский, Каунасский и Клайпедский) и курортный муниципалитет Неринга на Куршской косе.

В *последний период (2011-2019)* численность населения Литвы сократилась еще на 8,5%. В 44 муниципалитетах снизилась численность населения более чем на 10%, из них в четырех более чем на 20%. Менее чем на 10% сократилась численность населения в 10 муниципалитетах, среди них три крупных города Каунас, Клайпеда и Шяуляй; главный и самый известный курорт Паланга; и шесть муниципалитетов слабо интенсивной субурбанизации (Тракайский, Электренайский, Алитусский, Паневежский, Шяуляйский и Кретингский).

Естественное движение

Первой значимой составляющей депопуляционных процессов является динамика естественного движения. Различия в нем среди отдельных муниципальных образований весьма значительны (рис. 15): значения лучших и худших показателей могут отличаться

почти в 4 раза, как, например, в 2011 г. между Нерингой (5,8‰) и Игналинским муниципалитетом (-17‰). Средний по Литве показатель в последние годы хоть и отрицательный, но стабилизировался на уровне -4‰.

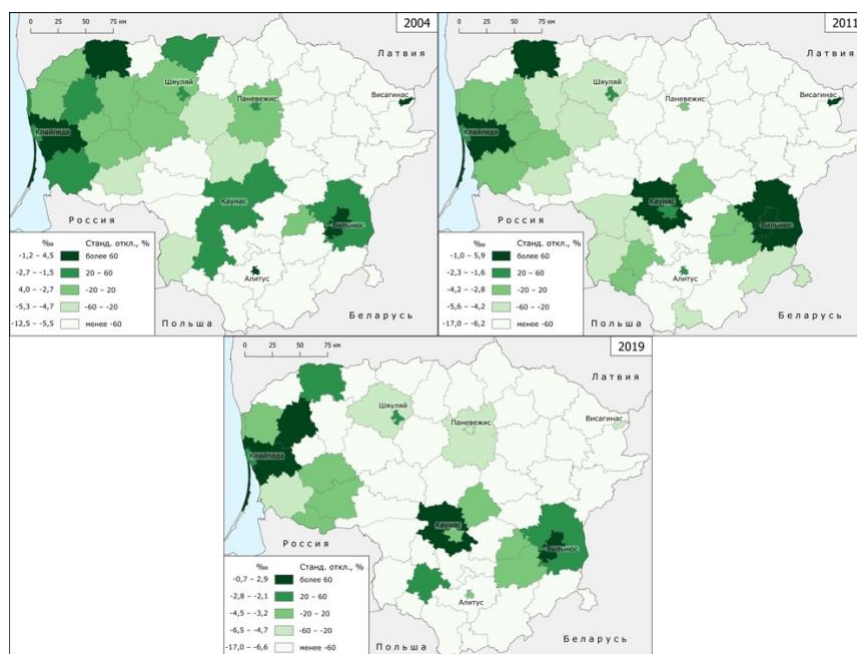

Рис. 14 Коэффициент естественного прироста (убыли) населения по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг., ‰, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

Ситуация с изменением численности населения по естественным причинам в муниципалитетах Литвы ухудшается – на рис. 14 показано, как изменилось количество самоуправлений в группах: уменьшилось количество в группе В и увеличилось в группе Е.

Наибольшую устойчивость демонстрировали две полярные группы. К группе А в течение всего рассматриваемого периода стабильно относились лишь три муниципалитета (Вильнюс, Неринга и Клайпедский район). 21 самоуправление постоянно входило в группу Е (Ширвинтское, Швенченское, Укмергское, Алитусское, Лаздяйское, Варенское, Бирштонас, Кайшядорисское, Пренайское, Расейняйское, Биржайское, Купишкисское, Акмянское, Юрбаркасское, Аникшяйское, Игналинское, Молетское и Утинское, Зарасайское). Самый заметный тренд на спад показателя у 10 муниципалитетов (три из них это городские самоуправления – Висагинас из группы А переместился в группу D, Алитус – из А в С, Паневежис – из В в D; позиции в группе В потеряли еще три муниципалитета Шилутский в D, Казлу-Рудский и Йонишкисский в Е; четыре муниципалитета перешли из группы С в Е – Кедайняйский, Скуодасский, Ретавский, Тельшяйский). Для остальных муниципалитетов либо не изменилась групповая принадлежность, либо это произошло в рамках соседних групп. Определенной волатильностью выделились Паневежисский (из

группы С в Е и затем в D), Плунгесский (из В в С и затем в А), Калварийский (из Е в С и вновь в Е) муниципалитеты.

За весь рассматриваемый период крупнейшие города Литвы, их хинтерланды, другие городские самоуправления, а также муниципалитеты Западной Литвы имеют наилучшие показатели естественного движения населения (рис. 15). Наибольшая убыль наблюдается на северо-востоке, юге и юго-западе страны.

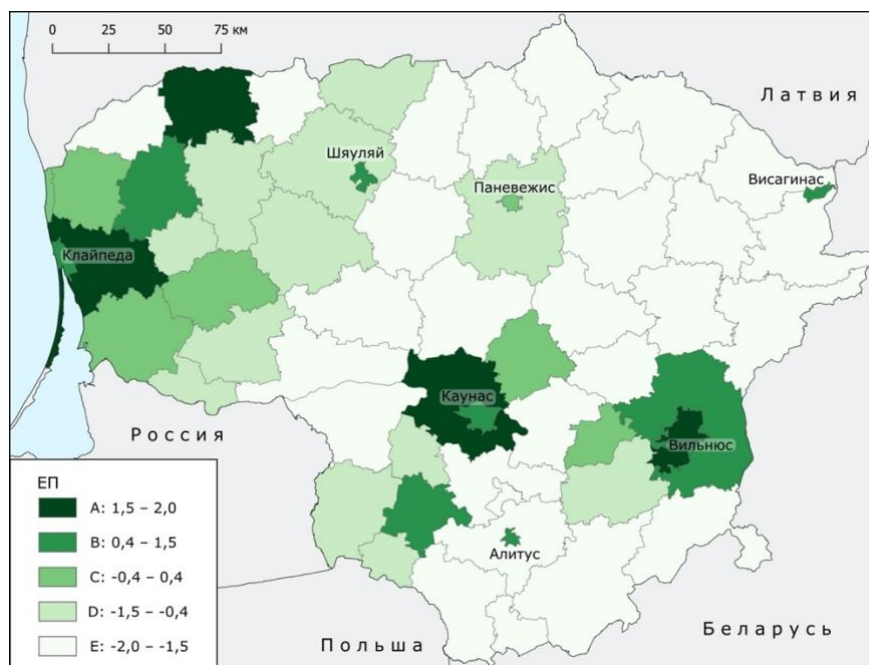

Рис. 15. Типология муниципалитетов Литвы по показателю естественного прироста (убыли) по результатам балльной оценки, составлено автором

Механическое движение

Миграции являются ключевым фактором, определяющим характер протекания многих социально-экономических и политических процессов в Литве. Причины, толкающие людей к смене места жительства, хорошо известны (безработица, различия в уровне заработной платы, качестве и уровне жизни и т.д.). Самые привлекательные рабочие места, лучшие образовательные и медицинские учреждения концентрируются в крупнейших городах. Поэтому перед жителями периферийных районов чаще всего не стоит дилемма «уезжать или не уезжать?», они лишь выбирают «куда?», отвечая на этот вопрос в соответствии со своим субъективным восприятием пространства и мест.

Миграционный отток – это обыденное явление, распространенное по всему миру, затрагивающее порой и вполне благополучные страны. Однако, в Литве этот процесс приобрел исключительные масштабы как из-за снижения политических и экономических барьеров после вступления ЕС, так и в связи со сложившейся в республике в советский период системой расселения (рис. 16). Как географическое, так и социально-экономическое

окраинное положение Литвы в ЕС усиливает периферизацию значительной части территорий внутри страны.

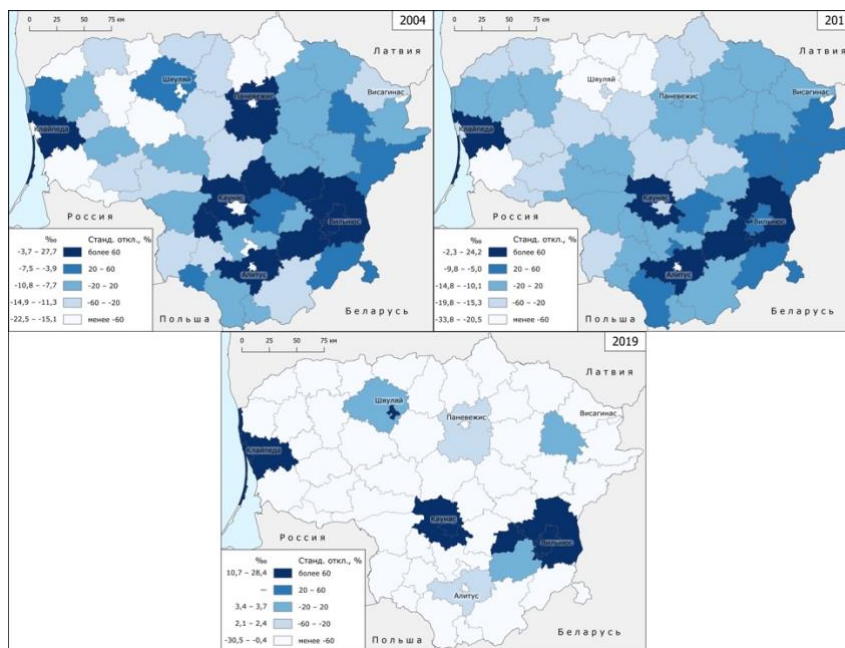

Рис. 16 Коэффициент миграционного прироста (убыли) по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

Несмотря на схожесть причин, побуждающих людей к смене места жительства, существуют значимые различия в направлении миграции между Западной и Восточной Литвой, особенно с точки зрения эмиграции за пределы страны, что отчасти можно объяснить различной демографической ситуацией (в первую очередь, возрастной структурой населения). Однако важную роль играют и другие факторы. Вероятно, это может быть связано с различиями в экономико-географическом положении и историческом прошлом. Территории, расположенные на удалении от столицы, имеют повышенные показатели внешней миграции. Нечто схожее наблюдается и в территориальной структуре внутренней миграции. Исторический опыт существования как в составе разных государств, так и в рамках самостоятельных единиц АТД, в сочетании с полицентричностью в размещении городов в Литве привели к тому, что многие западные муниципалитеты имеют довольно слабые социальные связи со столицей. Эмиграция, начавшаяся во время глубокого экономического спада в начале 1990-х гг., позволила довольно быстро количественно нарастить литовскую диаспору в Западной Европе, с которой многие местные жители теперь имеют больше социальных контактов, чем с Вильнюсом. Поэтому для многих решение уехать за границу сегодня дается проще с психологической точки зрения, не говоря уже о разнице в потенциальных доходах. В отдельных случаях роль

играет местный контекст. Например, закрытие Игналинской АЭС привело к стремительному оттоку населения из бывшего города-атомщиков Висагинаса.

Основная отмечаемая тенденция в динамике переходов муниципалитетов из группы в группу по показателю нетто миграций – это нарастающая поляризация (рис. 17).

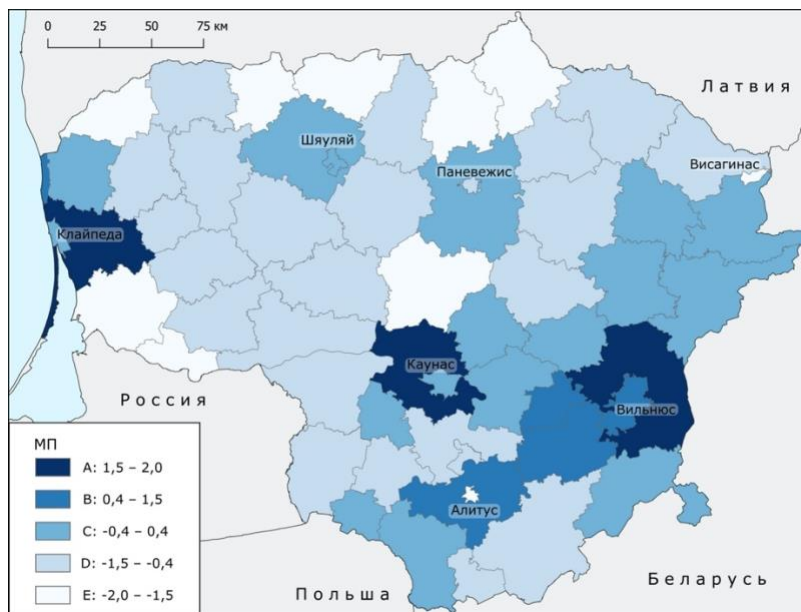

Рис. 17 Типология муниципалитетов Литвы по показателю миграционного прироста (убыли) по результатам балльной оценки, составлено автором

В течение выбранных для анализа 15 лет устойчивые позиции в группе сохраняли лишь 4 муниципалитета: Вильнюсский, Каунасский, Клайпедский и Неринга. Показатели большинства самоуправлений снижались. Наиболее стремительное падение из группы А в Е продемонстрировали Ширвинтский, Йонавский и Казлу-Рудский муниципалитеты. Стабильно быстро теряли население в этот период Алитус, Висагинас, Шилутский и Акмянский муниципалитеты. Крупные города, такие, как Каунас, Клайпеда и Шяуляй, из доноров международной миграции в начале периода превратились в реципиентов внутренней миграции, и благодаря этому перешли из группы Е в А.

При подсчете средних баллов большинство муниципальных образований отнесено к группе D – 24 муниципальных образования (или 40% всех муниципалитетов), 17 (28%) муниципалитетов были отнесены к группе C, 10 (17%) относятся к группе E, к группам A и B - 9 (15%).

Зональные различия по данному показателю не прослеживаются, однако четко видны ареалы субурбанизации вблизи крупнейших городов и курортные территории. Сравнительно небольшой состав группы E можно объяснить значительным сокращением населения в предыдущие периоды и возрастной структурой в наиболее депрессивных самоуправлениях: во многих муниципальных образованиях преобладает пожилое

население и небольшая доля молодежи. В этом случае при сокращающемся населении уезжать уже некому, а оставшееся пожилое население склонно вести более оседлый образ жизни.

Демографическая нагрузка

Помимо убыли населения важной особенностью сжимающихся территорий является старение населения. С 2001 г. доля населения старше трудоспособного возраста выросла в среднем по стране на 5,9% и составила в 2019 г. 19,8%. Территориальные различия в старении населения Литвы также велики (рис. 18). Самые высокие показатели доли старших возрастных групп наблюдаются на северо-востоке и юге Литвы, которые, как отмечалось ранее, являются наиболее малонаселенными районами страны. В ряде муниципалитетов старшие возрастные когорты составляют более четверти населения (Игналинский – 27,7%, Аникщяйский – 26,9%, Зарасайский – 25,3%). Если мы посмотрим на тенденции старения, то увидим быстрое старение на западе и севере Литвы и в большинстве городских муниципалитетов, таких, как Висагинас (в 4,2 раза), Алитус (в 2,6 раза) и Паневежис (в 1,9 раза). Рост пожилого населения в Паланге (в 1,8 раза) связан с тем, что приморский курорт стал привлекательным местом для переселения граждан, вышедших на пенсию. В конце 1980-х гг. Западная Литва переживала период «бэби-бума». Однако, к началу XXI века эти дети закончили среднюю школу и из-за нехватки рабочих мест покинули западные муниципалитеты и переехали в крупные города или за границу, надеясь найти лучшую жизнь в другом месте, и оставив в родных краях менее мобильное пожилое население (Kriauciunas, 2010).

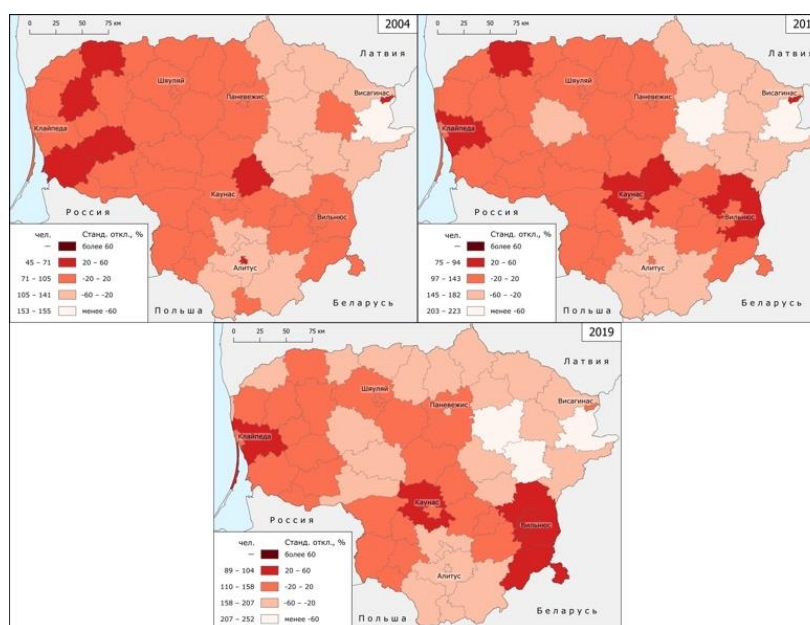

Рис. 18 Коэффициент демографической нагрузки по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011, 2019 гг., чел, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

Группа С явно доминировала на протяжении всего периода. В разные годы в группу С входили от 26 до 38 муниципалитетов. Второй по величине является группа D от 14 до 25 самоуправлений. В группу А за 15 лет не попало ни одно муниципальное образование. Лишь небольшое количество муниципалитетов было включено в группу Е (рис. 19). В эту группу в течение анализируемого периода на постоянной основе входил только Игналинский муниципалитет, где в 2019 г. на 100 детей приходится 251 чел. пенсионного возраста. Наиболее негативную динамику продемонстрировал Алитус, опустившийся из группы В в Е, где число пенсионеров на 100 детей выросло в 4 раза за 15 лет. По мере того, как число детей продолжало сокращаться, а население пенсионного возраста росло, количество муниципалитетов группы D увеличивалось.

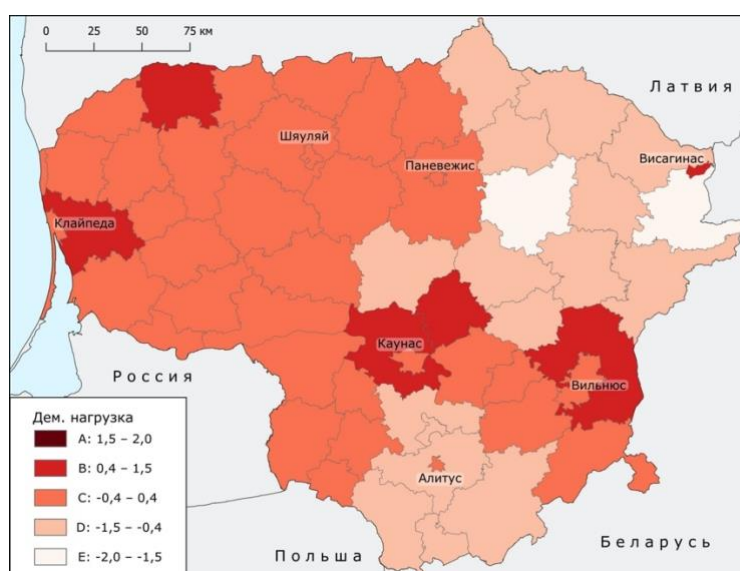

Рис. 19 Типология муниципалитетов Литвы по показателю демографической нагрузки по результатам балльной оценки, составлено автором

Расчет среднего показателя за исследуемый период выявил доминирование группы С – 32 самоуправления (60%), в группе D – 16 (27%), В – 6 (10%), Е – 2 (3%). Муниципалитеты северо-востока, юга и Кельмеское самоуправление в центре стареют быстрее, чем остальные части страны. В то же время пригородные муниципалитеты Вильнюса, Каунаса и Клайпеды, а также Мажейкяйское, Йонавское самоуправления и Висагинас имеют более позитивную динамику: количество детей там превышает численность населения пожилого возраста.

Динамика демографических показателей иллюстрирует общую ситуацию в Литве и отражает территориальную неравномерность протекающих процессов. Следует признать, что процессы депопуляции и старения населения последовательно проявляются

практически по всей стране. В некоторых муниципалитетах страны демографические проблемы стоят острее, другие – более чувствительны к изменениям во времени (рис. 20).

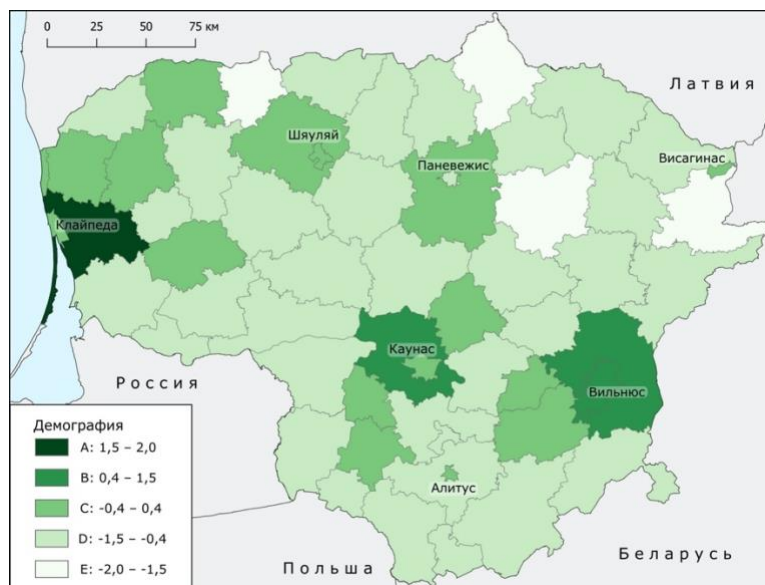

Рис. 20 Типология муниципалитетов Литвы по демографическим показателям по результатам балльной оценки, составлено автором

Обобщая демографическую ситуацию в Литве, можно выделить очаги муниципалитетов, образующих центры притяжения населения. Это крупнейшие города страны за исключением Паневежиса, муниципалитеты в их агломерационной зоне, курортные города (Паланга, Неринга) и промышленные центры (Мажейкяйский, Йонавский, Казлу-Рудский муниципалитеты). Вся остальная территория страны представляет собой демографическую пустыню, наиболее драматично дела обстоят в Акмянском, Биржайском, Игналинском и Аникщяйском муниципалитетах.

2.2.2. Социальная сфера

Безработица

Значительные скачки безработицы связаны с последствиями мирового финансового кризиса 2008 г. и восстановительным экономическим подъемом. В XXI веке самое низкое значение безработицы – 3,4% – было в 2007 г., пик же пришелся на 2010 г. – 15,9%. Наибольшая доля муниципальных образований в рассматриваемом периоде была отнесена к группе С, что иллюстрирует значения, наиболее близкие к среднему по стране (рис. 21). На эту группу приходилось 30% муниципалитетов (18 в 2004 г.), 68% (41 муниципалитет в 2011 г.), 53% (32 муниципалитета в 2019 г.), что свидетельствует о том, что тенденции изменения уровня безработицы в муниципальных образованиях тесно связаны с общей ситуацией в стране. Анализ показал, что муниципальных образований с очень большим

положительным отклонением от среднего и входящих в группу А практически нет, только в 2004 г. два муниципалитета – Тракайский и Электренайский – отличались крайне низкими значениями показателя уровня безработицы, который не превышал 2,5%, тогда как в то время в среднем по Литве он составлял 6,9%. На противоположенном полюсе размер группы Е колебался от 17 (2004 г.) до 2 (2019 г.) муниципалитетов. В 2011 году таких самоуправлений, где уровень безработицы был бы на 60% выше, чем в среднем по стране вовсе не было.

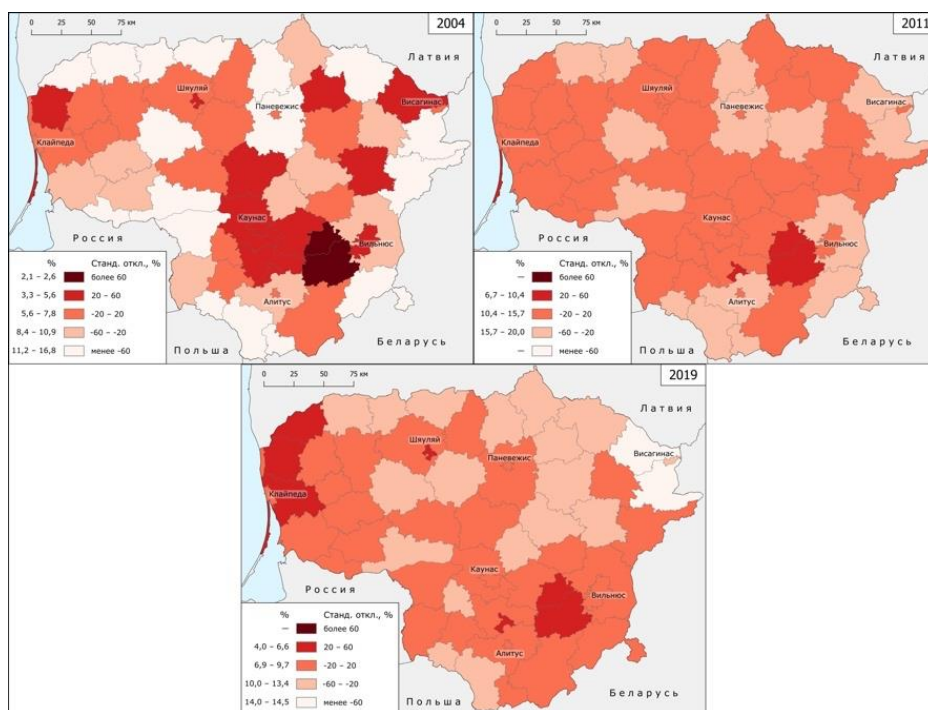

Рис. 21 Уровень безработицы по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt>

13 муниципалитетов остались стабильными в той же группе на протяжении всего периода, только два из них в группе В (Бирштонас и Неринга), остальные 11 в группе С. В остальных 47 муниципалитетах уровень безработицы варьировался. Спад был наиболее заметен в Зарасайском муниципалитете (с В в 2004 г. до Е в 2019 г.), а также в Купишкисском и Молетском самоуправлениях (с В в 2004 г. до D в 2019 г.). Позитивная динамика в уровне безработицы была характерна во многом для периферийных муниципалитетов, где велик отток населения, а в составе населения преобладают пенсионеры, таким образом, количество безработных стало сокращаться.

При итоговой группировке муниципальных образований по уровню безработицы наибольшее количество муниципалитетов попало в группы С, на долю которых пришлось 52% (31 самоуправление) соответственно (рис. 22). В группу Е входит лишь один муниципалитет (Игналинский). 38% (23) муниципалитетов были отнесены к группам D и

Е. При этом только 10% (6) муниципалитетов были отнесены к группе В. Муниципалитетов, включенных в группу А, нет.

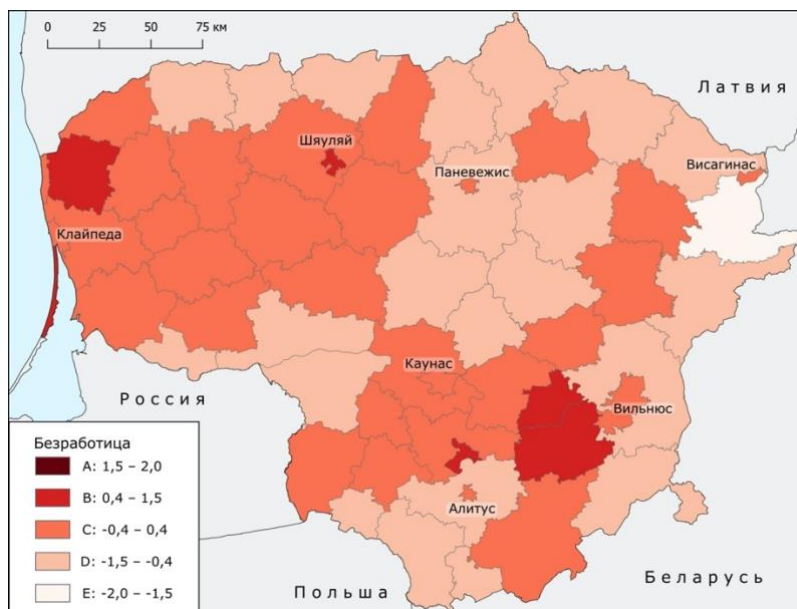

Рис. 22 Типология муниципалитетов Литвы по показателю безработицы по результатам балльной оценки, составлено автором

Наиболее напряженная ситуация с безработицей наблюдается по всему периметру приграничных муниципалитетов, а также в ряде самоуправлений в центре страны. Низкий уровень безработицы отмечается в курортных городских самоуправлениях Бирштонаса и Неринги, а также Кретингском, Тракайском, Электренайском муниципалитетах и в Шяуляе.

Социальные пособия

Изменение доли населения, получающего социальные пособия, отражает уровень социального благополучия жителей страны. Среднегодовое количество получателей социальных пособий имело тенденцию к снижению в начале века, минимум был достигнут в 2007 г. – 1,13% от численности населения страны получили пособия. Затем данный показатель стал расти вплоть до 2012 г. (7,39%) как следствие мирового финансового кризиса, после чего вновь стал понижаться и в 2019 г. составил 2,31%.

Количество получателей социальных пособий зависит от проводимой политики находящегося у власти кабинета министров, а также в целом состояния рынка труда и уровня безработицы.

Согласно рассчитанному отклонению от среднего, большинство литовских самоуправлений попали в группы D и E (рис. 23). В эти группы входит от 30 до 37 (от 50% в 2004 г. до 62% в 2011 г.) муниципальных образований. Пиковым для групп C и D стал 2011 г. (15 и 28 муниципалитетов соответственно), а для B и E 2019 г. (13 и 21

муниципалитет соответственно). Наименьшее количество получателей социальных пособий за период, выбранный для анализа, было в муниципалитете Неринга. Этот муниципалитет относится к группе А. Отчасти такой позитивный показатель в данном муниципальном образовании зависит от благополучных жителей крупных городов, которые приобрели квартиры и зарегистрировались в Нерингском муниципальном образовании.

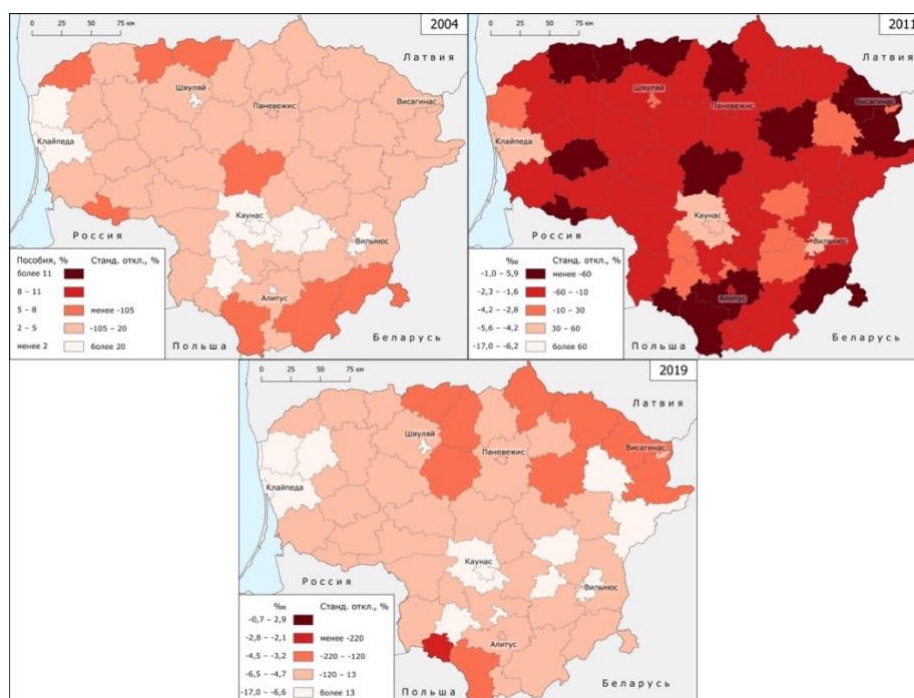

Рис. 23. Доля лиц, получающих социальные пособия по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг., %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

15 муниципалитетов характеризовались стабильностью: к группе Е на протяжении всего рассматриваемого периода относились: Калварийский, Акмянский, Йонишкисский, Кельмеский и Игналинский муниципалитеты. К группе D – Алитусский, Расеняйский и Паневежиский муниципалитеты. К группе С только Тракайское самоуправление. Города Каунас, Паланга, Каунасское и Мариямпольское муниципальное образование входили в группу В. Самые большие негативные изменения наблюдались в Казлу-Рудском и Таурагском муниципалитетах (из В в D) и в Вилкавишском, Пакроуисском, Радвилишкисском, Зарасайском муниципалитетах и в городе Висагинас. Между тем положительные изменения наблюдались только в 4 муниципалитетах: последовательно из группы Е через группу D в группу С перебрались Друскининкайский, Шилутский и Тельшайский муниципалитеты, а из D в В Швянченское самоуправление.

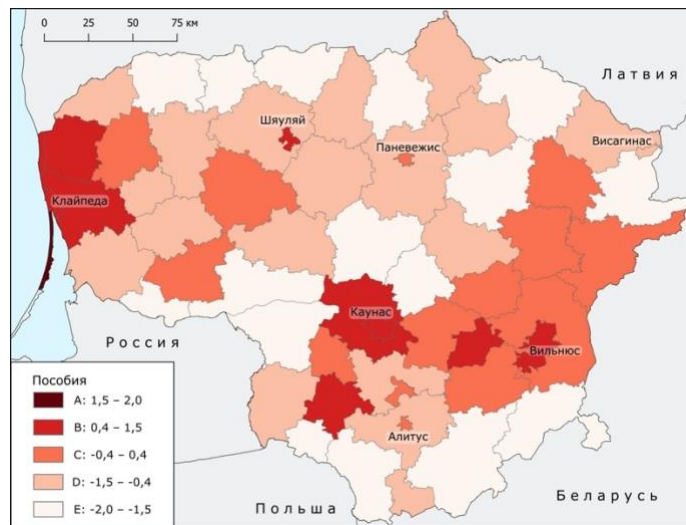

Рис. 24 Типология муниципалитетов Литвы по показателю доли получающих социальные пособия по результатам балльной оценки, составлено автором

По рассчитанному среднему баллу 19 муниципальных образований (32%) были отнесены к группе D. В группе E оказалось 16 муниципалитетов (27%). В 35 муниципалитетах почти 60% населения получают социальные пособия. В анализируемый период среднестрановым значениям соответствовали 23% самоуправлений (14), которые отнесены к группе C. 18% самоуправлений (11) показали результаты лучше, чем в среднем по Литве, из которых 10 самоуправлений были отнесены к группе B и только одно – Нерингское самоуправление – к группе A.

Как видно на рис. 24 наименьшее количество получателей социальных пособий сосредоточено в крупнейших городах (Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Шяуляй), курортах (Неринга, Паланга) и ряде других муниципалитетов (Каунасский, Клайпедский, Кретингский, Мариямпольский, Электренайский). Наибольшая доля получателей социальных пособий находится в 13 приграничных муниципалитетах, а также в Аникшчяйском, Йонавском и Кельмеском самоуправлениях.

Образование

Литва входит в топ-20 стран мира по показателю уровня образования населения, ежегодно рассчитываемого ООН в рамках доклада о человеческом развитии (HDR, 2019). Однако, население с разным уровнем образования размещено по территории страны неравномерно (рис. 26). Это обусловлено в том числе и географией сети учебных заведений. Университеты и специализированные колледжи находятся в крупных городах⁵, а

⁵ В 2019-2020 уч. г. в Литве функционировало 19 университетов в 5 городах (Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Шяуляй, Тельшяй) и 22 колледжа в 8 городах и 1 поселке (Вильнюс, Алитус, Каунас, Гирионис, Клайпеда, Мариямполье, Паневежис, Шяуляй, Утена)

количество общеобразовательных школ значительно сократилось, в первую очередь, за счет периферийных муниципалитетов (Daugirdas, Pociute-Sereikiene, 2018).

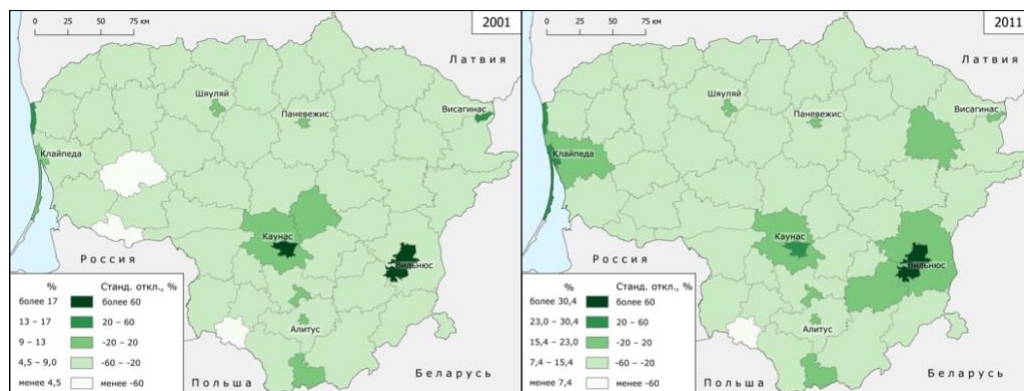

Рис. 25 Доля лиц с высшим образованием по муниципалитетам Литвы, %, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

В межпереписной период (2001-2011 гг.) доля лиц с высшим образованием увеличилась за десятилетний период с 111,4 чел. на 1000 чел. до 191,9. И в 2001, и в 2011 гг. большинство муниципалитетов – 44 и 43 соответственно – попали в группу D (рис. 25). Между тем самая низкая доля населения с высшим образованием была в 2001 г. в Пагегайском, Калварийском и Шилальском муниципалитетах, а в 2011 г. только в Калварийском. Указанные муниципалитеты отнесены к группе E. Чуть более 15% муниципальных образований вошли в группу C. В 2001 г. наибольшая доля лиц с высшим образованием (группа A) отмечена в двух крупнейших городах страны (Вильнюс и Каунас), а в 2011 г. только в Вильнюсе. К группе B в 2001 г. относились только 2 самоуправления (Паланга и Висагинас), а в 2011 г. уже 4 самоуправления (Каунас, Клайпеда, Паланга и Неринга). В той же группе остались 49 муниципалитетов (82% всех муниципалитетов). Три муниципалитета опустились на более низкий уровень образования: Висагинас (с B до C), Каунас (с A до B), Йонавский (с C до D). При этом положительные изменения наблюдались в восьми самоуправлениях: Тракайское, Вильнюсское, Клайпедское и Утенское с D до C; Клайпеда и Неринга перешли из группы C в B; Пагегский и Шилальский муниципалитеты из E в D. Можно предположить, что в Каунасском, Клайпедском, Вильнюсском и Тракайском муниципалитетах образовательный уровень населения повысился за счет влияния процесса субурбанизации – переселения в пригороды более обеспеченного и образованного населения. В муниципалитете Неринга на такие результаты повлияла уже упомянутая выше причина – регистрация жителей крупных городов в Неринге с целью облегчения въезда в этот муниципалитет.

В среднем мы можем наблюдать преобладание группы D, к ней отнесено 45 муниципальных образований (75%). В группу E входят 3 самоуправления (Пагегайское,

Калварийское и Шилальское), в группе С – 6 самоуправлений. В группе А 2 города (Вильнюс и Каунас) и в группе В – 4 муниципалитета (города Паланга, Клайпеда, Неринга, Висагинас).

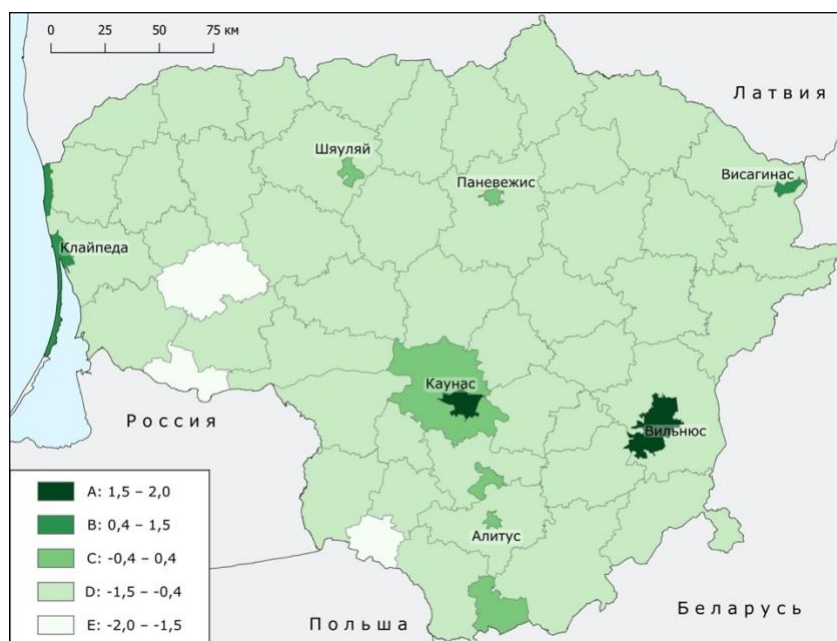

Рис. 26 Типология муниципалитетов Литвы по показателю доли лиц с высшим образованием по результатам балльной оценки, составлено автором

Относительно среднего по Литве показателя можно наблюдать процесс концентрации высокообразованных кадров в крупнейших городах страны и курортно-рекреационных муниципалитетах (рис. 26). Закрытие или сокращение производства вызвали отток квалифицированных специалистов из многих муниципалитетов, особенно это коснулось русскоязычных граждан. При этом такие очаги индустриальной культуры прошлой эпохи, как города Алитус и Паневежис, а также Йонавский, Мажейкяйский, Укмергесский, Утенский, Электренайский муниципалитеты сохранили высокую долю жителей со средним специальным образованием, что отличает их от других территорий. Аналогичные тенденции наблюдаются и в бывшем городе-атомщиков Висагинасе с единственным отличием, что сформировавшийся ранее кадровый резерв с высшим образованием еще позволяет сохранять позиции выше среднего по стране.

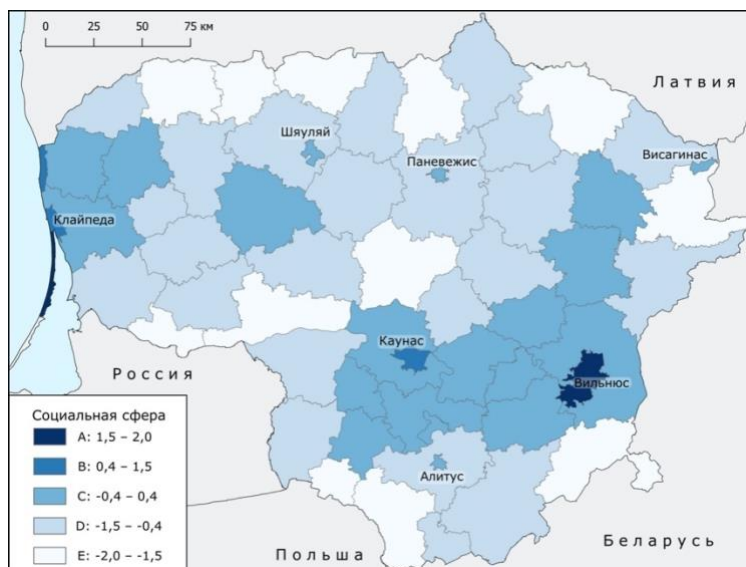

Рис. 27 Типология по муниципалитетам Литвы по социальным показателям по результатам балльной оценки, составлено автором

Большая часть территории Литвы отличается более низким, чем в среднем по стране показателями. Около 60% территории страны по социальным показателям можно отнести к периферии (рис. 27). Тем не менее, степень периферийности варьируется по стране. Были выделены два уровня периферийных регионов: E и D. Наиболее проблемными (группа E) являются 11 приграничных муниципалитетов и Кельмесское самоуправление. На противоположенном полюсе небольшие островки, которые выделялись исключительно положительными значениями социальных показателей. Это три крупнейших города Литвы – Вильнюс, Каунас и Клайпеда – и два курортных центра – Неринга и Паланга. В свою очередь, вокруг них растекается полупериферия, состоящая из 20 муниципалитетов, включая оставшиеся городские самоуправления Алитус, Паневежис, Шяуляй и Висагинас.

2.2.3. Экономическое развитие

Малое и среднее предпринимательство

В XXI в. наблюдается планомерный рост предпринимательской активности в стране. Количество малых и средних предприятий увеличилось на 28,3 тыс., показатель вырос примерно в 1,5 раза.

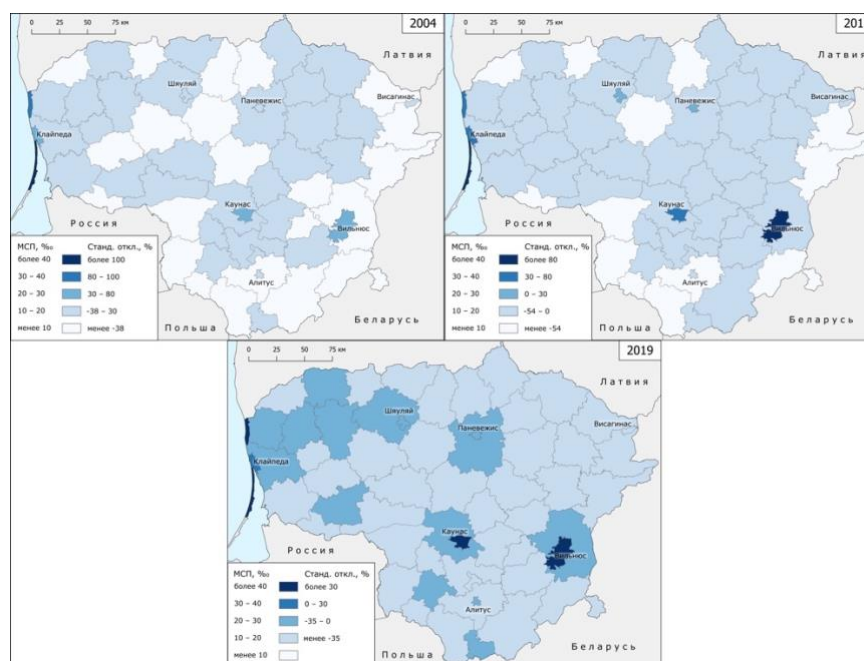

Рис. 28 Количество малых и средних предприятий на 1000 жителей по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг., составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

Большинство муниципалитетов в рассматриваемый период попадали в группу D (рис. 28). К этой группе отнесено более 70% муниципалитетов. Общая ситуация с уровнем предпринимательской активности в стране улучшалась в основном за счет нескольких самоуправлений (Неринга, Вильнюс, Паланга), где велика доля предприятий, обслуживающих туристические потоки. От 1 в 2004 г. до 5 в 2011 и 2019 гг. увеличилось количество муниципалитетов с максимально негативной тенденцией (группа E). За выбранный для анализа период количество муниципальных образований, отнесенных к группе C, уменьшилось с 10 в 2004 г. до 7 в 2019 г. Снижение в группе C и увеличение в группе D иллюстрируют растущий разрыв между муниципалитетами с низким и высоким уровнем предпринимательства. В группу B за весь период входило 2-3 муниципалитета (Каунас, Клайпеда и в 2019 г. Паланга опустилась из группы A).

50 муниципалитетов (83%) остались в той же группе за период, выбранный для анализа (рис. 29). Только два муниципалитета продемонстрировали положительное изменение уровня предпринимательской активности: Каунасский из группы D перешел в группу C; и Пагегайский из группы E в группу D. При этом восемь муниципалитетов (13%) продемонстрировали снижение показателя: пять муниципалитетов опустились из группы D в E (Лаздайский, Калварийский, Вилкавишкинский, Зарасайский, Швянченский), два самоуправления из группы C в группу D (Мариямпольское, Кретингское) и Паланга из группы A в группу B. Следует отметить, что снижение не означает, что уровень предпринимательства в этих муниципалитетах не вырос. Изменения зависят от значения

среднего показателя по Литве, поэтому в данном случае это муниципалитеты, где уровень предпринимательской активности рос более медленными темпами или был устойчив.

Рис. 29 Типология муниципалитетов Литвы по показателю количества малых и средних предприятий на 1000 жителей по результатам балльной оценки, составлено автором

За рассматриваемый период преобладают муниципалитеты, относящиеся к группе D – 45 (75%). В группу C вошли 7 муниципалитетов. В группы A и B попали пять муниципалитетов (Неринга, Паланга, Вильнюс, Каунас, Клайпеда).

Резюмируя, можно констатировать, что география повышенной предпринимательской активности приурочена к крупнейшим городам и курортным центрам.

Валовая добавленная стоимость

Около 80% муниципалитетов демонстрировали крайне скромные экономические результаты, что позволяет отнести их к периферии (D и E) (рис. 30). На противоположном полюсе ожидаемо оказались Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Мажейкяйский и Клайпедский муниципалитеты, характеризующиеся наиболее диверсифицированным рынком труда и наличием крупных предприятий. Наиболее близкая к среднестрановым показателям группа C в рассматриваемый период содержала 6-7 муниципалитетов, в основном городские самоуправления.

Заметные позитивные изменения с 2005 по 2019 гг. произошли в самоуправлениях, развивающих сферу услуг, в Электренайском муниципалитете (из группы D в группу B) и Бирштонасе (из группы E в группу C), напротив негативная динамика отмечена в промышленных центрах Йонавском самоуправлении, Висагинасе (из группы B в группу D),

и в Мажекяйском муниципалитете (из группы А в группу С), что связано с сокращением объемов производимой продукции на головных предприятиях. Остальные 55 муниципальных образований либо не меняли своего положения (42), либо колебались в пределах соседних групп (13).

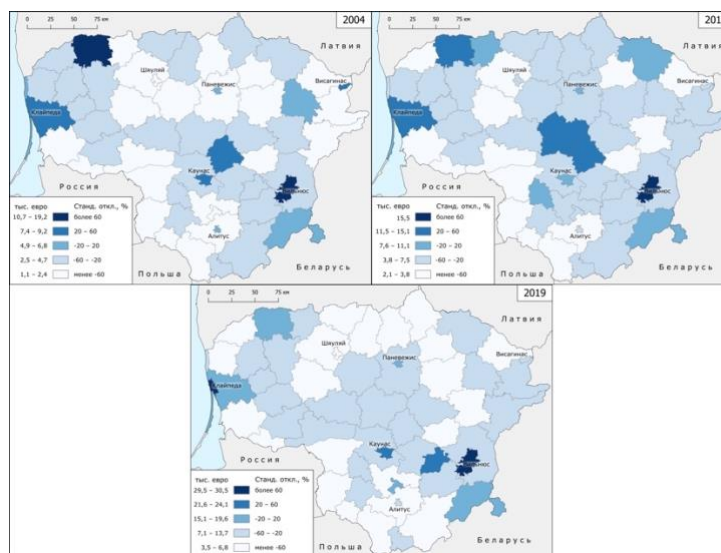

Рис. 30 Уровень добавленной стоимости, созданный занятым населением в расчете на одного жителя по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011, 2019 гг., тыс. евро, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

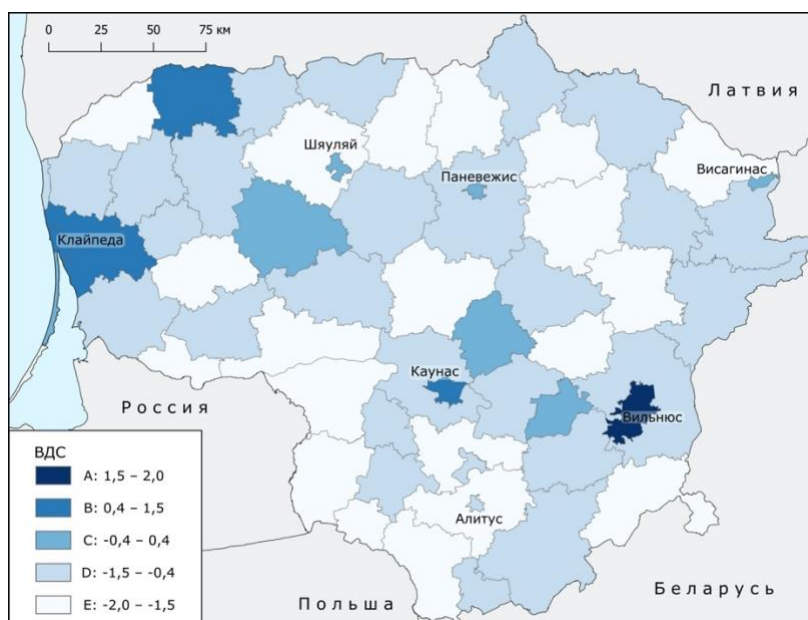

Рис. 31 Типология муниципалитетов Литвы по показателю валовой добавленной стоимости, созданный занятым населением в расчете на одного жителя по результатам балльной оценки, составлено автором

В среднем больше всего муниципалитетов оказалось в группе D – 47% (28), к группе E отнесена треть самоуправлений (20), в группу С вошли 12% муниципальных образований (Электренайское, Йонавское, Кедайняйское, Неринга, Паневежис, Шяуляй, Висагинас).

Группы А (1) и В (4) включили Вильнюс, Каунас, Клайпеду, Клайпедский, Мажейкяйский муниципалитеты (рис. 31).

Большинство муниципалитетов продуцируют объем добавленной стоимости ниже среднего по Литве, в положительную сторону выделяются лишь крупнейшие города, курорты и крупные промышленные центры, причем независимо от их специализации.

Прямые иностранные инвестиции

За последнее десятилетие приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на душу населения в Литву увеличился в 2 раза с 3789 до 7405 евро. Однако следует учитывать, что при расчете ПИИ на душу населения, как в случае показателя по стране в целом, так и по отдельным муниципалитетам, рост инвестиций может быть связан со снижением численности населения.

Распределение ПИИ по стране крайне неравномерно и поляризовано: некоторые самоуправления (Вильнюс, Клайпедский и Мажейкяйский муниципалитеты) концентрируют львиную долю инвестиций, в то время как другие самоуправления (Шилальский район, Бирштонас, Ретавас и др.) не получали инвестиций несколько лет или сумма вложений была небольшой. При расчете отклонения от среднего большинство (около 90%) муниципальных образований попали в группы D и E (рис. 32). Лишь небольшая часть территории страны – в основном крупные города – была привлекательна для иностранных компаний.

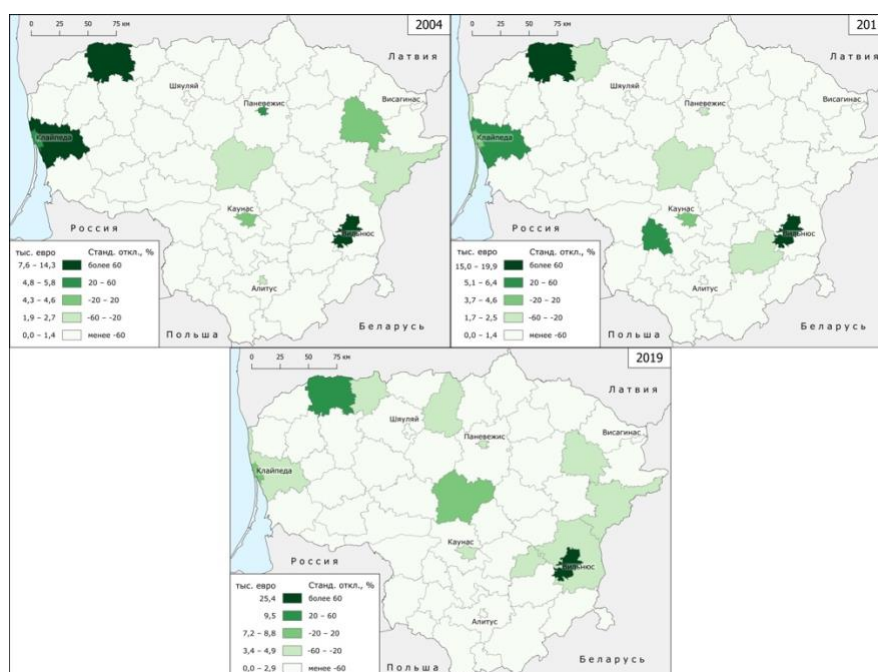

Рис. 32 Уровень прямых иностранных инвестиций в расчете на одного жителя по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг., тыс. евро, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

Более 40 муниципалитетов стабильно на протяжении всего изучаемого периода оставались в группе Е. В большинстве муниципальных образований, входящих в эту группу, объемы ПИИ увеличились, но не так значительно, как в ведущих муниципалитетах-реципиентах, которые подняли средний показатель по стране. Однако были муниципалитеты, где приток ПИИ уменьшился (например, Паневежис, Клайпедское самоуправление).

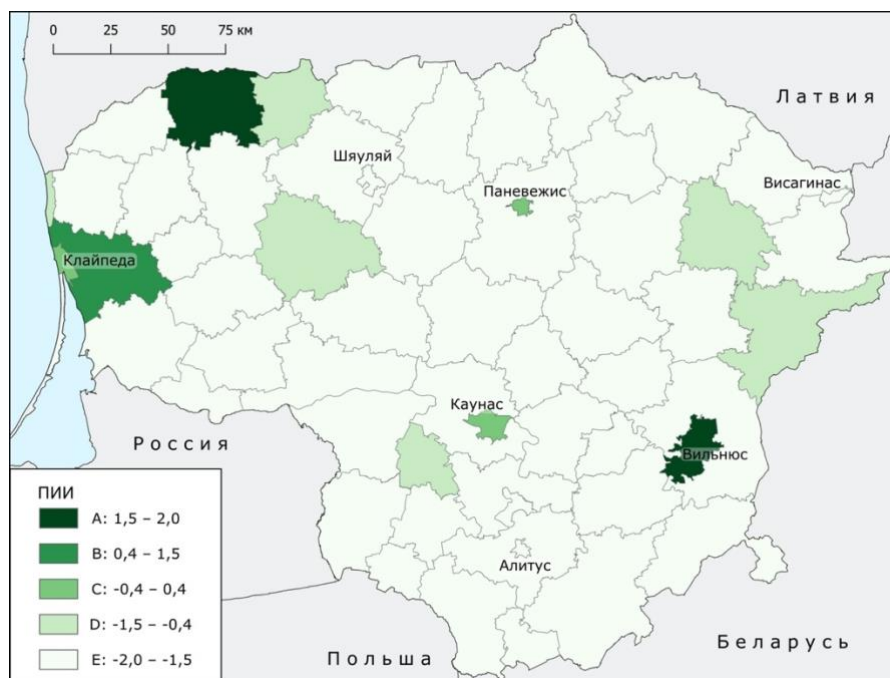

Рис. 33 Типология муниципалитетов Литвы по показателю уровня прямых иностранных инвестиций в расчете на одного жителя по результатам балльной оценки, составлено автором

По среднему показателю за 15 лет доминирует группа Е – 48 муниципалитетов из 60 (80%) (рис. 33). Второй по количеству муниципалитетов является группа D. В эту группу входят 6 муниципалитетов. Лишь три муниципалитета отнесены к группе С (Каунас, Клайпеда, Паневежис). В группу В попало только одно самоуправление – Клайпедское. Самый большой объем ПИИ аккумулируют столица Вильнюс и центр нефтепереработки Мажейкяйский муниципалитет, которые отнесены к группе А. Если Вильнюс – полифункциональный центр, где зарубежные инвесторы реализуют проекты в различных сферах, то монопрофильный Мажейкяй получает иностранные инвестиции от польских собственников НПЗ компании PKN Orlen.

Инвестиции в основные фонды

Объем инвестиций в основные фонды в Литве лишь в 2018 г. вернулся на уровень 2007 г. (2,8 тыс. евро на душу населения), несмотря на значительное сокращение

численности населения за этот же период. Таковыми были последствия мирового экономического кризиса 2008 г.

Инвестиции в основные фонды на душу населения распределены по муниципалитетам неравномерно, но эти различия постепенно сглаживаются (рис. 34). Если в 2004 г. разница между муниципальным образованием-лидером и аутсайдером составляла более 28 раз, то в 2011 и 2019 гг. 12-13 раз. Если в 2019 г. в Клайпеде инвестиции в основные фонды составили 7,9 тыс. евро, то в Вилкавишкисском самоуправлении – 589 евро.

Группа Е включала в себя от 7 до 26 муниципалитетов, а группа D, в свою очередь, от 19 до 38. В группу С входили 7-9 муниципальных образований. Состав групп В и А довольно динамичен, лишь Вильнюс и Клайпеда всегда имели показатели выше среднего по стране.

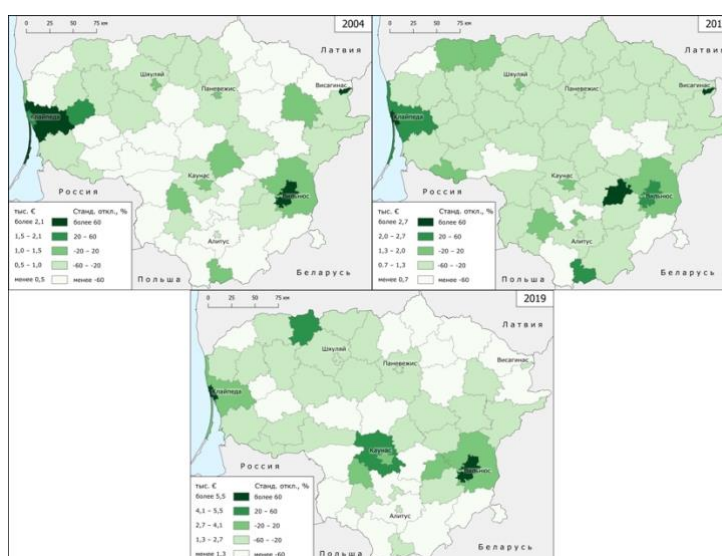

Рис. 34 Инвестиции в основной фонд в расчете на одного жителя по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг., тыс. евро, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt/>

За рассматриваемый период 18 муниципалитетов оставались в той же группе. Большинство из них выделяются небольшими объемами материальных вложений в основные фонды – четыре из них в группе Е (Шальчининкайский, Лаздяйский, Пренайский, Скуодасский), 12 в группе D. Лишь Вильнюсский муниципалитет и Каунас стабильно имели показатели на среднем по стране уровне.

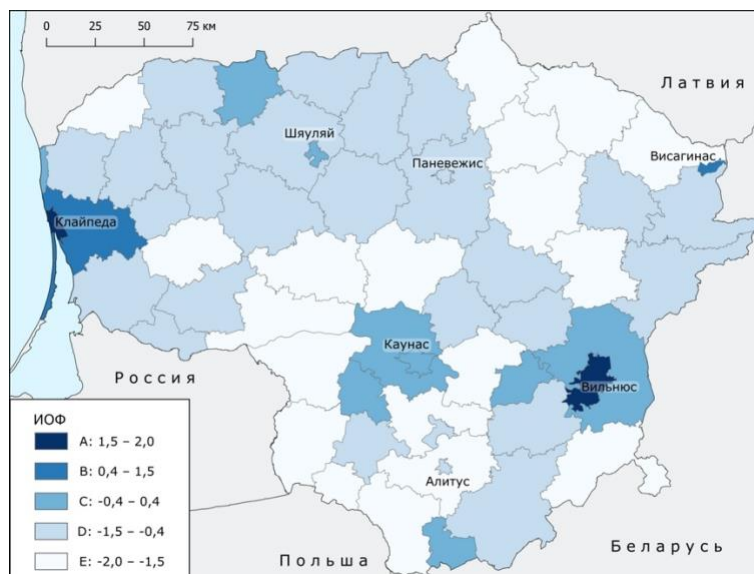

Рис. 35 Типология муниципалитетов Литвы по показателю инвестиций в основной фонд в расчете на одного жителя по результатам балльной оценки, составлено автором

Сравнительно быстро росли объемы материальных вложений в Каунасском и Акмянском муниципальных образованиях, которые совершили рывок в группу В из групп D и E соответственно (рис. 35). Если в Каунасском самоуправлении трудно выделить якорный инвестиционный проект (в пригороде Каунаса активно развивается свободная экономическая зона, в Гарляве построен новый спортивный комплекс и др.), то в Акмянском ключевые инвестиции локализованы в административном центре Науойи-Акмяне, где за несколько лет полностью было модернизировано градообразующее предприятие по производству цемента. К худшему ситуация изменилась в четырех самоуправлениях – Клайпедское, Неринга, Ретавасское и Висагинас.

В среднем за 15 лет доминируют муниципалитеты группы D (45%), в группе E оказались 19 муниципалитетов (32%), в группе C – 9 (15%). Пять муниципалитетов имеют показатели выше среднего, из них три в группе В (Клайпедский, Неринга и Висагинас), при чем все они имеют нисходящую динамику по рассматриваемому показателю, и два в группе А (Вильнюс и Клайпеда).

Ареалы повышенного инвестирования в основные фонды сформировались вокруг трех крупнейших городов (Вильнюс, Каунас, Клайпеда), а также рассредоточены в центрах иной экономической активности – прежде всего, в туристических локациях и местах размещения крупных промышленных предприятий.

Стоимость земли под жилую застройку

Отсутствие полного временного ряда данных ограничивает оценку изменения стоимости земли под жилую застройку за весь рассматриваемый период. Однако по имеющимся материалам за 2015-2019 гг. можно предположить, что наибольшую ценность

за весь период имели земли крупнейших городов страны, прилегающих к ним районов и курортов (рис 36).

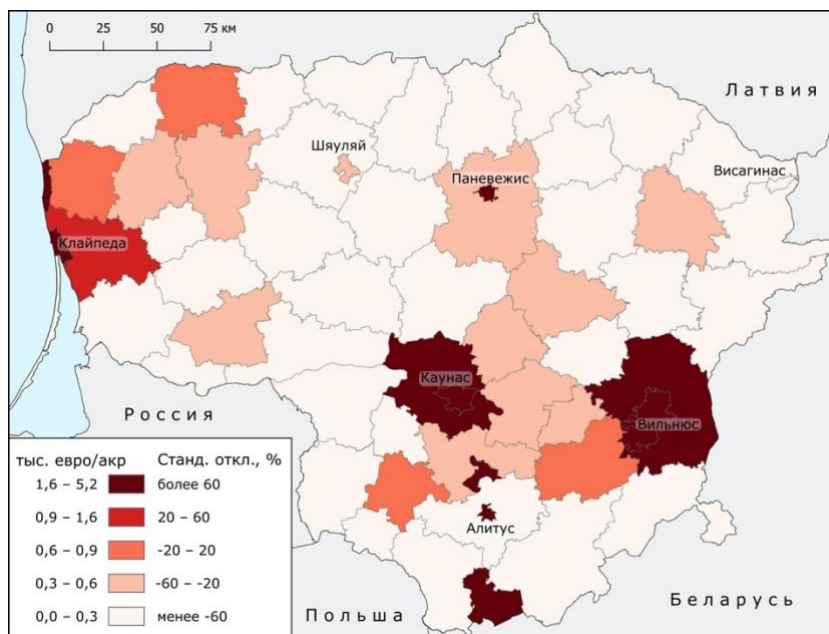

Рис. 36 Средняя стоимость 1 акра земли под жилую застройку по муниципалитетам Литвы в 2015-2019 гг., тыс. евро/акр, составлено автором по <https://www.registrucentras.lt>

Средняя стоимость земли под жилую застройку в Литве была 785 евро за акр. Группа Е объединила наибольшую долю муниципальных образований – 32 (53% всех муниципальных образований). В этих самоуправлениях земля под жилую застройку оценивается до 272 евро, что более чем в 19 раз ниже стоимости земли в самом дорогом самоуправлении страны Вильнюсе. В группу D входят 11 муниципальных образований, а в группу С – 4 муниципалитета. 12 (20%) самоуправлений имеют значения выше среднего по Литве, из которых только одно (Клайпедский муниципалитет) было отнесено к группе В, а остальные 11 – к группе А. Но и среди них имеются существенные различия: средняя цена за акр земли под жилую застройку у 7 муниципалитетов находится в диапазоне 1500-2000 евро, а еще у 4 самоуправлений (Вильнюс, Каунас, Клайпеда и Паланга) – 4200-5200 евро за акр. Данные по муниципалитету Неринги за 2015-2019 гг. отсутствуют в связи с тем, что сделок с землей под жилую застройку на территории национального парка в этот период не было. Но можно предположить, что курортное самоуправление Неринга входит в категорию наиболее дорогих муниципалитетов по стоимости акра земли под жилую застройку.

Муниципалитеты крупнейших городов, пригородные районы вокруг них и курортные зоны значимо выделяются с точки зрения стоимости земли под жилую застройку. При этом самая дешевая земля была отмечена в ряде муниципалитетов

Жемайтии, Северной, Юго-Западной, Южной и Северо-Восточной Литвы – наиболее депопулирующих территориях страны.

Ввод нового жилья

В течение рассматриваемого периода выделяются этапы активного строительства жилых домов и стагнации рынка. Наблюдаемый спад в 2009-2010 гг. связан с последствиями мирового экономического кризиса, довольно ярко проявившего себя именно в сфере жилищного строительства по всему миру.

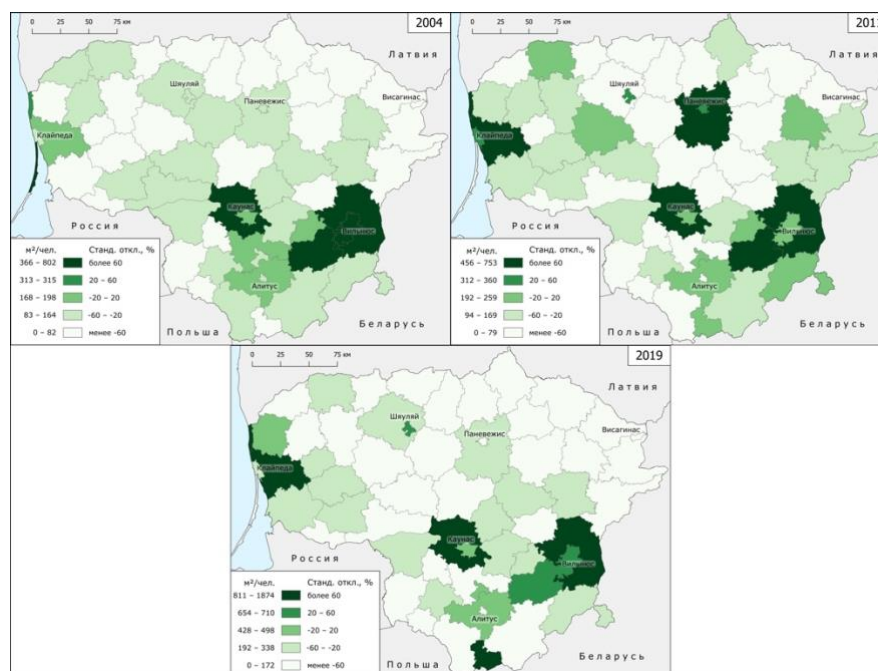

Рис. 37 Площадь вводимого жилья в расчете на одного жителя по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг., м²/чел, составлено автором по <https://osp.stat.gov.lt>

Ускоренный рост жилищного строительства наблюдается в пригородных районах крупнейших городов в результате субурбанизационных процессов (Вильнюсский, Каунасский, Клайпедский, Тракайский), а также в столице страны Вильнюсе и приморском курорте Паланга. При этом для большинства остальных муниципальных образований страны характерны низкие значения показателя.

В 2000-2010-е гг. увеличивается количество муниципальных образований, в которых быстрыми темпами снижаются объемы нового вводимого жилья (рис. 37). Группа E увеличилась с 2004 по 2019 гг. с 25 до 32 муниципалитетов, прежде всего, за счет территорий с наибольшей миграционной убылью. В группу D попадали от 13 до 24 самоуправлений. Состав группы C значительно менялся (от четырех до 12 муниципалитетов): в годы благоприятной экономической конъюнктуры в них строилось новое жилье, в том числе взамен ветхого и аварийного. По этой причине в данной группе были даже муниципалитеты с отрицательным миграционным сальдо. Повышенный спрос

на новое жилье демонстрировали муниципалитеты групп В и А, коих было от шести до девяти за рассматриваемый период.

При взгляде на усредненные показатели за 15 лет 46 муниципалитетов (77%) отнесены к группам со значениями ниже среднего по стране (25 в группе Е и 21 в группе D) (рис. 39). Это может быть следствием миграционной убыли населения, связанного с эмиграцией, а также низкой рождаемостью и старением населения, что не способствует росту спроса на новое жилье. Восемь муниципалитетов отнесены к группе С. Более высокими значениями чем в среднем по Литве, отличались шесть муниципалитетов (два в группе В и четыре в группе А).

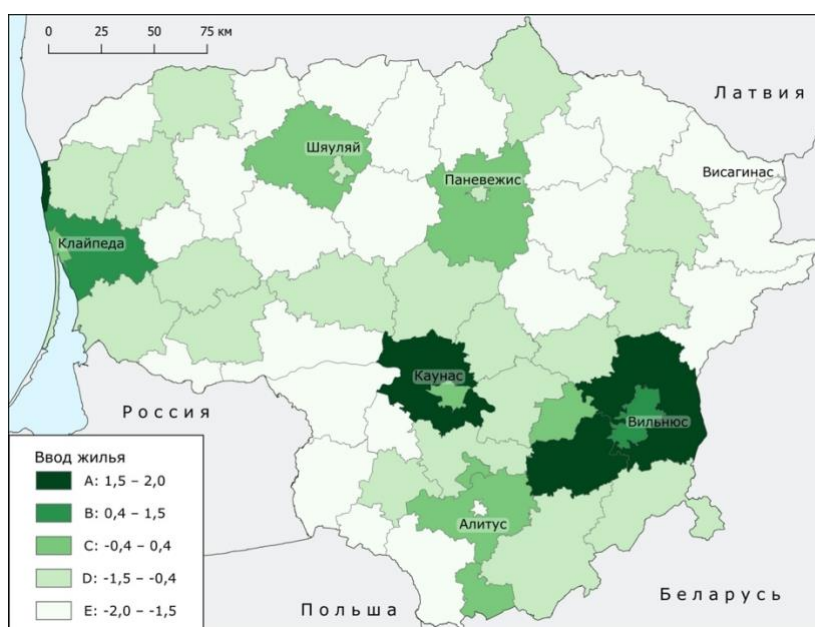

Рис. 38 Типология муниципалитетов Литвы по показателю площади вводимого жилья в расчете на одного жителя по результатам балльной оценки, составлено автором

По экономическим показателям большую часть Литвы следует охарактеризовать как периферию. Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Паланга, Неринга и Клайпедский муниципалитет могут быть выделены на общем фоне как центры. Только в этих самоуправлениях значения большинства экономических показателей превышали средние по стране (рис. 39).

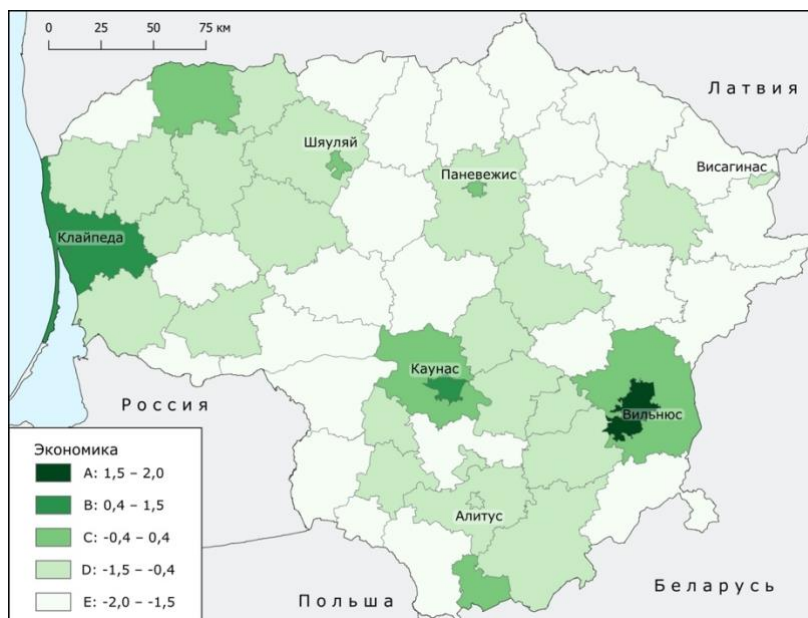

Рис. 39 Типология муниципалитетов Литвы по экономическим показателям по результатам балльной оценки, составлено автором

Наибольшая экономическая периферизация характерна для северной, северо-восточной, южной и юго-западной частей страны и некоторым муниципалитетам Центральной Литвы. Регионы Центральной и Западной Литвы образуют пояс чуть менее периферийных территорий, группируясь или вокруг главных городов, или вдоль значимых транспортных путей, или в курортной полосе. Вильнюсский и Каунасский муниципалитеты, которые ощущают влияние близлежащих крупных центров, а также Друскининкайский, Мажейкяйский муниципалитеты и города Шяуляй и Паневежис относятся к полупериферии.

2.2.4. Интегральная типология

Наиболее объективными индикаторами процессов периферизации выступают демографические показатели, демонстрирующие устойчивость трендов в разрезе муниципалитетов, в то время как большинство социально-экономических показателей изменяется во времени под влиянием особенностей политики государства и внешней конъюнктуры, что позволяет уточнить субъективные причины выявляемых тенденций.

Обобщая тенденции демографического и социально-экономического развития муниципальных образований Литвы, можно отметить, что лишь 13 муниципалитетов характеризуются определенной стабильностью или улучшением показателей. Основу этой группы самоуправлений составляют крупнейшие города страны, их хинтерланд, а также курортные муниципалитеты Неринга и Паланга. Соответственно практически 80% муниципалитетов Литвы испытывают в той или иной степени на себе тенденции к

периферизации (рис. 40). Тотальную периферизацию можно наблюдать в 21 муниципалитете. Это означает, что в данных муниципальных образованиях произошло снижение значений демографических, социальных и экономических показателей и увеличение разрыва с центром. Частичная периферизация отмечается в 26 муниципалитетах. Эти муниципалитеты различаются по типу доминирования факторов периферизации. Значительная часть самоуправлений подвержены доминированию демографических эффектов периферизации (14), другие – равномерному сочетанию небольших по интенсивности всех трех групп факторов (6), промышленные центры Йонавский и Мажейкяйский муниципалитеты испытывают периферизацию скорее в социальном контексте, а пригородный Алитуский муниципалитет – по экономическим причинам.

Рис. 40 Тенденции и факторы периферизации муниципалитетов Литвы в 2004-2019 гг., составлено автором

На данный момент города Паневежис и Шяуляй выделяются как островки стабильности в «море» депопуляции, упадка экономики, ухудшения социальной среды, но наблюдаемые тренды рассмотренных показателей позволяют предположить, что через некоторое время эти муниципальные образования перейдут в категорию испытывающих периферизацию.

Граница между тенденциями к тотальной и частичной периферизации весьма условно, поэтому вполне вероятно, что те муниципалитеты, которые в настоящее время определены как тяготеющие к частичной периферизации, могут перейти в категорию тотальной периферизации в краткосрочной перспективе. Демографические, социальные и экономические процессы тесно взаимосвязаны, и во многих случаях упадок в одной или нескольких сферах оказывает негативное влияние на другие. Так, например, деградация экономического потенциала на периферии Литвы отрицательно сказывается как на демографических показателях (вызывая депопуляцию), так и на социальных (рост безработицы увеличивает число получателей пособий).

Таким образом, проведенный многосторонний анализ ключевых социально-экономических показателей территориального развития и особенностей географического положения позволяет нам составить типологию муниципальных образований Литвы (рис. 41).

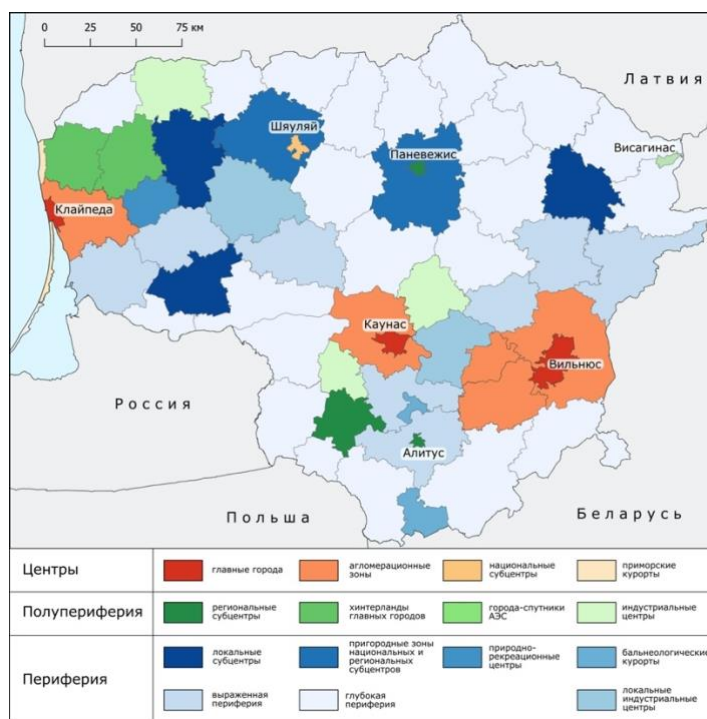

Рис. 41 Интегральная типология муниципалитетов Литвы по уровню социально-экономического развития за период 2004-2019 гг., составлено автором

К ядру центр-периферийной системы Литвы относятся три крупнейших города страны (Вильнюс, Каунас и Клайпеда), а также окружающие их районы, подверженные типичным для пригородов процессам субурбанизации, переноса или открытия ряда современных производств в расположенных там свободных экономических зон. Если в случае Каунаса и Клайпеды речь идет только о пригородных Каунасском и Клайпедском

муниципалитетах, то гравитационное поле Вильнюса как крупнейшего со всех точек зрения центра распространяется не только на Вильнюсский, но и на находящиеся на главной транспортной артерии страны трассе А1 Тракайский и Электренайский муниципалитеты, обладающие значимым туристско-рекреационным, историко-культурным потенциалом. Кроме того, в городе Электрене находится построенная в 1962 г. теплоэлектростанция, ставшая после закрытия Игналинской АЭС основным производителем электроэнергии в стране. Эти самоуправления наиболее конкурентоспособны не только в общенациональном масштабе, но и привлекательны для иностранных инвесторов, отличаются относительно хорошим социально-экономическим положением, способны поддерживать демографический баланс.

Другой отчетливо выделяющийся полюс стабильности в Литве – приморские курорты Неринга и Паланга. Движущая сила их развития – малый бизнес, обслуживающий массовый поток туристов со всей Европы. Для литовцев в последнее десятилетие Неринга и Паланга также стали центрами притяжения во многом благодаря высокому уровню качества жизни. Если Паланга – это классический пример места, куда переселяются вышедшие на пенсию обеспеченные жители крупнейших городов, то население Неринги во многом растет фиктивно за счет покупки недвижимости и перерегистрации по новому адресу молодых и успешных жителей страны.

Города Шяуляй и Паневежис также характеризуются достаточно высокими значениями показателей, тем не менее их можно считать региональными субцентрами притяжения, обслуживающими периферию. В советский период истории эти города были важными промышленными центрами, однако после восстановления независимости Литвы потеряли былое значение и не смогли поддерживать стабильное демографическое и социально-экономическое положение.

Полупериферия представляет собой географически пеструю группу муниципалитетов, отличающихся факторами, определяющими тренды их развития. Важными локальными центрами обслуживания и производства на юге Литвы являются бывшие уездные центры Алитус и Мариямпольский муниципалитет, отличающиеся низкой степенью периферизации, в первую очередь, в демографической и экономической сферах.

Индикатором, позволившим выделить еще один подтип полупериферии, является успешно функционирующая промышленность в муниципальном образовании, позволяющая стабилизировать демографическую и экономическую ситуацию, но оставляющая нерешенными ряд социальных проблем. Наиболее благополучным самоуправлением является Мажейкяйское, где в одноименном административном центре расположен нефтеперерабатывающий завод, принадлежащий польской компании PKN

Orlen. Другим примером муниципалитета с доминирующим предприятием является Йонавский – центр производства азотных удобрений (Achema Group). Казлу-Рудское самоуправление было образовано лишь в 2000 году из части территорий Мариямпольского и Шакаяйского муниципалитетов, где нет доминирующего крупного предприятия, но функционирует много малых и средних предприятий исторической отрасли специализации – деревообработки и смежных с ней видов деятельности. Таким образом, эти муниципалитеты имеют достаточный инфраструктурный потенциал (наследие советского периода) и человеческий капитал, который, несмотря на произошедшую девальвацию, все еще является ресурсом локального развития. Сочетание факторов прежнего багажа и пространственной позиции (близости к крупным центрам, оживленным участкам государственной границы и главным транспортным артериям) позволяет этим территориям «держаться на плаву».

Близость к более развитым приморским территориям на западе страны определяет развитие Кретингского и Плунгеского муниципалитетов, однако и они не смогли избежать тенденций периферизации в экономической сфере.

Расположенный на северо-востоке страны город Висагинас, построенный в конце 1970-х гг. как место проживания сотрудников Игналинской АЭС, разительно отличается от окружающей его преимущественно сельской периферии. Во-первых, этническим составом населения (преобладают русскоязычные), во-вторых, уровнем развития человеческого капитала (Игналинская АЭС до сих пор крупнейший работодатель, около 2000 сотрудников), в-третьих, более молодым населением и как следствие повышенным естественным приростом. Однако, миграционный отток, как и в соседних периферийных муниципалитетах, находится на крайне высоком уровне. За рассматриваемый период численность населения города сократилась на 20% и, в первую очередь, за счет молодых когорт населения. Усилившиеся в XXI в. тенденции периферизации Висагинаса связаны с закрытием Игналинской АЭС, что сопровождается специальными программами помощи ЕС и попытками привлечения иностранных инвесторов для использования высвободившихся производственных мощностей. Тем не менее, эти попытки не могут в полной мере восстановить прежний объем рынка труда, что приведет к дальнейшему сокращению численности населения.

Последний тип представляет довольно обширная периферия (более 2/3 муниципалитетов), которой свойственны черты экономической стагнации, безработицы, оттока населения, демографического старения населения и высокого уровня патернализма.

Дифференциации поддается лишь территории с умеренными чертами периферии, которая включает в себя уже упоминавшиеся выше типы территорий. Это пригородные

зоны крупных городов, которые не обладают столь мощным гравитационным полем влияния, но подверженные схожим тенденциям, характерным для хинтерландов, однако с меньшим масштабом явления. Речь идет о Шяуляйском и Паневежисском муниципалитетах, периферизация которых носит комплексный, но относительно замедленный характер.

Схожая ситуация складывается в бывших уездных центрах – Утенском, Тельшайском и Таурагском муниципалитетах, остающихся локальными центрами обслуживания для окружающих территорий.

Бальнеологические курорты в южной части страны Бирштонас и Друскининкай менее популярны, чем приморские курорты, но тем не менее рекреационная специализация позволяет им избегать проблем с безработицей и иметь высокий уровень развития малого бизнеса. При этом демографическая структура населения имеет перекося в сторону старших возрастных групп, что создает определенные трудности в социальной сфере.

Кедайняйское и Кайшядорское самоуправления имеют выгодное транспортно-географическое положение на ключевых республиканских магистралях недалеко от крупнейших агломерационных центров страны, что позволяет им не столь быстро стагнировать и развивать устойчивые промышленные производства. Так, в Кедайняйском муниципалитете функционирует построенное еще в советские годы предприятие по производству фосфатных удобрений (AB Lifosa), кластер пищевого производства. Кайшядорский муниципалитет расположен на основной автостраде А1 и находится в непосредственной близости от Каунаса, что предопределило пригородную ориентацию хозяйства (две крупных птицефабрики, производство домов, мебели и т.д.).

Ретавский муниципалитет вернул себе административный статус в 2000 г., выделившись из состава Плунгесского самоуправления, и по аналогии с ним использует выгоду соседства с успешными приморскими муниципалитетами, параллельно осваивая природно-рекреационные ресурсы (туризм, сельское и лесное хозяйство).

Муниципалитеты с выраженными чертами периферии имеют три ареала распространения: восточный (Молетский, Ширвинтский и Швянченский муниципалитеты) с преобладанием демографической и экономической периферизации; южный (Алитусский и Пренайский муниципалитеты), где периферизация носит комплексный характер; западный (Расеняйский, Шилутский и Шилальский муниципалитеты) также с комплексным характером периферизации.

Территории глубокой периферии распространены повсеместно, но наиболее депрессивными являются приграничные самоуправления (17 из 22 относящихся к данной группе). В данном случае периферизация выражается не только в пространственном

аспекте удаленности от ключевых центров и соседстве с аналогичными по уровню развития территориями соседних стран, но и в свойственных периферии процессах экономической стагнации, старении и оттоке населения, повышенной зависимости от социальных выплат.

Таким образом, наиболее дифференцированной и развитой по выбранным критериям оказалась полоса вдоль ключевой полимагистрали, соединяющей две столицы Вильнюс и Каунас, а также западная часть страны, тяготеющая к побережью. Именно в этих двух ареалах сосредоточены основные центры, организующие социальное, административно-хозяйственное и политическое пространство Литвы, наименее – приграничная периферия, удаленная от побережья и крупнейших городов.

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИТВЫ⁶

3.1. Структура электорального раскола

В работах различных авторов не раз доказывалось, что партийно-политические системы постсоциалистических стран ЦВЕ крайне волатильны, так как большинство политических партий слабо связаны с электоратом и плохо институционализированы. Не имея четкой привязки к интересам конкретных групп в обществе, без идеологических обязательств, партийное строительство ведется сверху, представителями политической элиты (их можно назвать *электоральными предпринимателями*) (Biezen, 2005), которые часто меняют свою партийную принадлежность и партийные вывески. В таких условиях политические партии в основном движимы сиюминутной электоральной мобилизацией в период избирательной кампании, а не стабильными, долгосрочными связями внутри электората. Это приводит к тому, что они стремятся привлечь как можно больше избирателей в период активной предвыборной кампании (*catch-all стратегия*), так как от этого зависит их выживаемость (Biezen, 2005).

В случае, когда избиратели выбирают партию, за которую будут голосовать в последний момент, у них возникают необоснованные ожидания относительно продвижения их интересов этой партией. Но из-за слабой институционализации, отсутствия исторических обязательств перед избирателями и организационных связей с ними партии оказываются не способны проводить политику, направленную на решение проблем своих избирателей. В таких случаях могут возникать ситуации, когда ожидания электората не соответствуют реальным политическим результатам поддержанных ими партий. Это, в свою очередь, создает потенциально благоприятные условия для появления новых партий, поскольку избиратели меняют свои партийные предпочтения, когда их ожидания не оправдываются. В то же время эти же условия являются неблагоприятными для выживаемости партий.

Идентификация расколов в постсоциалистических обществах в меньшей степени связана с партиями, поскольку они нестабильны, а в большей – с социально-структурными характеристиками электората и его ценностно-идеологическими предпочтениями, выражаемыми через поддержку определенных партий. Можно предположить, что ценностно-идеологические ориентации избирателей сохраняются, а их проводники в электоральном процессе – политические партии и движения – часто меняются, т.е. в

⁶ При работе над данным разделом использована публикация автора, в которой отражены основные результаты исследования: Зиновьев А.С. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы // Региональные исследования. 2015. №3(49). С. 48-56

результате партийных слияний и разделений изменяется институциональная конфигурация соперников на выборах, но не ценностно-идеологические установки избирателей. Волатильное поведение избирателей – необязательно следствие отсутствия электорального раскола в партийных предпочтениях, а скорее отражение изменчивости партийных конфигураций. Если одна и та же группа избирателей коллективно переходит от одной партии к другой от одних выборов к другим, можно утверждать, что раскол сохраняется, а избиратели просто меняют партию, представляющую противоположные полюса этого раскола. Поэтому мы будем в первую очередь фокусироваться на выявляемых расколах, а не на партиях, как это принято в исследованиях демократических стран с устоявшейся партийно-политической системой. Разделение партий на соответствующие «электоральные кластеры» позволит проследить территориальную проекцию базового для постсоциалистической Литвы социального конфликта во времени, не обращая внимание на постоянство в представленности конкретных партий.

В политической науке для послевоенной Европы традиционно выделялся социально-экономический раскол на правых и левых (Deegan-Krause, 2013). Левые заботятся о равенстве и благосостоянии, отдавая предпочтение перераспределению, а правые ставят во главу угла свободный рынок и индивидуальные свободы. Позднее стало выделяться второе измерение раскола – культурное – связанное с постматериалистическими ценностями, вопросами иммиграции и глобализации (Kriesi et al., 2006). Его часто рассматривают в категориях политического противостояния партийных идеологий GAL (*green/alternative/libertarian*) vs TAN (*traditionalism/authority/nationalism*) (Marks et al, 2021). Применительно к постсоциалистическим странам ЦВЕ отмечается, что социализм в том виде, в котором он существовал в странах ЦВЕ, был идеологически близок к левым-TAN партиям. Социалистические режимы стремились обеспечить большее экономическое равенство, чем в условиях рыночной экономики в капиталистических странах, и жестко подавляли любые формы общественного несогласия и альтернативные стили жизни.

Реформы конца 1980-х – начала 1990-х гг. в обществах стран ЦВЕ объединили требование создания более свободных рынков и формирования более демократического политического процесса, то есть идеологически противоположное (правая-GAL идеология) тому, что было ранее. Дальнейшее развитие глобализационных процессов и интеграция в евроатлантические интеграционные структуры еще сильнее усугубили этот раскол. Носителями этого размежевания в обществе стали социальные группы населения, проигравшие и выигравшие от постсоциалистической трансформации. Первые ностальгически отдают предпочтение политическим партиям, делающим в своих программах акцент на экономическом равенстве, традиционных ценностях и сильной

власти (левые-TAN). Вторые отвергают авторитаризм и государственный контроль над экономикой, стремятся к полному разрыву с прошлым и более толерантны к новой культурной «нормальности» (правые-GAL). Такое направление культурного измерения политического раскола принципиально отличается от Западной Европы, где ключевое разделение противостоящих идеологических полюсов проходит по линии правые-TAN vs. левые-GAL (Marks et al., 2006).

Многие исследователи отмечают, что для литовского общества характерен только один идеологический раскол – геополитический – характеризующий отношение к советскому прошлому и современным отношениям с Россией, а классические для западного общества социально-экономические и культурные размежевания не играют большого значения (Ramonaitė, 2020). Во-первых, причиной тому может быть монополизация с 1990-х гг. внутривнутриполитических дебатов именно геополитическим дискурсом, включающим в себя и вопрос этнических меньшинств, доставшихся стране от территориально-политических пертурбаций XX в., в ущерб социально-экономическому. Во-вторых, стратегия обращения к медианному избирателю является наиболее успешной для политических партий в постсоциалистической Литве с очень волатильным электоратом при смешанной избирательной системе, сочетающей пропорциональное представительство с двухтуровой мажоритарной системой. И, наконец, вне зависимости от того какая партия или коалиция партий находится у власти, они не обладают большой свободой действий в силу дефицита бюджета и обязательств, связанных сначала с процессом интеграции, а затем и членством в ЕС, сужая коридор возможностей до неолиберальных управленческих подходов и минимально возможному перераспределению (Ramonaitė, 2020). Во многом по этим причинам литовские избиратели часто отдают предпочтения новым политическим силам, участвующим в парламентских выборах и беспартийным кандидатам на президентских выборах, связывая с ними надежды на изменение государственной политики.

На наш взгляд, оба этих подхода на структуру политических предпочтений в постсоциалистической Литве не противоречат друг другу, а скорее взаимодополняют. Действительно, ключевым размежеванием является раскол по поводу советского прошлого, но он не несет в себе оттенков геополитического противостояния ни с СССР, ни с современной Россией. По этим вопросам в литовском обществе и среди политических партий достигнут определенный консенсус о евроатлантическом настоящем и будущем Литвы и нежелании возвращаться в прошлое (World Values Survey..., 2020; Seth et al., 2022).

Как мы отмечали выше, ностальгия по патерналистской роли государства, характерной для Советского Союза в прошлом, крайне популярное чувство среди жителей

Литвы⁷. Это, во-первых, связано с тем, что убеждения меняются медленно, а, во-вторых, потому что период постсоциалистической трансформации привел не к быстрому и безболезненному развитию, а к значительному неравенству, в связи с чем проигравшие от проводимых преобразований быстро разочаровались в ценностях рынка и либерализма и создали спрос на вмешательство сильного государства во все сферы жизни (Алесина, Фукс-Шундельн, 2005; Крастев, Холмс, 2020). Прообраз этого раскола был отмечен еще М.Э. Павловской в одной из первых классических отечественных монографий по электоральной географии, но тогда на рубеже 80-90-х гг. XX века в условиях литовского национального возрождения он в основном проходил по линии титульный этнос – национальные меньшинства. Поправки в Конституцию Литвы, принятые Верховным советом Литовской ССР в период перестройки, направленные на закрепление литовского языка как единственного официального и изменение государственной символики вызвали значительный протест, в первую очередь, русскоязычного и польского населения республики. В электоральном пространстве это противостояние впервые нашло свое отражение на выборах депутатов Верховного Совета СССР в марте 1989 г. С одной стороны находилось поддерживаемое титульной нацией литовское движение за перестройку «Саюдис», выступавшее за независимость Литвы и отделение от СССР, а с другой – поддерживаемое в основном национальными меньшинствами социалистическое движение за перестройку «Единство», требовавшее увеличения самостоятельности Литовской ССР, но не выхода из союзного государства. Это разделение имело свою территориальную структуру, повторявшую основные ареалы расселения литовцев и этнических меньшинств (Весна 89..., 1990). Уже в тот период времени заметны зачатки размежевания в обществе между выигравшими и проигравшими от происходящих изменений (пока эти трансформации связаны только с этнократическими тенденциями). В дальнейшем после обретения Литвой независимости и начала рыночных реформ социальная структура обоих лагерей изменилась, а вместе с ней и география раскола.

Это подтверждает эмпирическое исследование литовского политического психолога Евы Петроните (Petronyte, 2014), в котором она показывает, что геополитический раскол в Литве не является для граждан главным приоритетом сам по себе, а вытекает из более общих, организующих принципов, которые, в свою очередь, отражают моральное и экономическое измерение идеологического конфликта (консерватизм vs либерализм и

⁷ По словам бывшего премьер-министра Литвы в 2004 г. на вопрос когда было лучше жить в Советском Союзе или сейчас, 54% респондентов ответили, что в советское время было лучше URL:

<https://meduza.io/feature/2023/01/18/demokraticeskuyu-genetiku-grazhdan-rossii-propit-nelzya>

Интернет-издание «Медуза» признана в РФ иностранным агентом, а ее издатель Medusa Project признан нежелательной организацией в РФ.

свободный рынок vs. государственное регулирование). В исследовании установлено, что когнитивные схемы, участвующие в формировании отношения к конкретным вопросам политики в постсоциалистической Литве, тесно связаны и координируются общим взглядом на стратегию развития страны, подразумевающие тот или иной образ жизни государства и общества. Выявляется пять вариантов перспектив, структурирующих политическое мышление в Литве. В общих чертах их можно описать как дискурсы свободы слова, «твердой руки», традиционной морали, патерналистского государства и гарантий основных прав. Первый из вариантов перспектив характеризуется защитой равных возможностей для свободы самовыражения. Второй вариант «твердой руки» ставит во главу угла необходимость контролировать хаотичную текущую ситуацию и в связи с этим видит лучшее решение в концентрации власти в одних руках. Третья точка зрения – традиционной морали – смотрит на мир с позиции христианской морали и добродетелей. Четвертый вариант – патерналистского государства – фокусируется, прежде всего, на плотной социальной опеке государством своих граждан, вменяя ему обязанность заботиться обо всех жителях страны. Наконец, пятый вариант, связанный с гарантиями основных прав, делает акцент на ключевых правах человека и сильной власти, активно вмешивающейся в регулирование экономики, что позволит эти права гарантировать. В данных мировоззренческих позициях прослеживаются аналогии с политическими идеологиями: либерализм (перспектива свободного выражения), авторитаризм (перспектива «твердой руки»), консерватизм (дискурс традиционной морали) и некоторые вариации левых идей (перспектива патерналистского государства и гарантий основных прав).

Такой набор мировоззренческих взглядов на перспективы развития государства и общества не противоречит нашему выводу о базовом социальном конфликте в современной Литве между выигравшими и проигравшими от постсоциалистических трансформаций. Напротив, они довольно четко ложатся в предполагаемый нами дуальный раскол: с одной стороны, либеральные, социал-демократические и христианско-демократические электоральные альтернативы, поддерживаемые выигравшими от постсоциалистической трансформации, с другой – авторитарные и лево-популистские, поддерживаемые проигравшими от постсоциалистической трансформации. Данная гипотеза требует эмпирической проверки, что и будет сделано в разделе 3.2.

3.2. Референдумы и президентские выборы

Референдумы

Плебисциты 9 февраля 1991 г. о независимости Литвы от СССР и 10-11 мая 2003 г. о вступлении Литвы в Европейский союз дважды ставили перед литовским обществом вопрос о выборе геополитической ориентации. Анализ результатов этих волеизъявлений выявил описанный нами выше раскол и свойственную ему пространственную поляризацию. Если в случае референдума о независимости голосовавших против можно отнести к носителям позитивных взглядов по отношению к СССР, то в случае референдума о вступлении в ЕС гораздо сложнее однозначно оценить тех, кто выступил против, как благосклонно настроенных по отношению к современной России и советскому прошлому. Тем не менее в общественном мнении формировалось представление, что неприятие членства в ЕС указывает на пророссийскую геополитическую ориентацию: часть граждан могла проголосовать против вступления в ЕС из-за ограничения автономии государства, в том числе и в сфере экономических интересов.

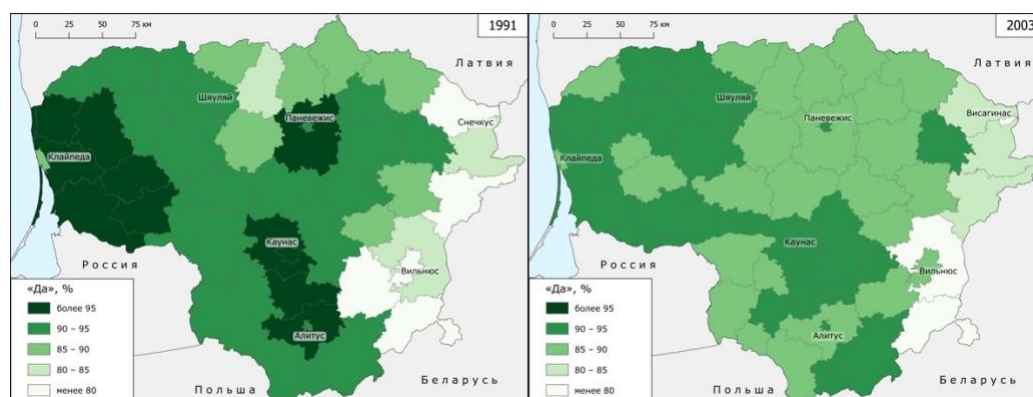

Рис. 42 Голосование за независимость Литвы на референдуме 1991 г. (слева) и за вхождение в состав ЕС на референдуме 2003 г. (справа), составлено автором по <https://www.vrk.lt/>

Как видно на рис. 42, география итогов референдумов характеризуется устойчивой территориальной структурой. В ходе обоих референдумов четко выделяются три зоны: Юго-Западная, Центральная и Северо-Восточная. Юго-Западная Литва выделяется наиболее традиционной для титульного этноса Литвы позицией окончательного разрыва с советским прошлым и возвращения в «европейскую семью народов», тогда как Северо-Восточная Литва, в населении которой значительную долю имеют этнические меньшинства, отличается наименьшей долей голосов за независимость и вступление в ЕС.

Результаты плебисцита 1991 г. показывают, что большая часть проголосовавших Юго-Западной Литвы хотела выйти из состава СССР (более 95%). Эта обширная зона простирается от Скуодаса на севере до Варены на юге и охватывает большую часть территории этнографических районов Жемайтии, Сувалкии и Дзукии. Она имеет два ярко

выраженных центра: приморское ядро (Клайпедское, Кретингское самоуправления, Паланга и Неринга) и ось Каунас-Мариямполье. Среди населения этих муниципалитетов не более 2,5% голосовало против независимости Литвы. В 2003 г. Юго-Западная Литва продемонстрировал наибольшую поддержку членству Литвы в ЕС. На этот раз эта зона уже не была так четко интегрирована, но сохранила свои центры – приморье (несколько расширилось до Шилуте и Таураге) и ось Каунас-Мариямполье. Более того вокруг Тельшия образовалось новое ядро, а внешние границы выделенной зоны сохранились.

Геополитическая ориентация Северо-Восточной Литвы на референдумах в 1991 г. и в 2003 г. характеризуются повышенной долей проголосовавших против отделения от СССР и вступления в ЕС, а также пониженным уровнем явки избирателей (в отдельных районах она не достигала и 50%). В северном и восточном приграничье Литвы сформировалась сплошная полоса от Йонишкиса до Шальчининкай, где мейнстримные взгляды на будущее страны не разделяются однозначно всеми гражданами. В этой зоне выделяются три обособленных ядра. Первое (более 20% голосов против отделения от СССР) – Швянченский, Вильнюсский и Шальчининкайский муниципалитеты. На этой территории компактно проживает польское этническое меньшинство, которое не было глубоко интегрировано в литовское общество в советский период. Второе – Висагинас и Зарасайское самоуправление – также сформировалось на этнической и отчасти конфессиональной основе. Висагинас (до 1992 г. Снечкус) – город атомщиков Игналинской АЭС с преимущественно русскоязычным населением. Зарасайский муниципалитет (бывш. Новоалександровский уезд в период Российской Империи) является старообрядческим центром, кроме того, для многих жителей 30-тысячный Снечкус был местом приложения труда и сбыта производимой сельскохозяйственной продукции. Третье – граничащий с Латвией на севере Пакруойский муниципалитет с доминирующим литовским населением. В 2003 г. Северо-Восточная Литва снова больше всех высказалась против вступления в ЕС, центр-периферийная структура территории сохранилась с выделением на общем фоне тех же трех ядер.

Центральная Литва – зона, характеризующаяся средними значениями по сравнению с противоположенными полюсами Юго-Западной и Северо-Восточной Литвы. Этнографически в основном Центральная Литва расположена в Аукштайтии, где уездные центры Паневежис, Шяуляй и Утена стали ядрами наибольшей поддержки независимости Литвы и ее вступления в ЕС.

Если особенности голосований территорий, населенных русскоязычными и поляками, не является неожиданной, то попадание в эту зону северных муниципалитетов с литовским населением может вызвать удивление. Устойчивость территориальной

структуры Северо-Восточной Литвы не позволяет объяснить нетрадиционные для страны геополитические воззрения исключительно этно-конфессиональными и историко-географическими причинами. Вполне вероятно, что актуально влияние исторических границ на зоны геополитической ориентации Литвы на Юго-Западе, который включает Клайпедский край и Сувалкию с небольшой буферной зоной, находившиеся под влиянием Германии. Подобные цивилизационные расколы типичны для стран ЦВЕ, например, Польши. Однако сложная внутренняя структура Северо-Восточной зоны не позволяет однозначно сформулировать гипотезу относительно ее историко-культурного генезиса.

Президентские выборы

Литва относится к странам со смешанной президентско-парламентской формой правления. Согласно пунктам 1-3 84 статьи конституции президент совместно с правительством республики решает важнейшие вопросы внешней политики, подписывает международные договоры, назначает и отзывает дипломатических представителей, т.е. выборы президента страны, как и рассмотренные выше референдумы, это во многом решение избирателей о геополитической ориентации Литвы.

С 1993 по 2019 гг. в Литве состоялось семь президентских кампаний, шесть из которых проходило в противостоянии двух кандидатов (пять раз президента выбирали во втором туре, а на самых первых выборах приняли участие всего два кандидата). Литовские исследователи отмечают, что ключевая линия противостояния в голосовании на президентских выборах лежит между теми, кто поддерживает находящиеся у власти силы, в том числе и проводимый внешнеполитический курс, и теми, кто выступает за находящиеся в оппозиции (Kavaliauskas, Valiunaite, 2003). Так, в период до 2004 г. литовский политический истеблишмент и выбранное геополитическое направление интеграции в западный мир представляли кандидаты-репатрианты из США Стасис Лазорайтис (1993) и Валдас Адамкус (1997, 2002, 2004). Потомки эмигрантов, покинувших страну в 1940 г., выступали олицетворением «Литвы, которую мы потеряли», не были активно вовлечены в местную политику и не отождествляли себя с какой-либо политической силой. Фрустрирующую от происходящих стремительных изменений часть общества представляли кандидаты «от советской номенклатуры»: бывший руководитель советской Литвы и лидер победившей на парламентских выборах Демократической партии труда (создана в результате реформирования Коммунистической партии Литовской ССР) Альгирдас Бразаускас (1993), инструктор ЦК ЛКП, заместитель Генерального прокурора Литовской ССР Артурас Паулаускас (1997), член компартии Литовской ССР, руководитель Вильнюсского аэроклуба ДОСААФ, летчик-инженер Роландас Паксас (2002), член КПСС, заместитель председателя Совета министров Литовской ССР Каземира Прунскене (2004).

После 2004 г., несмотря на сближение внешнеполитических взглядов кандидатов в президенты, пространственная дихотомия в волеизъявлении избирателей сохранилась, что косвенно подтверждает гипотезу о доминирующем в литовском обществе расколе между победившими и проигравшими от постсоциалистической трансформации. Особенностью этого периода является успех беспартийных кандидатов, что объясняется более высоким уровнем доверия институту президентства, чем к политическим партиям со стороны избирателей, закреплением в конституции беспартийного статуса президента, т.е. необходимости выйти из партии в случае победы на выборах. Несмотря на заявленную беспартийность, подобные кандидаты занимали определенную электоральную нишу и получили поддержку избирателями конкретных партий (Jastramskis, 2020). Линию С. Лазорайтиса и В. Адамкуса продолжили женщины-кандидаты, бывший еврокомиссар по бюджету и финансовому планированию ЕС Даля Грибаускайте (2009, 2014) и бывший министр финансов, депутат Сейма от партии Союз Отечества-Христианские демократы Ингрида Шимоните (2019), а противостояли им дважды кандидаты от Социал-демократической партии Литвы (преобразована из Демократической партии труда, т.е. ведущая линию от Коммунистической партии Литвы) Альгирдас Буткявичюс (2009), Зигмантас Бальчитис (2014) и беспартийный, бывший главный экономист литовского подразделения шведского банка SEB Гитанас Науседа (2019).

На выборах 1993 г. победил А. Бразаускас, набравший 60% голосов, в то время как за С. Лазорайтиса отдали свои голоса около 38% избирателей. Начало формирования территориальной структуры электоральных предпочтений на президентских выборах в Литве оказалось довольно близким к пространственным паттернам рассмотренных выше референдумов (см. рис. 43). Более 50% голосов С. Лазорайтис смог набрать только в Каунасе и Каунасском муниципалитете. Также достаточно высокую поддержку (от 40 до 50% голосов) С. Лазорайтис получил в приморской Литве и в г. Паневежисе. А. Бразаускас наибольшее количество голосов (более 75%) получил в юго-восточной Литве (максимум в «польском» районе – Шальчининкайском – 89%).

Победу на выборах 1997 г. с небольшим перевесом в 14 тыс. голосов одержал В. Адамкус (49,96%), А. Паулаускас набрал 49,22%. Смену настроений в большей части литовского общества многие связали с начавшейся планомерной подготовкой страны к будущему вступлению в ЕС и НАТО (Фурман, 2009). Наибольшая поддержка А. Паулаускаса была отмечена в районе компактного расселения польского населения в Шальчининкайском и Вильнюсском муниципалитетах. По окраинам польского ядра в Тракайском, Ширвинтском и Швенченском муниципальных образованиях и далее на севере в Висагинасе и Зарасайском муниципалитете также отмечен повышенный уровень

голосов за А. Паулаускаса. Второе ядро сформировалось на севере Литвы в Йонишкисском, Пакроуисском, Радвилишском и Кедайняйском муниципалитетах, зона их влияния распространилась также на близлежащие приграничные муниципалитеты – Мажекяйский, Акменский, Пасвалисский, Биржайский, а также отчасти на Шяуляйское, Келмесское и Расеняйское муниципальные образования, где доля голосов избирателей за А. Паулаускаса от 50 до 60%. Также проявилось небольшое единое ядро поддержки А. Паулаускаса в Сувалкии (Мариямпольский, Вилкавишский, Лаздйский и Калварийский муниципалитеты). Западная Литва вновь поддержала кандидата-эмигранта, где выделяется активное приморское ядро и далее хинтерланд соседних муниципалитетов с повышенным уровнем голосования за В. Адамкуса тянется на юго-восток, где смыкается с хинтерландом второго крупного ядра с центром в Каунасе. Точечные вкрапления территорий с преобладанием голосов за В. Адамкуса отмечаются в Аукштайтии (Паневежис, Паневежисский и Утенский муниципалитеты).

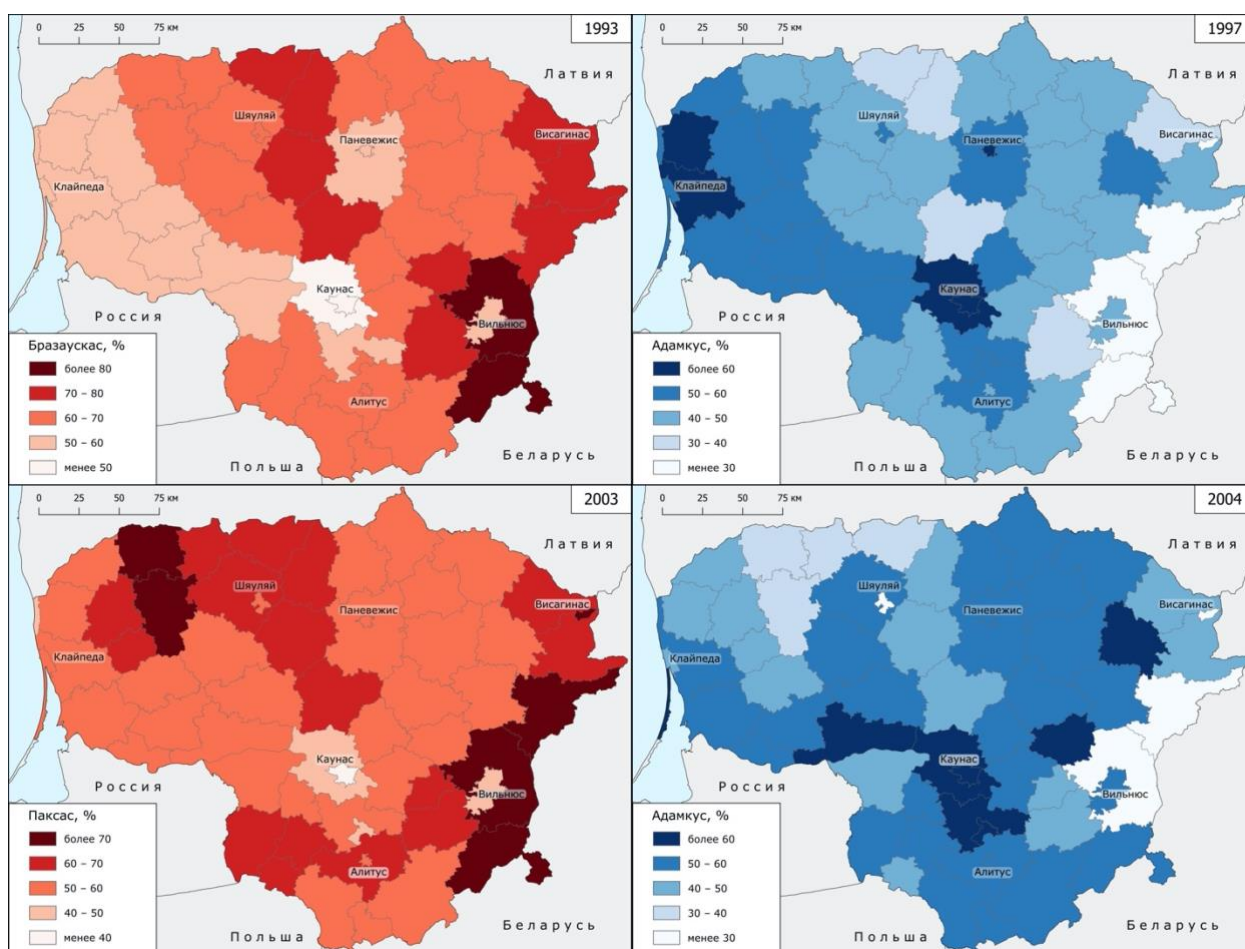

Рис. 43 Голосование во II туре на президентских выборах за А. Бразаускаса (1993), В. Адамкуса (1997), Р. Паксаса (2003), В. Адамкуса (2004), составлено автором по <https://www.vrk.lt/>

Территориальная структура поддержки кандидатов во втором туре президентских выборов 1997 г. со своими центрами и периферией сохраняет преемственность от аналогичного волеизъявления 1993 г (рис. 43).

Очередные выборы президента Литвы состоялись на рубеже 2002-2003 гг. и вновь прошли в два тура. Действующий президент В. Адамкус опережал после первого тура своего конкурента Р. Паксаса на 15%. Однако, во втором туре победу одержал Р. Паксас, что можно объяснить повышением протестных настроений в литовском обществе в результате последствий экономического кризиса 1998-2000 гг. Как и ранее, ареалы поддержки альтернативного власти кандидата сохранилась на юго-востоке (Шальчининкайский, Вильнюсский и Ширвинтский муниципалитеты), где компактно расселено польское меньшинство, и далее на север (Висагинас, Зарасайский и Игналинский муниципалитеты), а также повышенная доля голосов вновь отмечается в Сувалкии (Калварийский, Вилкавишский, Мариямпольский муниципалитеты). Новое ядро появилось на юго-западе в Тельшяйском и Мажейкяйском муниципалитетах с расползанием поддержки по соседним районам (рис. 44). Объяснить новацию можно т.н. эффектом друзей и соседей (Taylor & Johnston, 1979), так как Р. Паксас родом из Тельшяя, а его политическая деятельность часть времени была тесно связана с Мажейкяйским нефтеперерабатывающим заводом. В. Адамкус по сравнению с прошлыми выборами сохранил повышенную поддержку только в Каунасском ядре, больше, чем конкурент, инкубент набрал также в Вильнюсе, Бирштонасе и Паланге. Уровень поддержки в выделяемом ранее приморском ядре в Западной Литве и в Аукштайтии снизился, но они все равно остались для В. Адамкуса важными источниками голосов.

В июне 2004 г. в связи с вынесением первого в истории европейских стран импичмента президенту состоялись два тура внеочередных досрочных выборов. Отстраненный экс-президент Р. Паксас поддержал кандидатуру К. Прунскене, но полностью передать свой электоральный багаж не сумел, победу на выборах вновь одержал В. Адамкус. За столь короткий срок с момента проведения предыдущих выборов пространственная структура электоральных предпочтений не успела сильно трансформироваться (рис. 44). Ядра высокой поддержки антиэлитных кандидатов на юго-востоке и востоке страны, а также несколько сжимающиеся в Жемайтии и Сувалкии сохранились. Ареалы поддержки В. Адамкуса также не претерпели значительных перемен: это Каунасское ядро с окрестными муниципалитетами, по сравнению с предыдущими выборами кандидат частично восстановил свою былую популярность у избирателей приморских муниципалитетов и в Аукштайтии.

Выборы в 2009 г. впервые за 16 лет состоялись в один тур. Безоговорочную победу одержала Д. Грибаускайте, набрав 68,21% голосов. Д. Грибаускайте заняла первое место в 56 из 60 муниципалитетов, уступив в Шальчининкайском и Вильнюсском муниципалитетах лидеру литовских поляков В. Томашевскому, в Висагинасе К. Прунскене и в Вилкавишском муниципалитете местному уроженцу и лидеру Социал-демократической партии А. Буткявичюсу (рис. 45). Основные ядра поддержки Д. Грибаускайте унаследовала у кандидатов-эмигрантов, а именно Каунасское и приморское, а также ареал повышенной поддержки в Аукштайтии в Паневежисе и Утене. Таким образом, можно отметить сохранение устоявшихся ядер поддержки кандидатов, только в данном случае одна из двух альтернатив представлена совокупностью кандидатов.

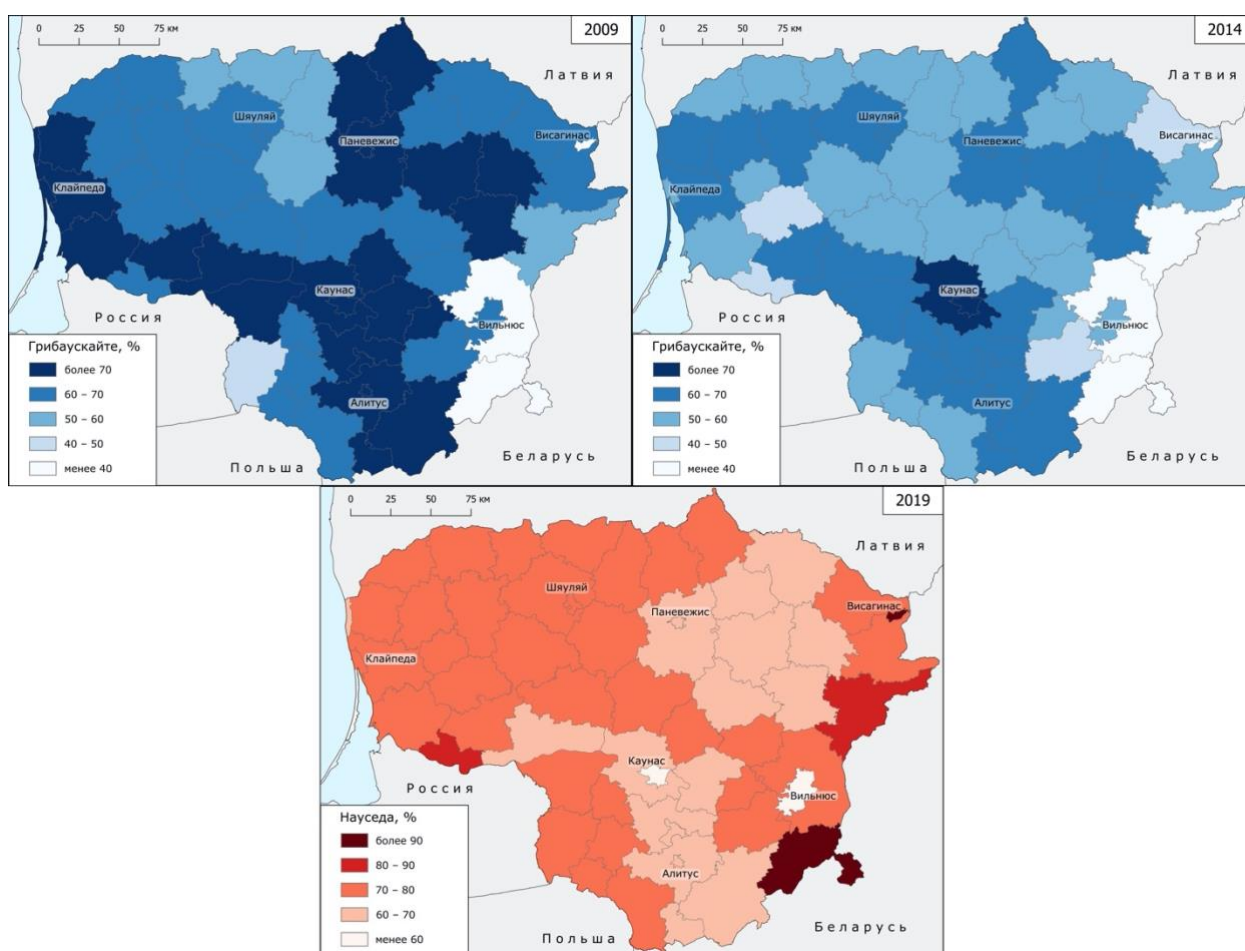

Рис. 44 Голосование во I туре на президентских выборах за Д. Грибаускайте (2009), во II туре за Д. Грибаускайте (2014), Г. Науседу (2019), составлено автором по <https://www.vrk.lt/>

Очередные выборы президента Литвы состоялись в мае 2014 г. и вновь, как и в большинстве случаев ранее, прошли в два тура. Выдвинутому Социал-демократической партией З. Бальчитису удалось победить действующего президента Д. Грибаускайте лишь в восьми муниципалитетах. Традиционным оплотом альтернативных кандидатов стал ареал

от Шальчининкайского муниципалитета на юго-востоке до Зарасайского на северо-востоке, а также Шилальский и Пагегский муниципальные образования на западе страны. Выделявшийся ранее ареал в Жемайтии исчезает, чем больше времени проходит с момента участия в выборах Р. Паксаса. Пики поддержки Д. Грибаускайте вновь пришлось на Каунасское и приморское ядра, а также ареалы повышенной поддержки в Аукштайтии (рис. 44). Начиная с прошлых выборов, Д. Грибаускайте значительно укрепила свои позиции на юге страны в Дзукии, что является главной новацией данного электорального периода.

Через четыре года в мае 2019 г. состоялось очередное двухтуровое противостояние на президентских выборах. Во втором туре встретились два экономиста-финансиста независимый кандидат Г. Науседа и И. Шимоните, выдвинутая партией Союз Отечества-Христианские демократы. Консерваторы впервые выдвинули своего партийного кандидата, а не поддержали кого-то из независимых. Г. Науседа одержал победу во всех муниципалитетах, наибольшую поддержку получив в Шальчининкайском муниципалитете и в Висагинасе (более 90%) и в целом традиционно в полосе приграничных муниципалитетов на востоке страны. Кроме того, сохранилась повышенная доля голосов в ряде муниципалитетов на западе страны, в частности в Пагегском муниципальном образовании (более 80%). Географическая база поддержки И. Шимоните (более 40%) в целом соответствовала «багажу» Д. Грибаускайте – Каунас и его окружение, из приморских муниципалитетов сохранилась только Неринга, это можно связать с происхождением Г. Науседы, который родом из Клайпеды. Ареалы повышенной поддержки (30-40%) также сохранились в Аукштайтии и Дзукии (рис. 44).

Заложенная референдумом о независимости 1991 г. территориальная структура с выраженным западно-восточным градиентом и полюсами повышенной поддержки альтернативных позиций по внешнеполитическим вопросам и кандидатур в президенты с незначительными флуктуациями сохраняет устойчивость и воспроизводится на протяжении всего периода (до 2019 г.). Изучаемые избирательные кампании за указанный период можно разделить на два этапа. Первый этап до 2004 г. (до вступления в ЕС), когда на референдумах 1991 и 2003 гг. был определен геополитический вектор движения Литвы из Советского в Европейский союз, а основная борьба на президентских выборах развернулась между кандидатами от позднесоветской номенклатуры и репатриантами из США, с одной стороны олицетворявшими преемственность с независимой Литвой периода между двумя мировыми войнами, а с другой – не связанными с советской системой. Президентские выборы 2004 г. хотя и прошли в июне уже после де-юре вступления страны в ЕС, но дискурсивно и своей географией являются продолжением аналогичных выборов 2003 г.

Второй этап (после 2004 г.) характеризуется завершением противостояния на президентских выборах «советских» и «несоветских» кандидатов. Все новые кандидаты в президенты хоть и родились в советской Литве, а многие из них даже были членами КПСС, но в силу молодого на момент распада СССР возраста не занимали высоких постов, более того часть из них в начале 1990-х гг. прошли обучение в европейских и американских университетах. Но несмотря на дальнейшее сближение внешнеполитических позиций кандидатов в президенты Литвы территориальная структура итогов голосований сохранилась. Стабильными оставались и ключевые ареалы поддержки электоральных альтернатив. С одной стороны, Каунас с окрестностями и Клайпеда с прибрежными муниципалитетами выступают оплотом поддержки независимости в 1991 г., вступления в ЕС в 2003 г., кандидатов-репатриантов в 1993-2004 гг., Д. Грибаускайте и И. Шимоните в 2009-2019 гг., к этому же полюсу можно отнести субцентр в Аукштайтии (ареал Паневежис-Утена). С другой стороны, противоположный полюс представляют линия приграничных муниципалитетов на востоке страны от Зарасайского до Шальчининкайского муниципальных образований, на севере Аукштайтии в Земгалии (Йонишкисский и Пакроуисский муниципалитеты) и в Сувалкии (Вилкавишкисский муниципалитет). Отдельные временные отклонения в сложившемся рисунке территориальной структуры голосования возникали в результате действия эффекта друзей и соседей как в Жемайтии в 2003 и 2004 гг. (малая родина Р. Паксаса) или в Клайпеде в 2019 г. (малая родина Г. Науседы). Новации последних избирательных кампаний, требующие дальнейшего наблюдения, возникли на юге страны в Дзукии (субцентр поддержки Д. Грибаускайте и И. Шимоните), юге Малой Литвы (субцентр поддержки З. Бальчитиса и Г. Науседы). Вероятно, нарастанием влияния социально-экономической поляризации (как следствие субурбанизации, предпринимательской активности) на итоги голосования можно объяснить снижение доли поддержки Г. Науседы в муниципалитетах в хинтерланде Вильнюса.

Явка

В большинстве стран с устоявшейся демократией уровень участия в выборах значительно сократился в последние десятилетия. Если до 1980-х гг. явка колебалась на уровне 80%, то позднее она упала до 70% и ниже (Blais, 2010). Основной причиной роста абсентеизма называют поколенческий фактор, изменились ценности молодежи, они перестали ходить на выборы, что, в свою очередь, уменьшило их конкурентность (Blais, Rubenson, 2013; Kostelka, Blais, 2021).

В постсоциалистических странах, в частности в Литве, сокращение явки еще более драматично. Если в первое десятилетия после восстановления независимости интерес к

избирательному процессу путем голосования проявляли более 70% граждан, то в XXI в. этот показатель снизился до 50%, а порой в выборах принимают участие и менее половины избирателей (рис. 45).

Специфику явки на выборы в постсоциалистических странах помимо смены поколений пытаются объяснить и т.н. теория «разочарованного голосования» (Kostadinova, 2003; Kostadinova, Power, 2007; Pacek et al., 2009). Произошло естественное ослабление эйфории, присущей первым избирательным кампаниям посттоталитарного периода. Несмотря на рост показателей социально-экономического развития, качество жизни значительного числа граждан ухудшилось. Ответом на это стал в том числе отказ от участия в демократическом процессе.

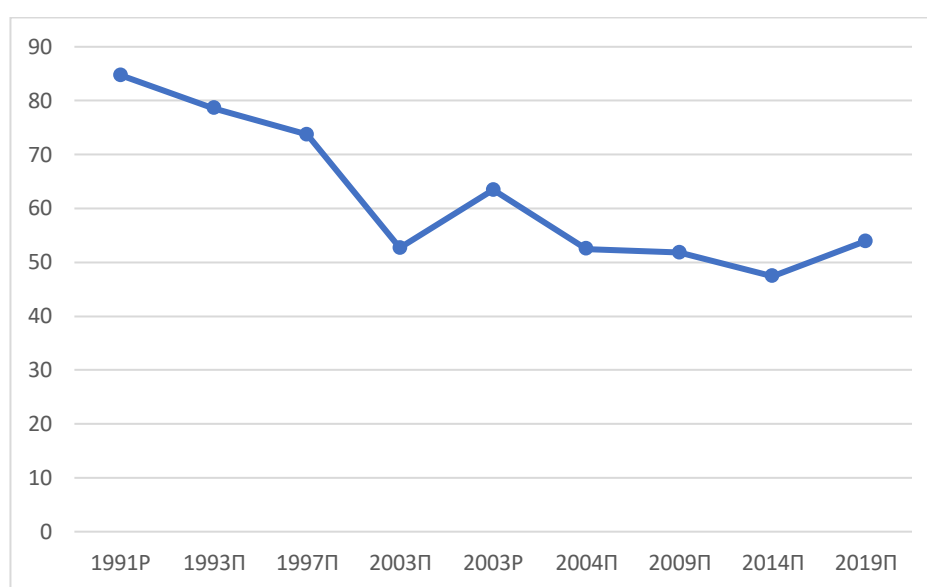

Рис. 45 Динамика явки на референдумах и президентских выборах в Литве 1991-2019 гг. (P – референдум, П – президентские выборы), составлено автором по <https://www.vrk.lt/>

Референдум в феврале 1991 г. о независимости проходил на фоне конфликта с союзным Центром, выразившимся в столкновениях у Вильнюсского телецентра 11-13 января, а также в конкуренции с общесоюзным референдумом о сохранении СССР. Острота ситуации оказала мобилизирующее влияние на готовность избирателей принимать или не принимать участие в референдуме. Сам приход или не приход на избирательный участок стал формой выражения политической позиции. Во многом из-за этого география явки повторяет уровень поддержки независимости Литвы (рис. 46).

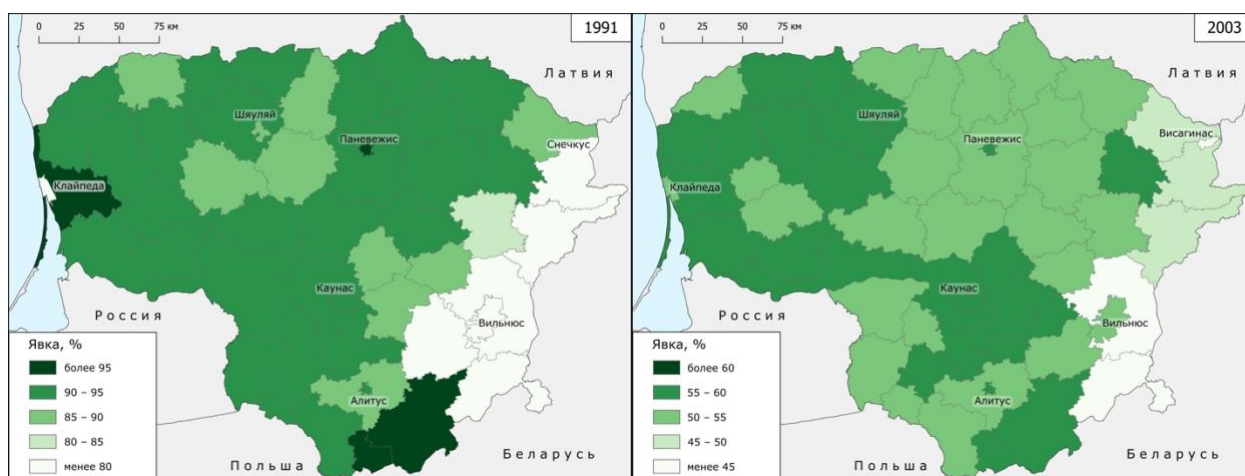

Рис. 46 Явка на референдум о независимости Литвы в 1991 г. (слева) и на референдум о вступлении Литвы в ЕС в 2003 г. (справа), составлено автором по <https://www.vrk.lt/>

Как ранее отмечалось, основное общественно-политическое противостояние в литовском обществе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. проходило по линии «литовцы-не литовцы». Поэтому самые низкие показатели явки зафиксированы в городах и районах концентрации этнических меньшинств. Ареал компактного расселения поляков – Шальчининкайский и Вильнюсский районы (менее 50%), Тракайский и Швенченский районы (65-75%), города массового проживания русскоязычного населения – Снечкус, Вильнюс, Клайпеда (50-75%), отдельные центры советской индустриализации с невысокой, но заметной, долей русскоязычного населения – Йонава, Алитус, Кайшядорис, Кедайнай, Мажейкяй, Шяуляй и др. (85-90%). По остальной территории Литвы явка составила свыше 90%, максимальные значения были получены в приморской зоне и в Дзукии.

Референдум о вступлении в ЕС в мае 2003 г. проходил уже в гораздо более спокойной обстановке. По сравнению с референдумом 1991 г. явка в целом по стране упала на 20%. Выявленная закономерность связи между уровнями поддержки выносимого на плебисцит вопроса и явкой сохранилась, но значительно сгладилась, что связано в том числе с сокращением доли нелитовского населения, прежде всего русскоязычного. Менее половины жителей пришли на выборы в Висагинасе и Тракайском муниципалитете, от 50 до 60% явка составила в Вильнюсском, Шальчининкайском муниципалитетах, Клайпеде и др. Максимальный уровень явки более 70% вновь продемонстрировали приморские курортные муниципалитеты Неринга и Паланга, а также Паневежис.

Участие во II турах президентских выборов в Литве сократилось с более чем 70% в 1990-е до колебаний около 50% в XXI в. Нельзя сказать, что география явки имеет устойчивый территориальный паттерн(-ы) в рассматриваемый период (рис. 47-48). Начиная с досрочных выборов 2004 г. полюс повышенной явки сместился с запада на восток страны.

Впрочем, отдельные островки стабильности избирательного поведения в контексте уровня участия в выборах присутствуют на карте Литвы. Обращают на себя внимание стабильно низкие показатели уровня явки в Висагинасе. Город последовательно демонстрирует отстраненность от участия в политической жизни страны. Как отмечает литовский социолог Раса Балоцкайте, в Висагинасе в силу своей специфики (относительная молодость города, монопрофильность, этнический состав, географическая удаленность от крупнейших городов и культурных центров Литвы) не сформирована новая идентичность, воспоминания о советском прошлом города продолжает быть детерминантой самосознания его жителей (Balockaite, 2010).

На противоположном полюсе активности на выборах находятся крупные города за исключением Клайпеды (Вильнюс, Каунас, Шяуляй, Паневежис), курортные муниципалитеты Неринга, Паланга, Бирштонас и Друскининкай. Явка во II туре президентских выборов в них всегда одна из самых высоких в стране.

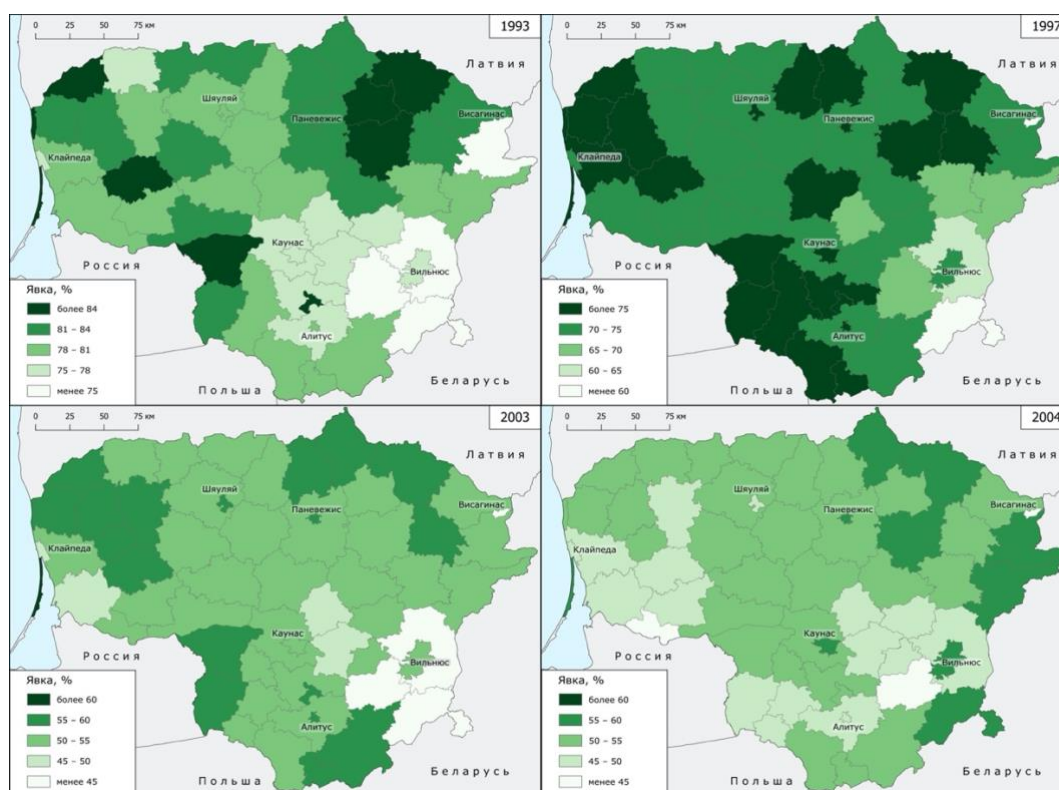

Рис. 47. Явка на II тур президентских выборов в Литве в 1993, 1997, 2003, 2004 гг., составлено автором по <https://www.vrk.lt/>

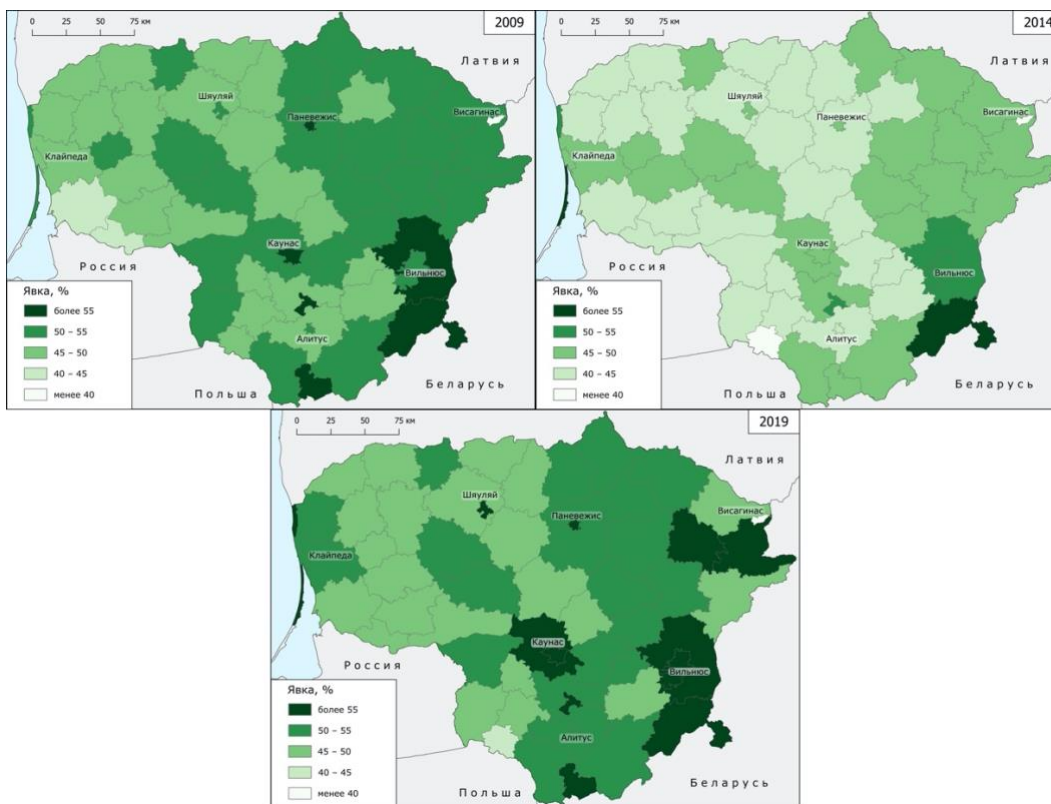

Рис. 48 Явка на II тур президентских выборов в 2009, 2019 гг и на I тур президентских выборов в Литве в 2014 г., составлено автором по <https://www.vrk.lt/>

В поведении компактно проживающего польского меньшинства можно выделить две фазы с разной интенсивностью вовлеченности в избирательный процесс. Это, вероятно, можно связать с (не)участием их представителя в выборах. Хотя Вальдемар Томашевский ни разу не выходил во II тур президентских выборов, само его участие в избирательных кампаниях с 2009 г. резко увеличило уровень явки в Шальчининкайском и Вильнюсском муниципалитетах.

3.3. Парламентские выборы

Сегодня ключевой электоральный раскол в Литве – это противостояние левых-TAN партий, обещающих формирование более справедливого общества и строгий контроль за общественным порядком, и всех остальных партий, среди которых как социал-демократы (левые-GAL), так и консерваторы (правые-TAN) с либералами (правые-GAL) (рис. 49). Это приводит нас к методической потребности рассматривать политические партии не как составные элементы партийных систем, а как самостоятельные культурные общности – «политические семьи» (Титков, 2008).

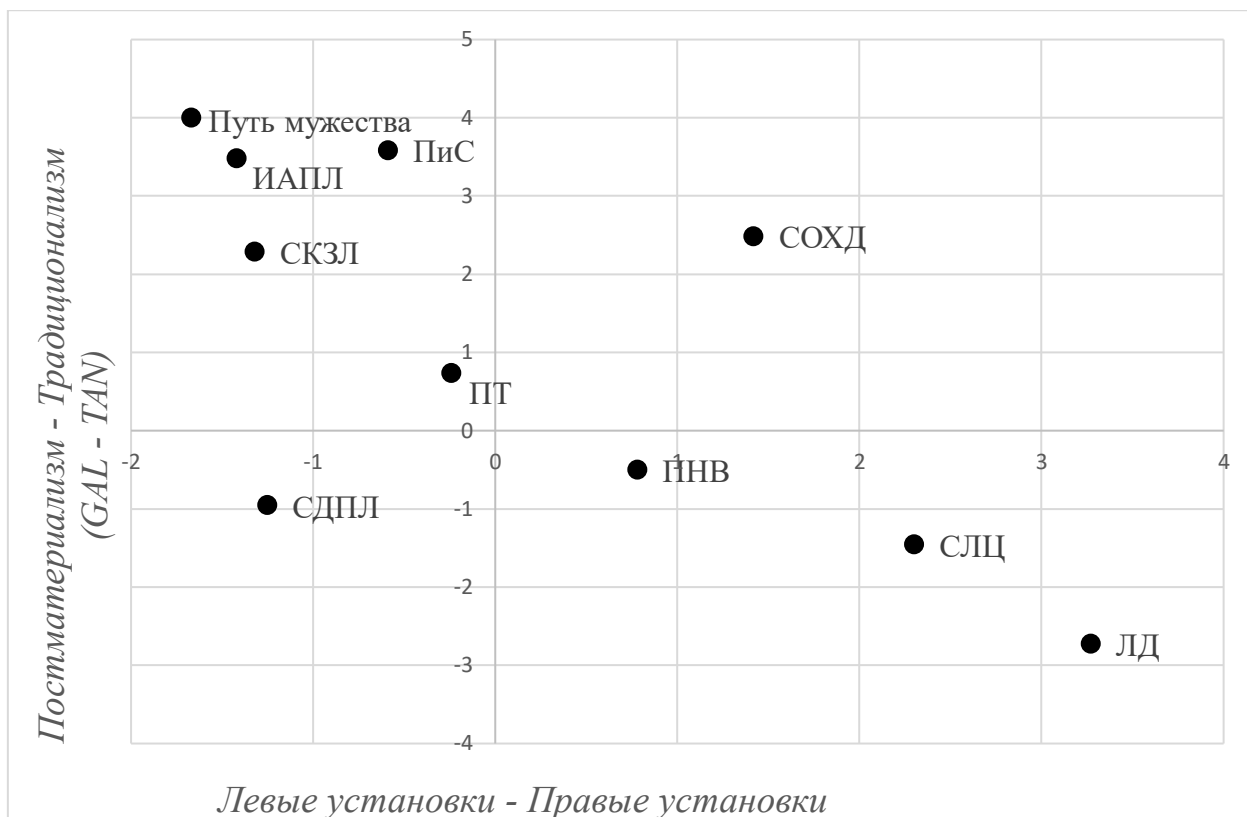

Рис. 49 Топограмма идеологических установок политических партий Литвы 2006-2019⁸, составлено автором по Seth et al., 2022⁹

Подобное сочетание, казалось бы, идеологически разных партий на одном полюсе не случайно, сегодня почти все консервативные и христианско-демократические партии, а также многие либеральные и социал-демократические партии относятся к одному большому «идеологическому кластеру». Это указывает на то, что традиционные партийные семьи выдвигают сегодня в целом сопоставимые политические предложения, несмотря на разное происхождение (De la Cerda & Gunderson, 2024). Как отмечает литовский политолог Альгис Крупавичюс, еще с конца 1990-х гг. в Литве понятия левых и правых были смешаны и стерты, а позиции социал-демократов и консерваторов максимально сблизилась (Krupavičius, 1996), что стало одной из причин поиска избирателями политических альтернатив в лице нетрадиционных партий. Опираясь на подход итальянского политолога Джованни Сартори, мы будем считать нетрадиционными те политические партии, которые в своей системе убеждений (программе и риторике) не разделяют ценности существующего политического порядка и хотят его изменить (Sartori, 1976).

⁸ Сокращения на рисунке X: ИАПЛ – Избирательная акция поляков Литвы, ПиС – Порядок и справедливость, СКЗЛ – Союз крестьян и зеленых, ПТ – Партия труда, СДПЛ – Социал-демократическая партия Литвы, СОХД – Союз Отечества-Христианские демократы, СЛЦ – Союз либералов и центра, ЛД – Либеральное движение, ПНВ – Партия национального возрождения.

⁹ Экспертный опрос Chapel Hill Expert Survey 1999-2019 учитывает не все политические партии и движения, функционировавшие в Литве в 1999-2019 гг. и принимавшие участие в выборах.

Наблюдаемый в Литве электоральный раскол действительно возможно интерпретировать как геополитический, однако он имеет содержательно иную природу – противостояние «проигравших» и «выигравших» от постсоциалистической трансформации. Как отмечал американский политолог Герберт Китшелт, ось партийной конкуренции отражает конфликт между защитниками и противниками существующих прав собственности и способов их распределения (Kitschelt, 1992). Представители этих двух лагерей отдают свои голоса за нетрадиционные в классическом понимании левые-ТАН партии (проигравшие) и за представителей традиционных партийных семей (выигравшие). У подобного раскола, выросшего из отличий в последствиях постсоциалистической трансформации для различных социальных групп и территориальных сообществ, есть, безусловно, и социально-экономическое и культурное измерение, выраженное в потенциальных направлениях дальнейшего развития страны, предлагаемых политическими партиями. В один электоральный раскол «защиты» как воспоминания о прошлом различных оттенков в связке с самоощущением в настоящем, так и видение социально-экономического развития и культурной политики в будущем.

В рассматриваемый временной период 2004-2019 гг. состоялось четыре избирательных кампании в Сейм Литовской Республики. Выборы в парламент Литвы проводятся по смешанной системе: 70 депутатов избираются по пропорциональной системе и еще 71 по мажоритарной. В нашем исследовании мы будем оперировать только данными выборов по партийным спискам, так как системы пропорционального представительства способствуют присутствию широкого спектра политических сил, рассредоточенных по всему идеологическому пространству. В избирательных системах, ориентированных на конкретных кандидатов, избиратели могут учитывать не только идеологические платформы партий, но и комплементарность политиков. В отличие от этого, системы, ориентированные на партии, препятствуют учету характеристик кандидатов при выборе голосов, придавая больший вес идеологическим позициям партий (Riera & Cantu, 2022).

Всего за четыре избирательных кампании в выборах в Сейм приняли участие 63 электоральные альтернативы (56 партийных и 7 коалиционных). Для дальнейшего анализа нами были отобраны только те электоральные альтернативы¹⁰, которые хотя бы единожды преодолели 5% барьер, т.е. были представлены в парламенте¹¹, таковых оказалось 34, из них шесть коалиций:

¹⁰ Под электоральной альтернативой в работе понимаются политические партии и избирательные объединения, содержащиеся в избирательных бюллетенях на рассматриваемых выборах

¹¹ За исключением Антикоррупционной коалиции на выборах 2016 г., которая хоть и набрала более 5%, но в парламент не попала, т.к. в соответствии с законодательством для коалиций проходной барьер составляет 7%.

- Союз Отечества-Литовские христианские демократы (2004¹², 2008, 2012, 2016)
- Социал-демократическая партия Литвы (2004¹³, 2008, 2012, 2016)
- Партия труда (2004, 2008¹⁴, 2012, 2016)
- Порядок и справедливость (2004¹⁵, 2008, 2012, 2016)
- Союз крестьян и зеленых Литвы (2004¹⁶, 2008¹⁷, 2012, 2016)
- Избирательная акция поляков Литвы (2004, 2008, 2012, 2016)
- Союз либералов и центра (2004, 2008, 2012)
- Движение либералов Литвы (2008, 2012, 2016)
- Партия национального возрождения (2008)
- Путь мужества (2012, 2016)
- Антикоррупционная коалиция (2016¹⁸)

На следующем аналитическом шаге для нас было важно сгруппировать выбранные электоральные альтернативы в два кластера, соответствующих ценностно-идеологической ориентации выигравших и проигравших от постсоциалистической трансформации. Помимо данных экспертного опроса Chapel Hill Expert Survey 1999-2019 и литературных источников, рассмотренных выше, мы предприняли еще два уточняющих действия в рамках экологического подхода в электоральной географии, а именно расчет парных корреляций между электоральными альтернативами. Исходными данными послужила электоральная статистика по голосованиям на выборах в Сейм за период 2004-2019 гг., представленная на официальном портале Избирательной комиссии Литвы в разрезе избирательных участков по 71 избирательному округу. Такой иерархический уровень сбора данных принципиально важен для сохранения сопоставимости результатов разных избирательных кампаний в условиях частой перенарезки избирательных округов и несоответствия их границ границам муниципалитетов. Важно отметить, что при этом границы избирательных участков, составлявших избирательные округа, никогда не

¹² На выборах 2004 г. партия называлась Союз Отечества. С 2008 г. после объединения с одноименной партией стала называться Союз Отечества-Литовские христианские демократы.

¹³ На выборах 2004 г. выступали в составе коалиции «Работа для Литвы», в которую входили Социал-демократическая партия Литвы и партия Новый союз (социал-либералы).

¹⁴ На выборах 2008 г. выступали в составе коалиции, в которую входили Партия труда и Партия молодежи.

¹⁵ На выборах 2004 г. выступали в составе коалиции «За порядок и справедливость», в которую входили Либерально-демократическая партия Литвы и Литовский народный союз «За исправление Литвы». С 2006 г. партия называется Порядок и справедливость.

¹⁶ На выборах 2004 г. выступали в составе коалиции «Союз партий крестьян и Новой демократии», в которую входили одноименные партии.

¹⁷ На выборах 2008 г. партия называлась Литовский крестьянский народный союз. С 2012 г. партия называется Союз крестьян и зеленых Литвы.

¹⁸ На выборах 2016 г. в Антикоррупционную коалицию вошли Литовская партия центра и Литовская партия пенсионеров.

выходили за пределы «своего» муниципального образования. Это позволило автору сгруппировать электоральные данные не по избирательным округам, а по муниципальным образованиям, обеспечив сравнимость электоральной статистики и прочих количественных параметров, рассмотренных во 2-й и начале 3-ей главы.

Матрица исходных электоральных данных позволила рассчитать коэффициенты линейной корреляции Пирсона при уровне значимости $\alpha = 0,001$ (0,1%) или доверительной вероятности 99,9% для каждого выбора. Наличие значимой корреляционной зависимости между двумя пространственными распределениями электоральных альтернатив позволяло говорить не только о наличии и характере связи между ними, но и территориальных сходствах/различиях. Положительная значимая корреляция между парой электоральных распределений показывает возможность того, что избиратели одной и той же территориальной единицы могли отдать свои голоса как одной, так и другой из них. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данные избирательные альтернативы как бы «питаются» одним и тем же электоратом. В рамках нескольких избирательных кампаний можно говорить о последовательном перетекании электората. Напротив, отрицательная значимая корреляция между парой электоральных распределений говорит о территориальном несовпадении зон поддержки данных альтернатив. Этот факт позволяет сделать вывод о невозможности перехода электората между этой парой альтернатив.

В результате анализа квадратных матриц корреляции взаимных зависимостей пространственных распределений электоральных альтернатив их совокупность разделилась на пять групп:

1. Социал-демократическая партия Литвы (2004, 2008, 2012, 2016)
2. Союз Отечества-Литовские христианские демократы (2004, 2008, 2012, 2016); Союз либералов и центра (2004, 2008, 2012); Движение либералов Литвы (2008, 2012, 2016); *Партия национального возрождения (2008)*; *Путь мужества (2012)*; *Антикоррупционная коалиция (2016)*
3. Партия труда (2004, 2008, 2012, 2016)
4. Порядок и справедливость (2004, 2008, 2012, 2016), Союз крестьян и зеленых Литвы (2004, 2008, 2012, 2016), *Путь мужества (2016)*
5. Избирательная акция поляков Литвы (2004, 2008, 2012, 2016)

Предлагаемое деление не является случайным. В первые две группы вошли партии с традиционной для европейского политического ландшафта идеологией, уже длительное время существующие в постсоветской Литве и имеющие свои корни со времен перестройки.

Первая группа является монопартийной и представлена Социал-демократической партией Литвы (СДПЛ). Формально старейшая партия Литвы (основана в 1896 г.) возродилась в постсоветский период, однако не снискала популярности в 1990-е гг. В 2001 г. партия объединилась с Демократической партией труда Литвы, которая образовалась на основе Коммунистической партии Литовской ССР (КПЛ) во главе с бывшим первым секретарем ЦК КПЛ и первым президентом постсоветской Литвы Альгирдасом Бразаускасом. Это принесло СДПЛ успех и позволило четыре раза возглавить коалиционное правительство и регулярно попадать в Сейм. Таким образом, современная партия была де-факто создана бывшими лидерами КПЛ. В своих программных документах СДПЛ придерживается левоцентристских взглядов, ориентируясь на классическую западноевропейскую социал-демократическую идеологию.

Вторая группа – многопартийная, ее ядром стала партия Союз Отечества-Литовские христианские демократы. Партия Союз Отечества была образована в 1993 г. на базе выходцев из Саюдиса во главе с его лидером Витаутасом Ландсбергисом. Впоследствии партия объединилась с несколькими более мелкими союзниками и приобрела современное название. Идеологически определяет себя как консервативная, христианская, антикоммунистическая, народная, в экономике придерживается либеральных позиций, что определяет построение альянса с родственными либеральными партиями – Союзом либералов и центра (прекратила существование в 2014 г.), а также основанным выходцами из него Движением либералов Литвы. Таким образом, это группа партий правоцентристских, либерально-консервативных взглядов.

В эту группу также попали три специфических электоральных проекта с коротким жизненным циклом, последовательно сменявших друг друга в избирательных кампаниях 2008, 2012, 2016 гг.: Партия национального возрождения (ПНВ), Путь мужества и Антикоррупционная коалиция. Эти электоральные альтернативы смогли успешно аккумулировать протестные настроения на правом фланге и помочь своим лидерам попасть в парламент. ПНВ была создана перед выборами 2008 г. группой известных телеведущих, артистов и шоуменов. Партия не имела четкой идеологии, основой ее предвыборной программы стала аллюзия на десять христианских заповедей. Агрессивная сатирическая избирательная кампания с узнаваемыми большинством избирателей лицами дала свои плоды и позволила ПНВ набрать 15% голосов. Уже через несколько месяцев после попадания в Сейм партию начали раздирать внутренние противоречия. В 2009 г. ПНВ провалила выборы в Европарламент (1,04%) и еще до конца каденции Сейма прекратила существование, а ее члены впоследствии оказались в других популистских проектах – Партии труда и Порядке и справедливости.

Партия Путь мужества была создана сестрой и сторонниками Драсюса Кедиса незадолго до парламентских выборов 2012 г. в ответ на трагические события в его семье¹⁹. Партия заняла узкую политическую нишу, сосредоточившись на антикоррупционной риторике и предложениях по реформированию судебной системы. Взбудоражившая всю страну криминальная история позволила набрать партии 8,3% голосов. Партия Путь мужества добилась наибольшего успеха в Каунасе и Каунасском муниципалитете, где жил Драсюс Кедис. Именно этот факт может объяснить совпадение паттернов поддержки классических либерально-консервативных партий и партии Путь мужества. Как и в случае ПНВ, партия Путь мужества вскоре после выборов погрязла во внутренних противоречиях и начала распадаться. В 2014 г. была ликвидирована созданная ею фракция в Сейме. Затем партию покинули ряд бывших лидеров, часть их сторонников перебралась в другую популистскую партию – Порядок и справедливость. На выборах 2016 г. партия Путь мужества набрала 0,29%, в 2020 – 1,18%. В 2024 г. партия была ликвидирована.

В 2016 г. нишу протеста с правого фланга заняла Антикоррупционная коалиция, которую составили Литовская партия центра и Литовская партия пенсионеров. Коалицию возглавил вышедший незадолго до этого из партии Союз Отечества и возглавивший Литовскую партию центра Наглис Путейкис. Ключевой темой предвыборной программы стала антикоррупционная повестка, евроскептицизм и позиционирование себя в качестве альтернативы набившим оскомину системным партиям. Проходной барьер в Сейм для коалиций составляет 7%, поэтому, набрав 6,3%, Антикоррупционная коалиция не получила мест в парламенте по партийным спискам. Это не помешало самому Путейкису стать депутатом в одномандатном округе в Клайпеде, где он ранее длительное время проработал. Это стало возможным в том числе благодаря поддержки во втором туре со стороны партии «Союз крестьян и зеленых», победившей на тех выборах по партийным спискам. Впоследствии в результате нескольких объединений партия стала называться «Союз нации и справедливости» и позиционировала себя как истинно народная. Ее программа закрепляла тезис об отказе от существующих идеологий, ориентацию на борьбу с олигархическим кланом у власти, поддержку малому бизнесу и сопротивление новым веяниям в культурной политике.

Столь подробное описание специфики трех ситуативных электоральных проектов, оказавшихся в результате корреляционного анализа в одной группе с консервативно-либеральными партиями, призвано объяснить почему при дальнейшем анализе мы будем относить их к нетрадиционным партиям. Хотя мы и наблюдаем совпадение пиков

¹⁹ История "фиолетового мстителя" завершена - народный герой Литвы погиб случайно. URL: <https://regnum.ru/news/1409563> (дата обращения 11.09.2025)

поддержки классических системных традиционных партий и двух нетрадиционных партий и одной коалиции, мы не можем с уверенностью утверждать, что часть электората, поддерживавшего либерал-консерваторов, отдала свои голоса новым нетрадиционным партиям. Подобный результат может быть следствием вне идеологических причин. Так, жизненный путь лидеров ситуативных избирательных проектов тесно связан со столицей и другими крупными городами (Каунас, Клайпеда), которые традиционно являются оплотом праволиберальных партий. Действительно, звезды шоу-бизнеса в основном проживают и часто выступают в крупнейших городах; трагические события вокруг Драсюса Кедиса происходили в Каунасе, где проживала его семья; геобиография вильнюсца Наглиса Путейкиса тесно переплетена со столицей и портовой Клайпедой, кроме того, с 1996 по 2014 гг. он был членом партии «Союз Отечества». Немаловажно и то, что между тремя описанными электоральными альтернативами существует значимая положительная корреляция, вдвое более сильная, чем с либерально-консервативными партиями. Это означает, что каждый из них занимает «свою» электоральную нишу в крупных городах и имеет «своего» избирателя. Еще одним свидетельством неустойчивости и неоднозначности идеологических установок электората этих партий является тот факт, что, например, ПНВ имеет положительную корреляцию с электоральными альтернативами в других группах и на последующих выборах (в 2012 г. с СДПЛ, а в 2016 с СДПЛ и Союзом крестьян и зеленых). Кроме того, краткосрочность существования данных электоральных партий/объединений, вкупе с доминирующей в их предвыборных программах риторикой и дальнейшими преобразованиями этих партийных проектов, как нам кажется, позволяют нам при дальнейшем анализе не относить их к традиционным, т.е. устойчивым партиям и обозначить как нетрадиционные.

Перейдем к следующим трем группам; в них входят электоральные альтернативы, не имеющие четкой ценностно-идеологической ориентации, что позволяет нам отнести их к категории нетрадиционных партий.

Третья группа, как и первая, является монопартийной, она представлена Партией труда, позиционирующей себя как «партия центра, открытая для всех». Партия труда была создана миллионером российского происхождения Виктором Успаским в 2003 г.; ставилась цель – защищать права «простого человека», противостоять гегемонии правящей элиты и коррупции, бороться за повышение зарплат и социальное обеспечение. Партия труда как политический проект оказалась относительно долговечной и продолжает существовать, несмотря на череду коррупционных скандалов и уголовных дел, а также взлеты и падения поддержки избирателей на различных выборах. В 2011 г. она включила в свой состав партию Новый союз, а в 2013 г. Христианскую партию. Во всех четырех

исследуемых в работе избирательных кампаниях Партия труда попадала в Сейм и несколько раз входила в состав различных правительственных коалиций.

Четвертую группу составили партии «Порядок и справедливость» и «Союз крестьян и зеленых Литвы», положительную корреляцию с членами группы по итогам кампании 2016 г. имела и Партия мужества. До 2006 г. партия Порядок и справедливость называлась Либерально-демократической партией Литвы. Она была основана в 2002 г. Роландасом Паксасом – выходцем из партии Союз либералов и центра. В 2004 г. Р. Паксас стал президентом Литвы, но впоследствии он был смещен с должности в результате импичмента. На протяжении всего периода существования партия неоднократно меняла идеологический курс, смещаясь от либеральных позиций к радикальным национал-консервативным и популистским. На всех рассматриваемых в работе выборах партия проходила в Сейм и дважды участвовала в правительственных коалициях. Однако, впоследствии партию покинули многие лидеры, включая Р. Паксосу. В парламентских выборах 2020 и 2024 гг. партия Порядок и справедливость уже не принимала участие, и была окончательно ликвидирована в начале 2025 г.

Партия «Союз крестьян и зеленых» неоднократно меняла свое название. Она была основана в 1990 г. как Литовская крестьянская партия, в 2001 г. объединилась с Новой демократической партией и стала называться Союз крестьян и новой демократии. В 2006 г. переименована в Литовский крестьянский народный союз. В 2009 г., после выхода из партии ее лидера Каземиры Прунскене, проект возглавил крупный сельскохозяйственный магнат Рамунас Карбаускас. В 2012 г. партия вновь сменила название на Литовский союз крестьян и зеленых. Идеологические установки партии крайне эклектичны: от зеленой повестки и аграрных вопросов до левых экономических популистских лозунгов и жесткой правой позиции по культурным вопросам. За период с 2004 по 2019 гг. партия дважды проходила 5% барьер по партийным спискам, оба раза была частью правящей коалиции и даже возглавляла ее в 2016 г.

Пятая группа представлена партией «Избирательная акция поляков Литвы». Это этническая партия, имеющая узкую электоральную базу, поддерживается польским этническим меньшинством, в основном проживающим в бывшем Виленском крае. Наибольшей поддержки партия традиционно добивается в Шальчининкайском муниципалитете и Вильнюсском районном муниципалитете, где практически всегда побеждает по мажоритарным округам. Партия была основана в 1994 г. Основной целью партии является защита прав польского меньшинства Литвы, однако она занимает специфические позиции по разным вопросам, выступая за запрет аборт, усиление перераспределительной политики в пользу бедных слоев населения, во внешней политике

члены партии часто выступают со словами поддержки в адрес России и Беларуси, поддерживают партнерские отношения с польской партией «Право и справедливость». Регулярно в избирательные списки включают представителей общественно-политических организаций русскоязычного населения Литвы. За исследуемый в работе период дважды проходили 5% барьер по пропорциональной системе и дважды входили в состав правящих коалиций. Многолетний лидер партии Вальдемар Томашевский, депутат Европарламента, неоднократно баллотировался на пост президента Литвы.

Нетрадиционные партии на левом фланге более жизнестойки, чем традиционные партии на правом, где все ограничивается одной избирательной кампанией.

В целях дальнейшего анализа все рассматриваемые партии были разделены на две укрупненные группы: традиционные и нетрадиционные. К традиционным были отнесены партии с устоявшейся классической для европейской политики идеологической позицией – социал-демократов, консерваторов и либералов. К нетрадиционным – все остальные партии. В дальнейшем оперируя двумя укрупненными группами политических партий и их совокупными результатами в каждом из 60 муниципалитетов, мы оценим устойчивость ценностно-идеологических предпочтений населения каждой территории. Для этой цели использовалась методика, разработанная на кафедре социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова (Лукиянов, Чернецкий, 2023; Рачев, 2020), сочетающая качественные и количественные индикаторы.

Под качественной оценкой понимается соотношение количества побед каждой из групп партий и разброса предпочтений избирателей. Количество побед варьируется от нуля до четырех. При четырех победах одной группы партий муниципалитет однозначно относится к соответствующей ценностно-идеологической ориентации. Во всех иных случаях требуется оценка дополнительных параметров. Во-первых, сложившейся последовательности побед. Например, местные жители по какой-либо причине могут постепенно менять свои электоральные предпочтения, что приводит к смене группы, победившей на выборах, или даже к смене победителя от выборов к выборам. Поэтому нами учитывалось количество таких колебаний. Помимо этого, использовался индикатор поляризации предпочтений, который высчитывался как разница между средними долями голосов избирателей, полученных соперничающими политическими партиями за весь рассматриваемый период. Количественная оценка также позволяет оценить уровень политической конкурентности территории и точнее описать динамику ценностно-идеологических ориентаций жителей муниципалитета. По уровню конкурентности все территории были разделены на три группы: 1) конкурентные, где средний разрыв между

группами партий составляет менее 5%; 2) умеренно конкурентные – 5-10% и 3) неконкурентные при среднем разрыве более 10%.

Наиболее очевидный результат мы получаем в случаях четырех последовательных побед одной из партийных групп в условиях низкой конкуренции. В 22 муниципалитетах Литвы во всех четырех кампаниях побеждали нетрадиционные партии в неконкурентной или умеренно конкурентной среде (см. приложение 3). Ядро этой группы составляют 11 муниципалитетов, где нетрадиционные партии победили с разницей более 10% на каждых выборах. Это четыре сопряженные территории на востоке страны (Висагинас, Зарасайский, Игналинский и Швянченский муниципалитеты). Еще четыре муниципальных образования на западе (Кельмесское, Расеняйское, Тельшяйское, Скуодасское), которые совместно с еще тремя муниципалитетами (Акмянским, Мажейкяйским и Шяуляйским) составляют оплот поддержки нетрадиционных партий в Жемайтии. К востоку от них в центре и на севере страны сформировалось аукштайтйское ядро во главе с Ширвинтским муниципалитетом и примкнувшими к нему Биржяйским, Кедайняйским, Купишкисским, Пакроуйским, Паневежисским. На юге Судувы (Калварийский муниципалитет) и на юге Малой Литвы (Пагегяйский муниципалитет) также находятся точки повышенной поддержки нетрадиционных партий. Особняком стоит пригородный Клайпедский муниципалитет. В нем хоть четыре последовательных раза и побеждали нетрадиционные партии, с каждой кампанией уровень их поддержки падал, став высоко конкурентным в 2012 и 2016 гг. (3-4%), что может свидетельствовать о транзите в ценностно-идеологических установках жителей. Это, вероятно, связано с процессом субурбанизации, который активно происходит в муниципалитете. Жители Клайпеды переселяются в индивидуальные жилые дома в окрестностях города, привозя с собой в том числе и свои политические убеждения.

В 12 муниципалитетах четыре раза подряд побеждали традиционные партии, в семи из них в условиях слабой конкуренции. Основной оплот традиционных партий располагается в двух крупнейших городах страны Вильнюсе и Каунасе, а также в курортных городах Бирштонасе, Друскининкае и Паланге. Если Вильнюс, Каунас и Паланга традиционно поддерживают либерал-консервативные партии, то Бирштонас и Друскининкай колеблются, отдавая предпочтение то социал-демократам, то либералам и консерваторам. Аналогичные перепады наблюдаются также в Утенском и Варенском муниципалитетах, в важных центрах Аукштайтии и Дзукии соответственно. Еще в четырех административно-территориальных единицах в среднем в умеренно конкурентной борьбе также одерживали победы традиционные партии. Среди них поддерживающие либерал-консерваторов пригородный Каунасский муниципалитет и расположенный на севере

страны Пасвалийский, а также колеблющиеся самоуправления – находящийся в т.н. прусской Жемайтии Юрбаркасское и расположенный на главной автомагистрали страны А1 между двумя столицами Кайшиядорисский. Отдельно стоит выделить Паневежис, где регулярно высока конкуренция между двумя основными политическими лагерями, но победу с небольшим преимуществом каждый раз одерживают традиционные партии, а среди них доминируют либерал-консерваторы.

Еще три самоуправления мы также отнесли к группе, поддерживающей традиционные партии, несмотря на то, что однажды они уступили свои позиции. В Неринге и Вилкавишкисском муниципалитете нетрадиционные партии побеждали в 2004 г., после чего инициатива перешла к традиционным, и в дальнейшем они не отдавали эти территории своим визави. Разница лишь в том, что курортная Неринга голосует за правые либерально-консервативные электоральные альтернативы, а Вилкавишкис является по сути единственным муниципальным образованием, устойчиво поддерживающим социал-демократов. А вот в Таурагском муниципалитете наблюдалась конкурентная борьба и равенство сил, в 2008 г. победу с небольшим перевесом здесь одержали нетрадиционные партии, однако в дальнейшем местные жители поддерживали уже только традиционные партии, колеблясь между либерал-консерваторами и социал-демократами.

Еще одной устойчивой в своей динамике группой муниципалитетов являются те, что находятся в состоянии перехода от нетрадиционных к традиционным или наоборот. Первых оказывается больше, семь против двух,двигающихся из лагеря сторонников традиционных партий в лагерь поддержки нетрадиционных электоральных альтернатив. Под переходом мы понимаем устойчивое падение поддержки ранее доминировавшей группы партий и переход поддержки в конкурентной или умеренно конкурентной борьбе к противоположенной группе.

Транзит от нетрадиционных к традиционным партиям у различных муниципалитетов находится на разных стадиях. Если Клайпеда близка к завершению этого перехода и уже три последние избирательные кампании постепенно наращивает поддержку традиционных партий, то в Кретингском и Молетском самоуправлениях лишь на двух последних выборах начали голосовать за них. Еще в четырех самоуправлениях традиционные партии лишь на последних выборах прервали гегемонию нетрадиционных, однако падение поддержки последних наблюдается на протяжении всего периода. Это находящиеся в зоне влияния Вильнюса субурбанизирующиеся Тракайский и Электренайский муниципалитеты, а также Йонавский муниципалитет, что к северо-востоку от Каунаса и в Земгалии на границе с Латвией в Йонишкисском муниципалитете.

В обратном направлении движение демонстрируют лишь два граничащих друг с другом муниципалитета на западе страны – это Шилутский и Шилальский. Здесь на двух последних выборах победу одержали нетрадиционные партии, начавшие перехватывать инициативу еще в начале рассматриваемого периода.

Последнюю группу муниципалитетов можно назвать колеблющимися. В нее входят 12 самоуправлений, где маятник поддержки за исследуемые кампании совершил два или три колебания между партийными группами, а также в ряде исключительных случаев одно, когда это происходит в условиях высокой конкуренции. Единственным муниципалитетом, где поддерживаемая группа сменялась каждый раз, стал один из ключевых центров юга страны – Алитус. Такие перепады поддержки характерны для многих южных муниципалитетов в Дзукии и Судуве. Дважды колебания между традиционными и нетрадиционными группами партий в этой части страны продемонстрировали Алитусский, Пренайский, Мариямпольский, Казлу-Рудский, Шакайский муниципалитеты. В Лаздяйском самоуправлении отмечено лишь одно изменение, однако все результаты выборов приносят близкие конкурентные результаты между противоборствующими лагерями. Другим эпицентром неопределенности является запад Жемайтии, где в Плунгесском и Ретавском муниципалитетах дважды происходил переход от поддержки одних к другим на фоне высокой конкуренции. На северо-востоке также два муниципалитета (Рокишкисский и Аникщяйский) меняют свою позицию в конкурентной борьбе между традиционными и нетрадиционными партиями. Отдельно выделяется Шяуляй, город с населением более 100 тыс. чел., также с двумя колебаниями и умеренной межгрупповой партийной конкуренцией.

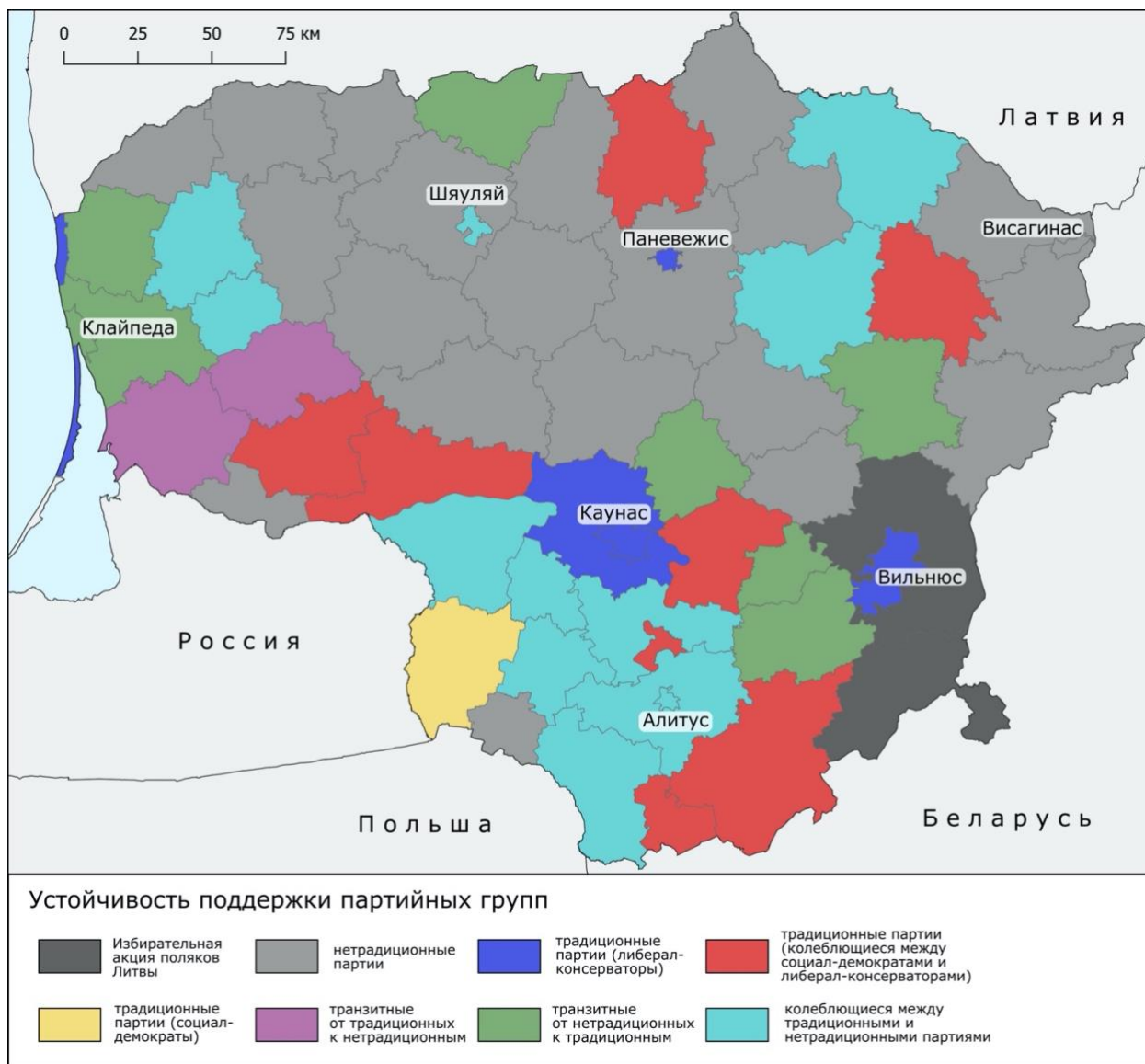

Рис. 50 Типология муниципалитетов Литвы по степени поддержки партийных групп, составлено автором

На рис. 50 отображена география поддержки партийных групп. Обращают на себя следующие пространственные закономерности.

- 1) Зона поддержки нетрадиционных партий представлена в центральной и северной частях страны.
- 2) На юге и западе Литвы фактор периферийности, вероятно, перевешивается другими более значимыми в данном пространственном контексте факторами (близость главных центров, большая ориентация на диаспору за рубежом, опыт нахождения в прошлом в составе других государств, этнографические особенности), что приводит к более идеологически подвижным форматам голосования (транзитные, колеблющиеся). Исключение составляет лишь небольшие приграничные муниципалитеты (Пагегайский и Калварийский), получившие самостоятельный административный статус лишь в 2001 г.

- 3) Поддержка традиционных правых либерал-консервативных партий концентрируется в трех крупнейших городах страны (Вильнюс, Каунас, Клайпеда) и их зонах пригородного влияния, а также в приморских курортах Неринга и Паланга. Особняком в «море периферии» стоит Паневежис, однако там успехи либерал-консерваторов более скромные и добываются в высококонкурентной борьбе.

Явка

Явка избирателей на выборах в Сейм Литовской Республики довольно стабильна за исключением самых первых постсоветских выборов, когда явка избирателей превысила 70%. Избирательная активность стабилизировалась на выборах в Сейм 1996 г. и с тех пор существенной дифференциации в явке не наблюдалось, удерживаясь вокруг 50% (самый низкий показатель наблюдался в 2004 г. – 46%). Как видно из картосхем (рис. 51) явка избирателей на макроуровне имеет относительно устойчивую пространственную дифференциацию: в восточной части Литвы она выше, а западные регионы менее активны. Это может быть связано с половозрастной структурой населения, доля наиболее активно участвующих в выборах пожилых людей выше в восточной части страны (Ubarevičienė, 2018).

При анализе динамики явки на муниципальном уровне можно отметить несколько пространственных закономерностей. Во-первых, повышенный уровень явки имеют наиболее благополучные территории – крупнейшие города (Вильнюс, Каунас, Клайпеда) и курорты (Бирштонас, Неринга, Паланга и в меньшей степени Друскининкай). Во-вторых, это ареал компактного расселения польского населения (Шальчининкайский, Вильнюсский муниципалитеты), где высоко значение этнической мобилизации избирателей, голосующих за партию «Избирательная акция поляков Литвы». В-третьих, отдельные городские и сельские самоуправления (Паневежис, Утенское, Игналинское, Расейняйское, Рокишкисское, Ширвинтское), где причины высокой явки объясняются особенностями локального контекста в каждом отдельном случае.

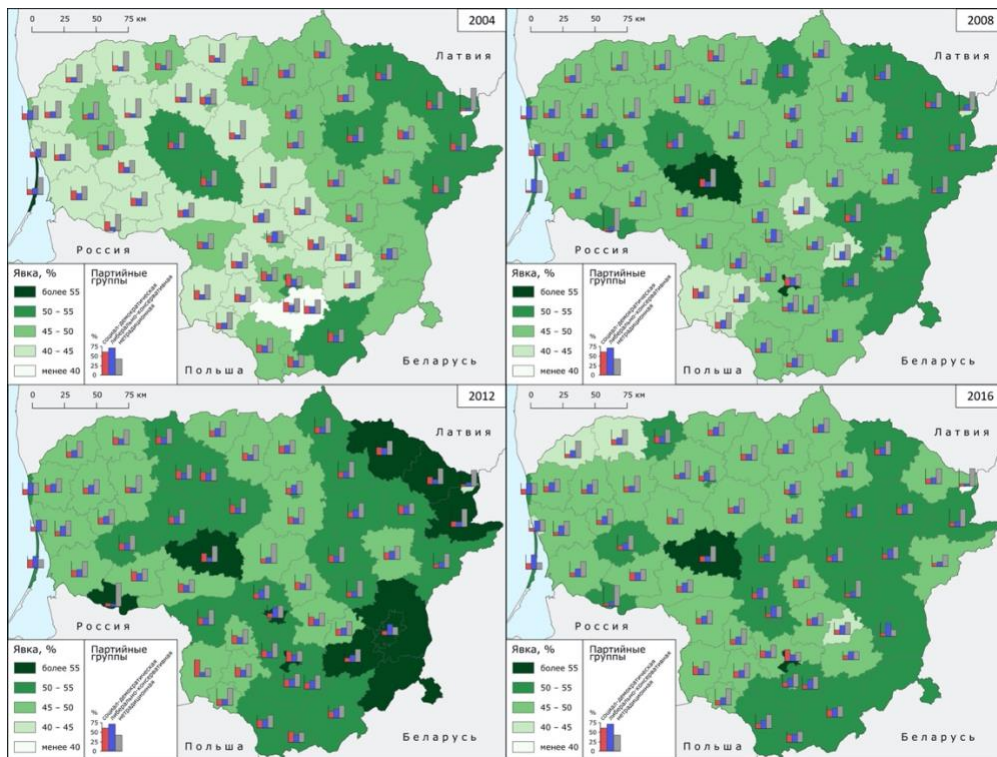

Рис. 51 Уровень явки и поддержки партийных групп на выборах в Сейм Литвы в 2004, 2008, 2012 и 2016 гг., составлено автором

Устойчиво ниже среднего по стране показатели явки имеют более 20 самоуправлений. Большая часть из них расположена на западе, севере и юге страны, особенно вдоль границ с Россией, Латвией и Польшей, большинство из них отличаются значительной периферийностью. Однако, наименьшую заинтересованность в политическом участии проявляет, как и в случае с президентскими выборами, расположенный на востоке город Висагинас.

В целом сложивший пространственный паттерн близок к выводам многих исследований, где ключевыми факторами, влияющими на (не)участие в выборах, называются уровень образования, дохода и социальный статус человека. Чем выше эти социальные показатели, тем больше вероятность участия в выборах (Gerber et al., 2003; Ramonaitė et al., 2014; Vidzbelis & Tučas, 2018; Hooghe & Marks, 2022).

3.4. Региональные политические культуры

Географ А.С. Титков отмечал, что культуры привязаны к определенным участками географического пространства из-за неповторимого сочетания природных и культурных особенностей места, а способность наблюдать и описывать нераздельную связь всего со всем, складывающуюся в каждой местности, самым важным свойством географического подхода (Титков, 2008).

Во второй главе и первых двух пунктах третьей главы мы попытались оценить по отдельности различные стимулы (факторы среды) и действия (избирательное поведение) в каждом из 60 муниципальных образований Литвы и сравнить их между собой. На финальном этапе исследования соотносятся пространственные конфигурации оцененных количественно и качественно инерционных и конъюнктурных стимулов с особенностями избирательного поведения и тем самым предпринимается попытка выявления региональных политических культур современной Литвы в электоральном разрезе с учетом позиции самоуправлений на оси центр-периферия. В каждой из пространственных конфигураций стимулов и действий выделены наиболее важные доминантные характеристики, что допускает незначительные отличия между территориями по второстепенным параметрам (по аналогии с «плавающим признаком» у Л.В. Смирнягина) (Смирнягин, 2012) (табл. 2).

Для самоуправлений, отнесенных нами ранее к социально-экономическому центру Литвы, характерна поддержка традиционных, в первую очередь, либерал-консервативных партий. Устойчивыми очагами поддержки правых партий являются наиболее благополучные с социально-экономической точки зрения территории – крупнейшие города страны и приморские курорты. Помимо голосования за либеральные партии и консерваторов, все они выделяются повышенной явкой избирателей. При этом в Паневежисе либерал-консерваторы побеждают, но в острой конкуренции; можно предположить, что наметившийся тренд к «периферизации» города приведет в дальнейшем к трансформации региональной политической культуры. За исключением полиэтничного Вильнюса крупнейшие самоуправления на референдумах уверенно выступали за независимость и вступление в ЕС.

В ряде муниципалитетов центра, испытывающих положительную динамику социально-экономического развития в последние годы, наметилась тенденция перехода к устойчивой поддержке праволиберальных партий. Так, в субурбиях крупных городов происходит обновление социальной структуры населения (за счет бывших жителей Вильнюса и Клайпеды) и становление характерной пригородной, обслуживающей крупные центры, специализации местной экономики, что привело к постепенному изменению ценностно-идеологической ориентации избирателей. Доля поддержки традиционных партий начинает расти и становится доминирующей, а явка на выборы сохраняется невысокой. Субурбанизационное влияние Вильнюса распространяется в основном в северо-западном направлении вдоль ключевой полимагистрали в направлении Каунаса, захватывая северную не польскую часть Вильнюсского района, а также Тракайский и Электренайский муниципалитеты. Зона тяготения Клайпеды захватывает не только

одноименное районное самоуправление, но и Кретингское, чей административный центр расположен в 25 км от Клайпеды и 13 км от Паланги, что вкупе с положительными трендами социально-экономического развития и схожестью избирательного поведения жителей позволило нам отнести Кретингский муниципалитет к центру.

Сама Клайпеда, как практически любой портовый и промышленный город, обладает многонациональным населением с повышенной долей национальных меньшинств. С этим связаны пониженные по сравнению со средним по стране результаты на референдуме о независимости и вступлении в ЕС, повышенная поддержка антиэлитных кандидатов на президентских выборах. Статус третьего по численности города страны, морских ворот Литвы и важного экономического центра (как и в субурбанизирующихся пригородах) способствовал утверждению в роли доминирующей политической силы традиционных партий, а среди них наибольшей поддержкой пользуются либерал-консервативные силы.

Полупериферийные в социально-экономическом отношении самоуправления выделяются колебаниями в электоральных предпочтениях. Более благополучные субцентры и находящиеся на восходящей стадии развития муниципалитеты ближней периферии в основном поддерживают традиционные партии и в зависимости от социально-экономической конъюнктуры отдают предпочтения то либерал-консерваторам, то социал-демократам. Находящиеся в длительной стагнации субцентры и активно развивающиеся, но удаленные от крупных центров, муниципалитеты также колеблются, но механика этого процесса отличается от аналогичных колебаний между традиционными партиями тем, что в период разочарования правыми партиями избиратели предпочитают левопопулистские силы, а не социал-демократов.

Один из старейших центров Восточной Аукштайтии Утена до 2010 г. была административным центром одного из уездов, сохраняет функцию обслуживающего центра для северо-востока Литвы, в ней продолжают работать многие советские предприятия (трикотажная фабрика, мясоперерабатывающий и пивной заводы). Утенское самоуправление отличается традиционно повышенной явкой на выборы местных жителей и поддержкой кандидатов в президенты от истеблишмента.

Таблица 2. Региональные политические культуры современной Литвы,
составлено автором

Положение на оси центр-периферия	Политическая культура		Самоуправления	Характеристики
ЦЕНТР	Традиционная либерал-консервативная	столичная полиэтничная	Вильнюс	полиэтничность, высокая явка, евроскептицизм, поддержка традиционных либерал-консервативных партий
		столичная моноэтничная	Каунас, Каунасское районное	высокая явка, еврооптимизм,
		курортная	Неринга, Паланга	поддержка традиционных
		субцентральная	Паневежис	либерал-консервативных партий
	Переходная портовая	-	Клайпеда	полиэтничность, поддержка антиэлитных кандидатов на президентских выборах, евроскептицизм, рост поддержки традиционных партий, в первую очередь, либерал- консерваторов
	Переходная пригородная	вильнюсская	северная часть Вильнюсского районного, Электренайское, Тракайское	пригородное положение, рост поддержки традиционных партий,
		клайпедская	Клайпедское районное, Кретингское	низкая явка

ПОЛУПЕРИФЕРИЯ	Традиционная	аукштайттейская с повышенным участием	Утенское	региональный центр обслуживания (бывший уездный центр), высокая явка, поддержка кандидатов в президенты от истеблишмента, попеременная поддержка традиционных партий (социал-демократов и либерал-консерваторов)
		аукштайттейская с пониженным участием	Кайшядорисское, Йонавское	ближняя периферия крупного центра, развитая промышленность, низкая явка, попеременная поддержка традиционных партий (социал-демократов и либерал-консерваторов)
	Колеблющаяся	субцентральная	Алитус, Мариямпольское, Шяуляй	региональные центры обслуживания (бывшие уездные центры), деиндустриализация, демографическое сжатие (отток молодежи), низкая явка, еврооптимизм, попеременная поддержка традиционных и нетрадиционных партий
		жемайтейская	Плунгесское, Ретавасское	низкая явка, попеременная поддержка традиционных и
		судувская	Казлу-Рудское	

				нетрадиционных партий, евроскептицизм
ПЕРИФЕРИЯ	Традиционная	лакунарная	Вилкавишкисское, Пасвалиское	низкая явка, евроскептицизм, поддержка антиэлитных кандидатов на президентских выборах, поддержка традиционных партий, имеющих сильные местные отделения (Вилкавишкисский муниципалитет – социал-демократов, Пасвалисский – либерал-консерваторов)
		южножемайтийская	Таурагское, Юрбаркасское	низкая явка, еврооптимизм, центры лютеранства, попеременная поддержка традиционных партий (социал-демократов и либерал-консерваторов)
		виленская	Варенское, Друскининкайское	нахождение в составе Польши в межвоенный период, активная антисоветская деятельность в период после Второй Мировой войны, попеременная поддержка традиционных партий (социал-

				демократов и либерал-консерваторов)
		дзукийская	Бирштонас	бальнеологический курорт, высокая явка, поддержка кандидатов в президенты от истеблишмента, попеременная поддержка традиционных партий (социал-демократов и либерал-консерваторов)
	Переходная	лакунарная	Йонишкисское, Молетское	низкая явка, поддержка антиэлитных кандидатов на президентских выборах, евроскептицизм, рост поддержки традиционных партий с сильными местными отделениями
		шилокарчемская	Шилалское, Шилутское	рост поддержки нетрадиционных партий
	Колеблющаяся	аукштайтйская	Рокишкисское, Аникшяйское	низкая явка, попеременная поддержка традиционных и нетрадиционных партий, евроскептицизм
		судувская	Пренайское, Шакаяйское	
		дзукийская	Алитусское районное, Лаздяйское	
	Антисистемная	с пониженным уровнем участия	Акмянское, Биржяйское, Зарасайское, Калварийское, Кедайняйское, Келмесское, Купишкисское,	низкая явка, умеренный евроскептицизм, поддержка на президентских выборах антиэлитных кандидатов, на парламентских – нетрадиционных партий

			<p>Мажейкяйское, Пакроуисское, Паневежисское районное, Радвилишское, Скуодасское, Тельшяйское, Укмергеское, Швянченское, Шяуляйское районное</p>	
		с повышенным уровнем участия	<p>Игналинское, Пагегайское, Расейняйское, Ширвинтское</p>	<p>периферийные, высокая явка, умеренный евроскептицизм, поддержка на президентских выборах антиэлитных кандидатов, на парламентских – нетрадиционных партий</p>
	Этническая	русскоязычная с пониженным уровнем участия	<p>Висагинас</p>	<p>район компактного проживания русскоязычного населения, экстремально низкая явка, евроскептицизм, поддержка на президентских выборах антиэлитных кандидатов, на парламентских – нетрадиционных партий</p>
		польская с повышенным уровнем участия	<p>южная часть Вильнюсского районного, Шальчининкайское</p>	<p>район компактного проживания поляков, высокая явка, евроскептицизм, поддержка на</p>

				президентских выборах антиэлитных кандидатов, на парламентских – партии «Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей»
--	--	--	--	---

На главной автотранспортной магистрали страны между Вильнюсом и Каунасом находятся Йонавское и Кайшядорское муниципальные образования, что отразилось на их промышленной специализации. В Йонаве находится крупный химический завод и ряд смежных производств. Экономика Кайшядориса имеет пригородный тип – птицефабрики, домостроение, мебельное производство – эти и другие бизнесы развиваются здесь для обслуживания населения двух столиц. От других территорий подобной специализации Кайшядорис отличает статус центра епархии католической церкви, одной из двух (всего шесть), находящийся не в крупном городе. Такая структура экономики и историческое наследие сформировали в этих самоуправлениях политическую культуру с высокой поддержкой традиционных партий, но при пониженной явке.

Региональная политическая культура колеблющихся субцентров включает в себя три города – бывших уездных центра, подверженных в постсоветский период деиндустриализации и демографическому сжатию – Алитус, Шяуляй и Мариямпольское самоуправление. Социальная структура населения, свойственная некогда центральным городам, размывается вследствие оттока молодого и экономически активного населения в более крупные города страны или за границу, что находит отражение и в избирательном поведении жителей – пониженная явка и электоральные качели. Подобные негативные социально-экономические тренды и волатильность электоральных характеристик дают нам возможность отнести Шяуляй к полупериферии. В зависимости от социально-экономической конъюнктуры, предшествующей выборам, избиратели поддерживают то традиционные, то нетрадиционные партии. Аналогичные флуктуации наблюдаются и внутри лагеря традиционных партий между социал-демократическими и либерал-консервативными электоральными альтернативами, при чем пики поддержки социал-демократов совпадают с более активной поддержкой нетрадиционных партий.

Аналогичное избирательное поведение с пониженным участием в голосованиях, колебаниями между поддержкой традиционных и нетрадиционных партий свойственно и ряду удаленных от ключевых центров самоуправлений, но несмотря на это, нашедших ресурсы для развития – это Казлу-Рудское, Плунгесское и выделившееся из него в 2000 г., поэтому отнесенное нами также к полупериферии Ретавасское муниципальное образование.

Социально-экономическая периферия содержит три ранее выделенных вариации культуры (традиционную, переходную и колеблющуюся), но отличающиеся своей спецификой. Отдельно выделяются политическая культура этнических меньшинств и особая антисистемная культура, характерная для наиболее проблемных в социально-экономическом отношении муниципалитетов. Важно оговорить отдельно использование

термина «антисистемный» по отношению к региональной политической культуре большинства периферийных муниципалитетов. Мы осознанно не используем термин «антисистемный» по отношению к политическим партиям, называя их «нетрадиционными», т.к. признаками партийной антисистемности они не обладают, участвуя в коалициях по формированию правительства. Но вот политическую культуру жителей ряда периферийных районов мы считаем именно антисистемной. А если быть точным, то они ведут себя пассивно антисистемно, используя категории, предложенные американским политологом Джастинем Гестом (Gest, 2015). Подобное пассивное антисистемное поведение запускает цикл, в котором отчуждение приводит к неучастию, что, в свою очередь, приводит к отсутствию законодательной и административной реакции на потребности граждан, проживающих на этих территориях, а это уже приводит к институционализированному неблагоприятному положению, которое способствует дальнейшему пассивному антисистемному поведению, запуская механизмы самоподдерживающегося цикла маргинализации. В зарубежной литературе по социально-экономической географии по отношению к такого рода территориям в последнее время используется термин *“left behind places”*, что в переводе на русский язык означает «неважные места», т.е. оставшиеся без должного внимания властей (Pike et al., 2023).

Наиболее многочисленная группа по составу антисистемная региональная политическая культура включает в себя 20 самоуправлений. Большая часть из них (16) характеризуется высокой степенью периферийности, пониженным уровнем участия в выборах, умеренным евроскептицизмом, поддержкой на президентских выборах альтернативных сложившемуся политико-экономическому истеблишменту кандидатов, а на парламентских – нетрадиционных партий. География этой периферийно-антисистемной политической культуры с пониженным уровнем политического участия захватывает в основном север и центр страны от Скоудаса на северо-западе до Швянчёниса на востоке. Единственное исключение – Калварийский муниципалитет на юге Судувы. Его современное периферийное положение является в том числе следствием значительных разрушений в период двух мировых войн, отсутствием административного статуса с 1963 по 2001 гг. (был частью Мариямпольского района) и приграничным положением, что в советские годы также накладывало определенные ограничения на развитие экономики. Но не все территории, которым свойственна подобная региональная политическая культура, периферийны и удалены от основных центров. Среди них есть как пригородные муниципальные образования (Шяуляйское районное и Панивежисское районное), локальные центры обслуживания (Тельшайское), промышленные центры (Кедайняйское, а также отнесенное к периферии в силу схожести электорального поведения Мажейкяйское).

Однако имеющихся ресурсов хватает лишь для того, чтобы чуть замедлить негативные процессы периферизации.

Схожими параметрами обладают еще четыре самоуправления, но их отличием является высокий уровень явки на выборы. Это можно связать с напряженной политической конкуренцией и конфликтами на местном уровне, что повышает уровень политического участия на всех выборах. Так, например, в локальное политическое противостояние в Расеняйском муниципалитете приходилось вмешиваться национальному правительству вплоть до угрозы введения прямого управления из Вильнюса. А в Пагегяйском муниципалитете неоднократно по суду отменялись результаты местных выборов.

Особой региональной политической культурой обладают территории компактного проживания этнических меньшинств. Как неоднократно отмечалось в работе главные этнические меньшинства Литвы русские и поляки еще с конца 1980-х гг. стали выделяться в политическом пространстве Литвы как самостоятельные акторы.

Основной ареал расселения поляков находится на юго-востоке страны, в Шальчининкайском и на юге Вильнюсского районного самоуправления. Эти территории являются вотчиной политической партии «Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей», что обеспечивает высокую явку избирателей на выборы с участием ее представителей, настороженное отношение к ЕС. Чувство уязвленности со стороны титульной нации вкупе с высокой степенью периферийности сделало эту часть страны оплотом антиэлитных кандидатов в президенты. В последние годы в части Вильнюсского самоуправления, находящегося к северу от столицы, активно протекают процессы субурбанизации. Здесь селятся более молодые и обеспеченные граждане, в основном литовцы, что уже начало вносить соответствующие изменения в политико-культурный облик территории. Но в силу более низкого уровня явки на выборы, свойственную молодым когортам населения, и большей повседневной связи с Вильнюсом, этот процесс протекает медленно. Но в перспективе это может стать причиной трансформации региональной политической культуры.

Русскоязычное население Литвы рассеяно по стране: единственный населенный пункт, где они составляют большинство – это Висагинас. Стремительно теряющий население город атомщиков отличается самой низкой явкой на всех типах выборов (от 30 до 40%). В остальном избирательное поведение избирателей Висагинаса схоже с польским меньшинством.

Аналогичное избирательное поведение с пониженным участием в голосованиях, колебаниями между поддержкой традиционных и нетрадиционных партий свойственно и

ряду периферийных районов. Единственное электоральное различие с колеблющимися субцентрами – в более слабой поддержке вступления Литвы в ЕС (менее 90%). Три из четырех ареалов данной политической культуры примыкают к своим региональным центрам – судувский к Мариямполе, дзукийский к Алитусу, жемайтиский к Тельшю. Четвертый ареал располагается в Аукштайтии.

Еще одной зоной с особой региональной политической культурой являются территории, постепенно сменившие по разным причинам свои ценностно-идеологические ориентации за рассматриваемый период.

В ряде периферийных муниципалитетов (Йонишкисский, Молетский) сильные позиции имеют традиционные партии, возглавляющие местные муниципальные советы, а их лидеры являются мэрами. Успешность их работы позволяет переломить свойственную периферийным территориям тенденцию поддержки нетрадиционных партий. При этом остальные характеристики региональной политической культуры, свойственные периферии, сохраняются (пониженная явка, поддержка антиэлитных кандидатов на президентских выборах, ниже среднего по стране поддержка независимости и вступления в ЕС).

Из всех самоуправлений с переходной региональной политической культурой лишь Шилутское и Шилалское двигаются в направлении от поддержки традиционных партий к нетрадиционным – именно этот доминантный признак позволил нам их объединить. Это территории на границе Малой Литвы и южной Жемайтии, где распространен смешанный диалект прусских литовцев и южных жемайтов – шилокарчемский.

На юге Жемайтии к этой политической культуре относятся Таурагское и Юрбаркасское самоуправления, для них характерна пониженная явка и умеренный еврооптимизм на референдуме. Длительное нахождение на границе с германскими государствами сделали Таураге и Юрбаркас центрами литовского лютеранства. Оба города претендовали в советское время на роль административных и промышленных центров своего региона, но позднее были исключены из планов руководства Литовской ССР (Vanagas, 2002).

Расположенным на юге страны Друскининкайскому и Варенскому самоуправлениям свойственны колебания между классическими левыми и правыми партиями, а также близкий к среднему по стране уровень явки и поддержки интеграции в Европу. Объединяющим элементом для этих территорий является совместное нахождение в составе Виленского воеводства Польши в межвоенный период и одна из ключевых ролей в антисоветском сопротивлении после Второй мировой войны в Дзукии.

Бальнеологический курорт Бирштонас отличается от предшествующих колеблющихся муниципалитетов традиционно повышенной явкой на выборы местных жителей и поддержкой кандидатов в президенты от истеблишмента.

Лакуны традиционной политической культуры на периферии сформировались в Вилкавишкисском и Пасвалисском самоуправлениях. Местных избирателей отличают пониженная явка на выборы, скептическое отношение к вступлению в ЕС на референдуме и поддержка антиэлитных кандидатов на президентских выборах. На парламентских выборах здесь доминируют традиционные партии. Если Вилкавишкисский муниципалитет – единственный в стране, где высока поддержка социал-демократов, то в Пасвалисском доминируют либерал-консерваторы. В обоих случаях главными причинами таких результатов голосований можно считать успешные действия местных отделений традиционных политических партий, а также эффект друзей соседей (когда известные политики занимают высшие должности в руководстве партии и страны). Например, Альгирдас Буткявичюс долгое время был мэром Вилкавишкисского самоуправления, а затем сделал политическую карьеру в столице: был депутатом Сейма, занимал разные министерские посты, возглавлял СДПЛ и был премьер-министром. Кроме того, Вилкавишкис является также, как ранее упомянутый Кайшядорис, одним из епархиальных центров католической церкви, расположенных не в крупном городе.

Таким образом, нами было выявлено десять региональных политических культур современной Литвы: три для центра, две для полупериферии и пять для периферии. Часть из них дополнительно разделяются по зональному или азональному принципу. Азональное деление применяется для крупных административных центров и для исключительных случаев лакун с нехарактерной для их социально-экономической конъюнктуры политической культурой. Зональный принцип был применен путем выделения нескольких ареалов, что позволяет учесть различный пространственный контекст этих мест.

Обращают на себя внимание и особые уникальные случаи доминирования более инерционных факторов при выделении региональной политической культуры. Речь идет о влиянии этнического субстрата территории на пространственный контекст. Как отмечалось выше, наличие среди жителей муниципалитета представителей этнических меньшинств создает значительные предпосылки для появления политической напряженности, выражаемой специфическим избирательным поведением (Висагинас, Шальчининкайское и Вильнюсское районное самоуправления).

Другой особый случай представляют собой муниципалитеты, резко контрастирующие с соседними в избирательном поведении. Мы объясняем эту лакунарность влиянием институциональной специфики – сложившихся по разным

локальным причинам сильных позиций определенной политической партии (сильный лидер, эффект друзей и соседей и др.). Вопрос краткосрочности или долгосрочности действия этого фактора на региональную политическую культуру остается нам до конца неизвестным и требует дополнительных лонгитюдных исследований.

Ключевыми факторами изменений в региональной политической культуре Литвы можно считать социально-демографические сдвиги и позиционные свойства территории. В первую очередь – это изменение социальной структуры населения в результате миграций (переезд в пригороды, эмиграция, отток в крупные города) и близость к крупным городам, выплескивающим за свои пределы население и ряд бизнесов (субурбанизация, логистика и др.). Это позволило нам выделить переходные (транзитные) формы региональной политической культуры.

Как мы отмечали в 1 главе, региональные политические культуры – феномены динамические. Диапазон возможных политических действий людей в определенных местах может меняться во времени из-за смены пространственной конфигурации стимулов. Выявленная нами территориальная структура региональных политических культур Литвы не является абсолютной и стабильной. В дальнейшем она может трансформироваться путем укрупнения в большие или наоборот распада на несколько более мелких политических культур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приступая к диссертационному исследованию, мы исходили из того, что процесс формирования региональных политических культур Литвы обусловлен наложением трех разноуровневых пространственно-временных процессов: а) глобальными изменениями в мировой экономике (переход на 5-й цикл Кондратьева) в условиях нарастающей транснационализации; б) институциональной интеграцией в макрорегиональные структуры ЕС и НАТО; и в) фундаментальной реструктуризацией национальной экономики и становлением политической системы демократического типа. Нами также учитывалась широко обсуждаемая в научной литературе неоднозначность результатов постсоциалистических трансформаций в государствах Центрально-Восточной Европы, выраженная в усилении неравномерности социально-экономического развития, социальном расслоении на «выигравших» и «проигравших» и поляризации территориальной структуры организации жизни общества. Формирование немногих очагов экономического роста, отвечающих стандартам и запросам современности, резко обозначило в этих странах значение социалистического наследия и его влияния на течение локальных/региональных экономических, политических и социокультурных процессов. Приписывание прошлому значения ключевой причины неудач в настоящем приводит к тому, что население восточно-европейских стран часто упрекают в «культурной бесформенности», т.е. отсутствии последовательности во взглядах и поведении, зависимости от предыдущего этапа развития, неспособности выбраться из «колеи» государственного патернализма и воспользоваться возможностями либеральной экономики и открытого общества.

В своем диссертационном исследовании мы придерживаемся точки зрения, что определенность политической культуре придает не региональная унификация и соответствие условным общеевропейским стандартам, а динамическое сочетание инерционных (укорененных в прошлом) и конъюнктурных стимулов политических действий. Инерционность обеспечивает преемственность и устойчивость политической культуры, благодаря историческому опыту и опоре на выработанные привычки и практики. Динамическая (конъюнктурная) составляющая отвечает за изменчивость, связана с настоящим и обстоятельствами, в которых протекают современные социально-экономические процессы. Результат взаимодействия инерционных и конъюнктурных факторов не является предзаданным даже в случаях совпадения конъюнктурных мотивов политических решений и действий, а их результаты, опосредованные исторически обусловленным опытом локальных сообществ, могут принципиально различаться.

Таким образом, региональная политическая культура понимается нами как результирующая совокупного влияния разных групп факторов, как структурирующее свойство места, устанавливающее диапазон возможных политических действий в конкретный момент времени. Фактически региональная политическая культура выполняет функции медиатора, конвертируя сплав предшествующего опыта развития и текущей повестки в мотивы политических действий. Важно подчеркнуть, что последствия этих действий, становясь частью средового контекста, изменяют его, создавая условия для дальнейшего воспроизведения/модификации региональной политической культуры. Следуя данной логике, мы предположили, что неполитические факторы – экономико-географические, социальные, демографические, культурные, этноконфессиональные и другие факторы, играют не меньшую роль в формировании региональной политической культуры, чем разделяемые политические взгляды, ценности и предпочтения, на основании которых делаются выводы о культурной бесформенности.

Методика выделения региональных политических культур должна быть построена на сопоставлении паттернов историко-культурного, социально-экономического и электорального ландшафтов Литвы. Процедура сопоставления результатов пространственного анализа разнородных данных, потребовала создания серии обобщающих типологий, позволивших выявить общие закономерности изучаемых процессов, взаимозависимость политических и неполитических факторов, влияющих на формирование устойчивых территориальных паттернов, и определить ключевые черты региональных политических культур. Предложенная автором методика доказала свою исследовательскую эффективность, она позволила показать сложность устройства литовского социума, наличие множественных линий его дифференциации, совпадение и различие территориальных проекций социально-экономических и политических процессов.

В результате исследования были получены следующие выводы.

1. При всех успехах интеграции Литвы в Евросоюз и росте душевых показателей ВВП основным трендом развития страны является нарастающая периферизация значительной части ее территории. Интегральная оценка совокупности демографических, социальных и экономических индикаторов показала, что почти 80% литовских муниципалитетов соответствуют представлениям о периферии, т.е. характеризуются сниженной плотностью экономической активности, ограниченным доступом к ресурсам развития, депопуляцией и сниженным уровнем жизненных стандартов. Постоянное доминирование немногих центров Литвы над периферией поддерживается внешними факторами: инновационной деятельностью иностранных компаний, внешними

инвестициями в наиболее доходные виды деятельности, давлением институтов ЕС и зависимостью от его финансовой поддержки. В наибольшей мере процессы социально-экономической периферизации отразились на северной, северо-восточной, южной и юго-западной частях страны. Вопреки логике региональной политики ЕС (еврорегионы, политика сплочения), направленной на снижение межрегиональных контрастов между соседними странами, пространственный паттерн наиболее периферийных муниципалитетов Литвы совпадает с поясом ее приграничных районов. Отчетливо выделяются и ареалы внутренней периферии, возникшие в межагломерационных пространствах.

2. Следствием постсоциалистических трансформаций в Литве не стало формирование единой общенациональной политической культуры, отвечающей общеевропейским ценностным установкам. На первый план вышли локальные факторы дифференциации, которые превалируют над интеграционными тенденциями. Значимость принадлежности к локальному социуму становится сравнима со значимостью общенациональной общности и часто противостоит общеевропейскому интеграционному тренду. Проведенный анализ позволил выделить и описать десять разновидностей политической культуры в диапазоне от активной либерально-консервативной, репрезентирующей успешные социально-экономические центры страны, до глубоко пассивной периферийно-антисистемной, сформировавшейся в результате совокупного воздействия неблагоприятных факторов. Между этими полюсами образовалось множество специфических субкультур, обусловленных локальным контекстом.

3. Пространственная дифференциация региональных политических культур Литвы во многом определяется наличием или отсутствием позиционной ренты у каждого из 60 муниципалитетов страны. Наибольшее значение имеет положение на оси центр-периферия и кумулятивный эффект долговременного обладания столичной рентой, которая во все времена способствовала социально-экономическому развитию. Муниципалитеты, которые в новых условиях частично или полностью утратили центральность своих экономических и административных позиций, оказались подвержены постепенной деградации, а никогда не обладавшие подобным преимуществом превратились в глубокую периферию, отмеченную в том числе и политической маргинализацией. Природной позиционной рентой обладают приморские муниципалитеты Литвы. Однако, при сходстве географического положения, демографических трендов роста населения и потенциальных возможностей, их политические культуры дифференцированы в зависимости от социокультурных факторов. Если для жителей курортных городов и поселков характерна устойчивая политическая культура либерально-консервативного типа, отвечающая

евроинтеграционным настроениям, то для портовой и многонациональной Клайпеды – скорее протестная политическая культура, отмеченная евроскептицизмом, поддержкой антиэлитных кандидатов на президентских выборах и пониженной явкой. Отсутствие позиционной ренты наиболее ярко проявляется в периферийных муниципалитетах, что наглядно иллюстрируют правомерность центр-периферийной логики объяснения социально-экономических процессов.

4. Возрастающая значимость позиционных факторов дифференциации региональных политических культур повышает и роль территориального соседства. В условиях Литвы данный феномен имеет два контрастирующих социокультурных измерения, каждое из которых формирует собственный паттерн в политическом пространстве страны. Соседство в смысле локального сообщества, скрепленного общностью места проживания и взаимной поддержкой, способствует формированию лакунарных политических культур, которые выделяются либо несоответствием электоральных предпочтений населения локальной социально-экономической конъюнктуры, либо резкими контрастами с окружающими муниципалитетами. Такое «выпадение» из общей картины говорит о доверии к конкретным личностям, пользующимся авторитетом в «своем» кругу, на фоне недоверия к политическим институтам. Другой тип соседства предполагает не наличие сильных локальных идентичностей и солидарностей, а обеспеченность хорошими средствами связи и коммуникаций. Возможность устойчивых взаимодействий становится условием соседства, а уровень обеспечения коммуникационной инфраструктурой – его главной характеристикой. В этом случае региональная политическая культура начинает распространять сферу своего влияния на территории, прилегающие к крупным городам и ключевым магистралям. Наличие двух принципов политического структурирования литовского социума препятствует формированию единого политического пространства страны и одновременно способствует образованию политической полупериферии.

5. Региональные политические культуры Литвы характеризуются дробностью и мозаичностью. Данный феномен во многом является следствием предшествующих этапов развития: разнонаправленных политических и социально-экономических трансформаций XX в., таких как обретение, утрата и восстановление независимости, урбанизация и социальная модернизация, индустриализация, полонизация и приток русскоязычного населения. Важную роль играет и культурно-историческое наследие – принадлежность разных частей страны к различным государственным образования с их отличающимися юридическими и конфессиональными системами, традициями, моделями поведения и повседневными практиками. Аргументы исторической памяти актуализируются и активно

эксплуатируются в электоральных кампаниях, становясь неотъемлемой частью процесса обособления региональных политических культур. Скрещивание актуальных политических установок и глубоких исторических корней приводит к мобилизации локальных идентичностей, но одновременно делает региональные политические культуры неустойчивыми и ситуативными в силу опоры на умозрительные аргументы, ключевая роль которых в объяснении текущих процессов утрачивается в силу смены политических дискурсов.

6. Отношение к советскому прошлому – основа главного идеологического раскола современной политической культуры Литвы, сохраняет свое значение, но оценки этого прошлого обрели новые коннотации. Советская модель социальной справедливости, укорененная в представлениях значительной части постаревшего литовского социума, стала противопоставляться актуальной европейской модели, не принесшей ожидаемого процветания. Положительные компоненты советской эпохи вступили в конкуренцию с ее негативными характеристиками. Личный опыт является главным аргументом в пользу советской системы, а внутрисемейная коммуникация – главным каналом трансляции социальной памяти. Молодые поколения частично воспроизводят представления старших о социально справедливом советском государстве. Хотя ностальгические настроения в Литве не влекут за собой желания реставрировать советские порядки и отказаться от европейского настоящего и будущего, конкуренция представлений о социальной справедливости актуализирует советское прошлое. Оно не только не уходит в небытие, но продолжает выполнять конституирующие и дифференцирующие функции в политическом пространстве страны.

7. Подверженность структурным изменениям является отличительной чертой региональных политических культур Литвы. Главные конъюнктурные факторы, определяющие их внутреннюю динамику, это – либерализация экономики, миграции населения и межпоколенческие ценностные сдвиги. Неолиберальный примат экономического роста привел к сжатию экономического и социального пространства страны. Социальный раскол на условно выигравших и проигравших от реформ приобрел выраженное пространственное измерение. Отсутствие локальных перспектив сделало миграцию основным каналом социальной мобильности. Отток трудоспособного населения в крупнейшие агломерации Литвы и за границу решал локальные проблемы бедности, занятости и безработицы, снижая нагрузку на муниципальные бюджеты, но одновременно способствовал демографическому старению и обретению межпоколенческим ценностным разрывом характера оппозиции провинциального партикуляризма и универсалистских (космополитичных) взглядов успешных жителей крупных городов.

8. Ценностной раскол политических предпочтений населения Литвы приобрел не только социальное, но и географическое измерение. Результатом миграционного оттока населения из периферийных населенных пунктов и его негативной селекции стало локальное доминирование унаследованных от прошлого культурных программ, сложившихся в других условиях и не соответствующих актуальной ситуации. Опора на прежние ценностные приоритеты, модели поведения и общественные стандарты не позволяла найти адекватный ответ на вызовы современности. Растерянность и отсутствие навигации в новой реальности создали питательную среду для нетрадиционных популистских партий и ситуативных политических проектов. Сравнение типологий муниципалитетов по критериям социально-экономического развития и политических предпочтений показывает, что региональные политические культуры, производные от сходного неблагоприятного контекста, заметно различаются в зависимости от накопленного территориального капитала и позиций, занимаемых муниципалитетом в пространстве центр-периферийных отношений. Позитивная миграционная динамика имеет противоположные следствия. В субурбиях крупных городов, где происходит обновление социальной структуры населения за счет переселения за город и притока молодых и активных выходцев из литовской провинции, одновременно происходит и постепенное изменение ценностно-идеологических установок местного социума. Доля поддержки традиционных для европейского политического спектра партий здесь заметно растет и формируется политическая культура, преимущественно ориентированная на либерально-консервативные политические силы.

9. Этнополитический фактор, несмотря на сокращение доли этнических меньшинств в населении страны и значительные усилия, предпринятые в сфере национально-государственного строительства, сохраняет свое структурирующее значение. Акцент на культурной самобытности и ее институциональном (партийном) закреплении противостоит проектам формирования литовской гражданской идентичности, стирающей этнокультурную специфику. Отстаивание своей политической субъектности наиболее ярко проявляется у польского меньшинства, как в силу компактности расселения, так и наличия опоры на материнский социум в Польше. Политическая культура русскоязычного населения Литвы, хотя и обладает некоторыми чертами культуры меньшинств, определяется не столько этнической мобилизацией, сколько социальными факторами – дисперсным расселением и тяготением к крупным городам. Негативность восприятия литовским большинством идентификации с Россией сказывается на отсутствии у русских склонности к этнизации своих проблем и выражается в электоральном абсентеизме и уклонении от участия в формальных избирательных процедурах. Различия социальных

позиций двух наиболее многочисленных этнокультурных меньшинств Литвы, вкупе с особенностями их расселения, отразилось на географии этнически маркированной региональной политической культуры. Главным ареалом ее распространения стали не периферийные районы страны, где, как правило, слабеют общегражданская идентичность, а пристоличные, отмеченные политической активностью, влиянием политических установок государства и поддержкой традиционных для ЕС партий.

Полученные выводы доказывают наши исходные гипотезы, во-первых, о сложности устройства литовского социума: несмотря на небольшой размер страны и численность ее населения, редукция представлений о Литве до европейской ориентации или постсоветской ностальгии существенно упрощает реальность. Во-вторых, о значимости неполитических, в том числе и географических, факторов, влияющих на формирование региональных политических культур и их многообразии. В-третьих, о контекстуальности региональных политических культур как структурирующего свойства места: сочетание известных результатов предшествующего этапа развития и неопределенности результатов будущего создает конкретные комбинации политических стимулов к действию; каждая последующая комбинация является функцией от предшествующей, запуская механизм пространственной транскрипции различных временных систем, обеспечивая их преемственность и изменчивость. Данная в диссертации характеристика ключевых черт региональных политических культур современной Литвы позволяет автору считать поставленную исследовательскую задачу выполненной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / [Пер. с нем. С.В. Базарновой]. – М.: РГГУ, 2000. – 366 с.
2. Аксенов К.Э. Понятие места в политической географии и особенности пространственной организации власти в США // Известия ВГО. 1990. Т. 122. Вып. 1. С. 94–98.
3. Аксенов К.Э. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области. Препринт научного доклада. – СПб: ТК «Петрополис», 1993. – 35 с.
4. Аксенов К.Э. Системообразующие свойства пространства–времени при трансформации общественно-географического пространства // Известия Русского географического общества. 2014. Т. 146. Вып. 4. С. 69–80
5. Алесина А., Фукс-Шундельн Н. «Гуд бай», Ленин? Влияние социализма на предпочтения людей относительно политики перераспределения // Beyond Transition. 2005. № 6. С. 6–7.
6. Баранов А.В. Региональная политическая культура Юга России в контексте теории социокультурных размежеваний: Пятый Всероссийский конгресс политологов, Москва, 20-22 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Baranov_RAPN.pdf (дата обращения: 15.04.2019)
7. Белов А.Л. Политическая география Канады (Регионализм в политической жизни и политической культуре). Дисс.... канд. геогр. наук: 11.00.02. – Л., 1983. – 194 с.
8. Весна 89: География и анатомия парламентских выборов / Под ред. В.А. Колосова, Н.В. Петрова, Л.В. Смирнягина. – М.: Прогресс, 1990. – 380 с.
9. Гудавичюс Э. История Литвы. Том I: с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И. Д.Сытина, VALTRUS, 2005. – 680 с.
10. Еремина Н.В. Региональная политическая культура как фактор государственного развития: интеграция versus дезинтеграция // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2011. Вып. 3. С. 70–78.
11. Журавлев А.Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. – СПб., 1993. – 16 с.
12. Зинкявичюс З., Лухтанас А., Чеснис Г. Откуда родом литовцы. Вильнюс. 2006. – 145 с.
13. Игнатенко В.А., Пеницын Ю.А. Долгосрочные факторы влияния региональных политических культур России на электоральный процесс // Известия Сочинск. гос. ун-та. 2013. № 2 (25). С. 162–168.

14. Инглхарт Р, Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия:
15. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
16. Карпова Н.В. Региональное неравенство как фактор развития политической культуры российского общества: методологический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 71–87.
17. Козлов Н.Д. Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными // Полис. Политические исследования. 2008. № 4. С. 8–26.
18. Колосов В.А. Территориально-политическая организация общества: диссертация ... доктора географических наук : 11.00.02. – М., 1992. – 307 с.
19. Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды: почему Запад проигрывает борьбу за демократию / пер. с англ.: [А. Соловьев]. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 352 с.
20. Купер Д.О., Херон Т.Э., Хьюард У.Л. Прикладной анализ поведения / пер. с англ.: А.Г. Азов [и др.]. – М.: Практика, 2016. – XXXVII, 826 с.
21. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. Б.И. Макаренко; Науч. ред. пер. д. ист. н. А.М. Салмин и к. ист. н. Г.В. Каменская. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
22. Лизогуб С.А. К постановке проблемы исследования региональной идентичности как фактора формирования политической культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 395–397.
23. Логинов В.К. Концепты «регион» и «территория» в структуре территориальной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 3. С. 114–122.
24. Лукьянов А.И., Чернецкий Ф.М. Пространственная конфигурация ключевых парламентских избирательных округов в Республике Корея в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 3. С. 111–124. DOI: 10.31857/S013128120026255-1.
25. Любавский М.К. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Московская художественная печатня. 1915. – 404 с.
26. Макаренко Б.И. Двадцать семь лет спустя: есть ли посткоммунистические государства? // Полития. 2019. № 1 (92). С. 97–113.
27. Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. – Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ. 2002. – 298 с.
28. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный

- поиск и реальность : Хрестоматия / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МОНФ, ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – С. 337–368.
29. Морозова О.В. Региональная политическая культура: автореферат дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.10. – М., 1998. – 40 с.
30. Норт Д. К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества = Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History (2009) — М.: Издательство Института Гайдара, 2011. – 480 с.
31. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. Захарова. – М.: Ad Marginem, 1996. – 288 с.
32. Рачев П.А. Динамика электоральных предпочтений жителей агломераций США в 2000–2016 гг. // Региональные исследования. 2020. № 4 (70). С. 58–71. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-4-5
33. Рикер П. Я – сам как другой / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы. 2008 (Французская философия XX века). – 416 с.
34. Рогов К.Ю. Введение: драма ожиданий/драма пониманий: тридцать лет транзита и споров о нем // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя: коллективная монография: [сборник] / под ред. К. Рогова. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 8–43.
35. Свиридова М.В. Трансформационные процессы в России и странах Центрально-Восточной Европы в 1990–2000-х гг. // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 57–70.
36. Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. – 552 с.
37. Смирнягин Л.В. Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // IX Сократические чтения. Проблемы географической реальности. – М.: Эслан, 2012. — С. 191–200.
38. Смирнягин Л.В. Эволюция места в ходе “производства пространства” // Символическая политика. Вып. 4. Социальное конструирование пространства. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 84–105.
39. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
40. Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение. 2024. – 376 с.

41. Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. – 575 с.
42. Тарасов И.Н. Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1 (6). С. 83–94.
43. Титков А.С. Социально-политическая структура пространства Европейской России начала XX века: по материалам выборов в Государственную думу 1906-1912 годов: Дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2008. – 301 с.
44. Туровский Р.Ф. Политическая география = Political Geography: Учеб. пособие. – М.; Смоленск : Изд-во СГУ, 1999. – 379 с.
45. Туровский Р.Ф. Географические закономерности электорального транзита в посткоммунистических странах // Полития. 2004. №4. С. 110–149.
46. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 398 с.
47. Фурман Е.Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. – М.: Либроком, 2009. – 196 с.
48. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
49. Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX в / [Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Росспэн, 2003. – 365 с.
50. Agnew J.A. Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society. London: Allen and Unwin, 1987. – XVIII, 267 p.
51. Agnew J.A. Place and Politics in Modern Italy. – Chicago: University of Chicago Press, 2002. – XVI, 299 p.
52. Alexander J. Political Culture in Post-Communist Russia: Formlessness and Recreation in a Traumatic Transition. – Basingstoke: Macmillan and New York: St Martin's Press, 2000. – XII, 267 p. DOI: 10.1057/9780230507913.
53. Alm L.R., Burkhart R.E., Patton W.D., Weatherby J.B. Political culture and ideology in the Mountain West: regionalism in the state of Idaho // The Social Science Journal. 2004. Vol. 41. Issue 2. P. 163–178.
54. Almond G.A. Comparative Political Systems // The Journal of Politics. 1956. Vol. 18, No. 3. P. 391–409.
55. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. – XII, 562 p.

56. Almond G. The intellectual history of the civic culture concept // *The civic culture revisited* / Ed. by Almond G., Verba S. – London: Sage, 1989. – P. 1–36.
57. Arthur B.W. *Increasing Returns and Path-Dependence in the Economy*. – University of Michigan Press, Ann Arbor, Mich., 1994. – 224 p.
58. Baločkaitė R. Post-Soviet Transitions of the Planned Socialist Towns: Visaginas, Lithuania // *Studies of Transition States and Societies*. 2010. Vol. 2. Issue 2. P. 63–81.
59. Baumann Z. *Liquid Modernity*. – Polity Press, 2000. – 228 p.
60. Bell D.V.J. The Loyalist Tradition in Canada // *Journal of Canadian Studies*. 1970. Vol. 5. No. 2. P. 22–33. DOI: 10.3138/jcs.5.2.
61. Biezen. I van. On the theory of practice of party formation and adaptation in new democracies // *European Journal of Political Research*. 2005. Vol. 44. Issue 1. P. 147–174. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2005.00222.x.
62. Bisin A., Verdier T. The Economics of Cultural Transmission and the Dynamics of Preferences // *Journal of Economic Theory*. 2001. Vol. 97. Issue 2. P. 298–319. DOI: 10.1006/jeth.2000.2678.
63. Blais A. Political participation // *Comparing democracies: Elections and voting in the 21st century* / ed. L. Le Duc, R.G. Niemi and P. Norris. London: Sage, 2010. P. 165–183. DOI: 10.4135/9781446288740.n8.
64. Blais A., Rubenson D. The source of turnout decline: New values or new contexts? // *Comparative Political Studies*. 2013. Vol. 46. Issue 1. P. 95–117. DOI: 10.1177/0010414012453032.
65. Blokker, P. Post-Communist Modernization, Transition Studies, and Diversity in Europe // *European Journal of Social Theory*. 2005. Vol. 8. Issue 4. P. 503–525. DOI: 10.1177/1368431005059703.
66. Boren T., Gentile M. Metropolitan processes in post-communist states: an introduction // *Geografiska Annaler. Series B. Human Geography*. 2007. Vol. 89. Issue 2. P. 95–110. DOI: 10.1111/j.1468-0467.2007.00242.x.
67. Braeckman A. [Review of: *Die nachholende Revolution (Kleine politische Schriften VII)*. (Edition Suhrkamp, Neue Folge, Bd. 633), by J. Habermas] // *Tijdschrift Voor Filosofie*. 1992 (54ste Jaarg.). Nr. 3. S. 560.
68. Brand U. Transition und transformation: sozialökologische perspektiven // *Futuring: Perspektiven Der Transformation Im Kapitalismus über Ihn Hinaus* / hrsg. M. Brie. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 2014. S. 242–280.
69. Burawoy M. The End of Sovietology and the Renaissance of Modernization Theory // *Contemporary Sociology*. 1992. Vol. 21. No. 6. P. 774–785.

70. Camagni R. Territorial capital and regional development // Handbook of regional growth and development theories / edited by Roberta Capello and Peter Nijkamp / Ed. by R. Capello, P. Nijkamp. – Cheltenham, UK ; Northampton, MA: Edward Elgar, 2009/ P. 118–132.
71. Canadian Political Cultures(s) in Transition / ed. by. H. Telford, H. Lazar. – Montreal-Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. – VIII, 436 p.
72. De la Cerda N., Gunderson J.R. Are party families in Europe ideologically coherent today? // European Journal of Political Research. 2024. Vol. 63. Issue 3. P. 1208–1226. DOI: 10.1111/1475-6765.12638.
73. Chromková Manea B. Rabušic L. Value Modernisation in Central and Eastern European Countries: How Does Inglehart's Theory Work? // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. 2020. Vol. 56. No. 6. P. 699–740. DOI: 10.13060/csr.2020.033.
74. Converse P.E. The Nature of Belief Systems in Mass Public // Ideology and Its Discontent / Ed. by D.E. Apter. – New York : Free Press ; London : Collier Macmillan, 1964. P. 206–261.
75. Cox K.R. Spaces of dependence, spaces of engagement and the politics of scale, or: looking for local politics // Political Geography. 1998. Vol. 17. No. I. P. 1–23.
76. Cresswell T. Place: a short introduction. – Oxford: Malden, MA: Blackwell Pub., 2004. – VIII, 153 p.
77. Curtice J. The North-South divide // British Social Attitudes, the 9th report / ed. by R. Jowell et al. – Aldershot: Gower, 1992. P. 71–87.
78. Czyz T. Application of the potential model to the analysis of regional differences in Poland // Geographia Polonica. 2002. Vol. 75. Issue 1. P. 13–24.
79. Dalton R.J. Political Cleavages, Issues, and Electoral Change // Comparing Democracies: Elections and Voting in Global Perspective / ed. by L. LeDuc, R.G. Niemi, P. Norris. – Thousand Oaks: Sage, 1996. P. 319–342.
80. Daugirdas V. Pociūtė-Sereikienė G., Depopulation tendencies and territorial development in Lithuania // Regional Statistics. 2018. Vol. 8. No. 2. 2018. P. 46–68. DOI: 10.15196/RS080203.
81. David P. Clio and Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75 No. 2 P. 332-337
82. Devine D. The Political Culture of the United States: The Influence of Member Values on Regime Maintenance. – Boston: Little, Brown and Company, 1972. – XXI, 383 p.
83. Dickson M.B. Scottish Political Culture: Is Scotland Different? A Preliminary Investigation // Strathclyde Papers on Government and Politics. 1996. No. 108.

84. Dijkstra L., Poelman H., Rodríguez-Pose A. The geography of EU discontent // *Regional Studies*. 2020. Vol. 54. Issue 6. P. 737–753. DOI: 10.1080/00343404.2019.1654603.
85. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // *World Politics*. 1977. Vol. 29. No. 4. P. 552–583. DOI:10.2307/2010039.
86. EBRD. Life in Transition: A Decade of Measuring Transition. European Bank for Reconstruction and Development, London, 2016 [online] URL: https://www.ebrd.com/content/dam/ebrd_dxp/assets/pdfs/office-of-the-chief-economist/special-reports/life-in-transition-surveys/life-in-transition-survey-iii/Life-in-Transition-III.pdf (Accessed: 18.10.2025)
87. Eckstein H. A Culturalist Theory of Political Change // *American Political Science Review*. 1988. Vol. 82. No. 3. P. 789–804. DOI: 10.2307/1962491.
88. Eckstein H. Culture as a Foundation Concept for the Social Sciences // *Journal of Theoretical Politics*. 1996. Vol. 8. Issue 4. P. 471–497. DOI: 10.1177/095169289600800.
89. Eisenstadt S.N. *Multiple Modernities*. – New York: Routledge, 2002. – 267 p. <https://doi.org/10.4324/9781315124872>
90. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities in the Framework of a Comparative Evolutionary Perspective // *Understanding Change. Models, Methodologies, and Metaphors* / ed. by A. Wimmer and R. Kössler. – Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2006. P. 199–218. DOI: 10.1057/9780230524644_14.
91. Elazar D.J. *American Federalism: A View from the States*. – New York: Harper & Row Publishers, 1966. – XII, 228 p.
92. Elkins D.J. Simeon R.E.B. A Cause in Search of Its Effect, or What Does Political Culture Explain? // *Comparative Politics*. 1979. Vol. 11. No. 2. P. 127–145. DOI: 10.2307/421752.
93. Epperly B. Institutions and Legacies: Electoral Volatility in the Postcommunist World // *Comparative Political Studies*. 2011. Vol. 44. Issue 7. P. 829–853. DOI: 10.1177/0010414011401226.
94. Esmer Y. Globalization, «McDonaldization» and Values: Quo Vadis? // *Measuring and Mapping Cultures. 25 Years of Comparative Value Surveys* / ed. by E. Yilmaz and T. Petterson. – Leiden and Boston, MA: Brill, 2007. P. 79–98. DOI: 10.1163/ej.9789004158207.i-193.33
95. Evans G. The Continued Significance of Class Voting // *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol. 3. P. 401–417. DOI: 10.1146/annurev.polisci.3.1.401.
96. Eyal G., Széleányi I., Townsley, E. *Making Capitalism without Capitalists: Class Formation and Élite Struggles in Post-Communist Central Europe*. – London; New York: Verso, 1998. – VII, 280 p.

97. Fischer D.H. *Albion's seed: Four British folkways in America.* – New York: Oxford University Press, 1989. – XXI, 946 p.
98. Foster C.R. *Political Culture and Regional Ethnic Minorities // The Journal of Politics.* 1982. Vol. 44. No. 2. P. 560–568. DOI: 10.2307/2130600.
99. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man.* – New York: Free Press, 1992. – XXIII, 418 p.
100. Gečienė I. *The Situation of ethnic minorities in Lithuania from the perspective of their self-perception // Exchange, dialogue, new divisions? Ethnic groups and political cultures in Eastern Europe / ed. by S. Schuler.* – Zürich: Lit Verlag, 2016. P. 23–44.
101. Geels F.W., Schot J. *Typology of sociotechnical transition pathways // Research Policy.* 2007. Vol. 36. Issue 3. P. 399–417. DOI: 10.1016/j.respol.2007.01.003.
102. Geertz C. *The Interpretation of Cultures.* – London: Hutchinson, 1975. – IX, 470 p.
103. Geertz C. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology.* – London: Fontana Press, 1993. – VI, 244 p.
104. Genov N. *Societal transformation: Eastern European experience and conceptualization // International Area Studies Review.* 2021. Vol. 24. Issue 1. P. 3–17. DOI: 10.1177/22338659211005589.
105. Gerber A.S., Green D.P., Shachar R. *Voting May Be Habit-Forming: Evidence from a Randomized Field Experiment // American Journal of Political Science.* 2003. Vol. 47. Issue 3. P. 540–550. DOI: 10.1111/1540-5907.00038.
106. Gest J. *Pro- and Anti-System Behavior: A Complementary Approach to Voice and Silence in Studies of Political Behavior // Citizenship Studies.* 2015. Vol. 19, Issue 5. P. 535–552. DOI: 10.1080/13621025.2015.1074345.
107. Giddens A. *The Constitution of Society.* Cambridge: Polity Press, 1984. – XXXVII, 402 p.
108. Giddens A. *The Consequences of Modernity.* Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. – IX, 186 p.
109. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age.* Polity Press, 1991. – 264 p.
110. Giddens A., Kunushevci L. *We are suffering from 'cosmopolitan overload' and a huge task lies before us – to create responsible capitalism.* URL: <https://economicsociology.org/2017/11/15/giddens-we-are-suffering-from-cosmopolitan-overload-and-a-huge-task-lies-before-us-to-create-responsible-capitalism/> (Accessed 11.03.2025)

111. Gualini E. Regionalization as «Experimental Regionalism»: The Rescaling of Territorial Policy-Making in Germany // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2004. Volume 28. Issue 2. P. 329–353. DOI: 10.1111/j.0309-1317.2004.00522.x.
112. Hartz L. The founding of new societies: studies in the history of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia. – New York: Harcourt, Brace & World, 1964. – XI, 336 p.
113. Henderson A. Regional political cultures in Canada // *Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique*. 2004. Vol. 37. No. 3. P. 595–615. DOI: 10.1017/S0008423904030707.
114. Hofstede G. Culture's consequences : comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. – 2nd. ed. – Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2001. – XX, 596 p.
115. Hölscher K., Wittmayer Ju.M, Loorbach D. Transition versus transformation: What's the difference? // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2018. Volume 27. P. 1–3. DOI: 10.1016/j.eist.2017.10.007.
116. Hooghe L. Marks G. The Social Roots of the Transnational Cleavage: Education, Occupation, and Sex (July 25, 2022) // Robert Schuman Centre for Advanced Studies Research Paper. No. 2022_53. URL: <https://ssrn.com/abstract=4171743> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4171743>.
117. Hooghe L. Marks G. Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25. Issue 1. P. 109–135. DOI: 10.1080/13501763.2017.1310279
118. Huijsmans, T., Harteveld, E., Van der Brug W. & Lancee B. Are cities ever more cosmopolitan? Studying trends in urban-rural divergence of cultural attitudes // *Political Geography*. 2021. Vol. 86. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102353>
119. Human Development Report 2019: Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century / UNDP (United Nations Development Programme). New York, 2019. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2019.pdf>.
120. Inglehart R. The silent revolution: changing values and political styles among Western publics. – Princeton: Princeton University Press, 1977. – XII, 482 p.
121. Inglehart R. The Renaissance of Political Culture // *American Political Science Review*. 1988. Vol. 82. No. 4. P. 1203–1230. DOI: 10.2307/1961756.

122. Inglehart R. *Cultural Shift in Advanced Industrial Societies*. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – XVIII, 484 p.
123. Inglehart R. Carballo M. *Does Latin America Exist? (And Is There a Confucian Culture?): A Global Analysis of Cross-Cultural Differences // PS: Political Science and Politics*. 1997. Vol. 30. No. 1. P. 34-47. DOI: 10.2307/420668.
124. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. – X, 453 p.
125. Inglehart R. Baker W. *Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
126. Inglehart R.F., Ponarin E., Inglehart R.C. *Cultural Change, Slow and Fast: The Distinctive Trajectory of Norms Governing Gender Equality and Sexual Orientation // Social Forces*. 2017. Volume 95. Issue 4. P. 1313–1340. DOI: 10.1093/sf/sox008.
127. Inglehart R.F. *Cultural Evolution*. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2018. – XVII, 273 p. DOI: 10.1017/9781108613880.
128. Jastramskis M. *Explaining the success of non-partisan presidents in Lithuania // East European Politics*. 2021. Vol. 37. Issue 2. P. 193–213. DOI: 10.1080/21599165.2020.1756782.
129. *Kaip renkasi Lietuvos rinkėjai?: idėjos, interesai ir įvairūs politikojė; [kolektyvinė monografija] / mokslinė redaktorė A. Ramonaitė*. – Vilnius : Vilniaus universitetas, 2014. – 305 p.
130. Kaneff D. *Extending the reach of «post-socialism»: A commentary // Critique of Anthropology*. 2022. Vol. 42. No. 2. P. 209–218. DOI: 10.1177/0308275X221095937.
131. Karl T.L. Schmitter Ph.C. *Democratization Around the Globe: Opportunities and Risks // World security: challenges for a new century / [ed. by] Michael T. Klare, Daniel C. Thomas*. – 2nd ed. – New York: St. Martin's Press, 1994. P. 43–62.
132. Kavaliauskas P., Valiūnaitė V. *Politinės įtampos teritorinės raiškos ypatybės Lietuvoje // Geografijos metraštis*. 2003. Vol. 36(2). P. 124–136.
133. Keating, M. *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. –Cheltenham, UK; Northampton, Mass.: E. Elgar, 1998. – XI, 242 p.
134. Keating M. *The invention of regions: political restructuring and territorial government in Western Europe // Environment and Planning C: Government and Policy*. 1997. Vol. 15. Issue 4. P. 383–398. DOI: 10.1068/c150383.

135. Kennedy M.D. Cultural Formations of Postcommunism: Emancipation, Transition, Nation, and War. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. – IX, 369 p.
136. Kitschelt H. The formation of party systems in East Central Europe // *Politics and Society*, 1992. Vol. 20. Issue 1. P. 7–50. DOI: 10.1177/0032329292020001003.
137. Koleva D. Homo Sovieticus surviving democracy? Post-socialist nostalgia in Bulgaria // *Cultural transformations after communism: Central and Eastern Europe in focus* / ed. by B. Törnquist-Plewa & K. Stala. Lund: Nordic Academic Press, 2011. P. 147–162.
138. Kostadinova T. Voter turnout dynamics in post-communist Europe // *European Journal of Political Research*. 2003. Vol. 42. Issue 6. P. 741–759. DOI: 10.1111/1475-6765.00102.
139. Kostadinova T., Power T.J. Does democratization depress participation? Voter turnout in the Latin American and Eastern European transitional democracies // *Political Research Quarterly*. 2007. Vol. 60. Issue 3. P. 363–377. DOI: 10.1177/1065912907304154.
140. Kostelka F., Blais A. The Generational and Institutional Sources of the Global Decline in Voter Turnout // *World Politics*. 2021. Vol. 73. Issue 4. P. 629–667. DOI: 10.1017/S0043887121000149.
141. Kriauciūnas E. Some development patterns of Lithuanian rural territories in 1990–2010 // *Geopolitical Studies*. 2010. Vol. 16. P. 199–212.
142. Kriesi H. Restructuration of partisan politics and the emergence of a new cleavage based on values // *West European Politics*. 2010. Vol. 33. Issue 3. P. 673–685. DOI: 10.1080/01402381003654726.
143. Kriesi H., Grande E., Lachat R., Dolezal M., Bornschieer S., Frey T. Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared // *European Journal of Political Research*. 2006. Vol. 45. Issue 6. P. 921–956. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00644.x.
144. Krupavičius A. Pokomunistinė transformacija ir Lietuvos partijos // *Politinės partijos Lietuvoje: atgimimas ir veikla* / sud. A. Krupavičius. – Kaunas: Litterae Universitatis, 1996. P. 1–92.
145. Lieske J. Regional subcultures of the United States // *The Journal of Politics*. 1993. Vol. 55. Number 4. P. 888–913. DOI: 10.2307/2131941.
146. Lietuvos Respublikos etninės kultūros valstybinės globos pagrindų įstatymas, 1999 m. rugsėjo 21 d. Nr. VIII-1328. Vilnius. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.86929> (Accessed 18.10.2025)
147. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: An introduction // *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives* /

- [Contributors: Robert R. Alford and others]; ed. by S.M. Lipset & S. Rokkan. – New York: Free Press, 1967. P. 1–64.
148. Loorbach D., Frantzeskaki N., Avelino F. Sustainability transitions research: transforming science and practice for societal change // *Annual Review of Environment and Resources*. 2017. Vol. 42 (1). P. 599–626. DOI: 10.1146/annurev-environ-102014-021340.
 149. Lukin A. *Political Culture of Russian «Democrats»*. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2000. – XIII, 336 p.
 150. MacAuley M. *Bringing Culture Back into Political Analysis: The Reform of the Russian Judiciary* // *Political Culture and Post-Communism* / ed. by S. Whilefield. – New York; Oxford: Palgrave Macmillan; in association with St. Antony's College, 2005. P. 81–104.
 151. Marks G., Hooghe L., Nelson M., Edwards E. Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality // *Comparative Political Studies* 2006. Vol. 39. Issue 2. P. 155–175. DOI:0.1177/0010414005281932.
 152. Martínez-Herrera E. From Nation-Building to Building Identifications with Political Communities. Consequences of Political Decentralization in Spain, the Basque Country, Catalonia and Galicia 1978–2001 // *European Journal of Political research*. 2002. Vol. 41. Issue 4. P. 421–453. DOI: 10.1111/1475-6765.00018.
 153. Massey D. A Global Sense of Place // *Marxism Today*. 1991. Vol. 38. P. 24–29.
 154. Maxwell R. Cosmopolitan Immigration Attitudes in Large European Cities: Contextual or Compositional Effects? // *American Political Science Review*. 2019. Vol. 113. Issue 2. P. 456–474. DOI: 10.1017/S0003055418000898.
 155. McKay L., Jennings W., Stoker G. What is the geography of trust? The urban-rural trust gap in global perspective // *Political Geography*. 2023. Vol. 102. Article 102863. DOI: 10.1016/j.polgeo.2023.102863.
 156. Moon C.D., Pierce J.C., Lovrich N.P. Political Culture in the Urban West: Is It Really Different? // *State and Local Government Review*. 2001. Vol. 33. No. 3. P. 195–201. DOI: 10.1177/0160323X0103300304.
 157. Müller M. Goodbye, postsocialism! // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. Issue 4. P. 533-550. DOI: 10.1080/09668136.2019.1578337.
 158. Nelson C., Treichler P., Grossberg L. *Cultural Studies: An Introduction* // *Cultural Studies* / ed. by L. Grossberg, C. Nelson, and P. Treichler. – New York: Routledge, 1992. P. 1–16.

159. Niedermayer O., von Beyme K. Politische Kultur in Ost- und Westdeutschland. – Berlin: Akademie Verlag, 1996. – 217 s.
160. Norris P., Inglehart R. Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – XIV, 540 p. DOI: 10.1017/9781108595841.
161. Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker, J.A. Disenchanted or discerning: voter turnout in post-communist countries // *Journal of Politics*. 2009. Vol. 71. No. 2. P. 473–491. DOI: 10.1017/S0022381609090409.
162. Petro N.N. The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. – IX, 226 p.
163. Petronytė I. Nuostatų politiniai klausimai formavimasis pokomunistinėje valstybėje: Lietuvos atvejo studija. Daktaro disertacija / Vilniaus Universitetas. – Vilnius, 2014. – 59 s.
164. Pierson P. Increasing returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *The American Political Science Review*. 2000. Vol. 94. No. 2. P. 251-267
165. Piketty T. Brahmin Left vs Merchant Right: Rising Inequality & the Changing Structure of Political Conflict. Evidence from France, Britain and the US, 1948–2017. (World Inequality Lab, WID working paper series, n. 2018/7). URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/Piketty2018.pdf> (Accessed 18.10.2025)
166. Pociūtė-Sereikienė G., Kriačiūnas E., Ubarevičienė R. Peripheralisation trends in rural territories: the case of Lithuania // *Studies in Agricultural Economics*. 2014. Vol. 116. Issue 3. P. 122–130. DOI: 10.7896/j.1421.
167. Pociūte, G. Periferingumo teritorine raška Lietuvoje [Territorial Expression of Peripherality in Lithuania]. Daktaro disertacija. 2014. Vilnius, Lithuania.
168. Pociūtė G. Trends of imbalances of demographic and socioeconomic development in the post-reform period in Lithuania // *Social and economic growth vs. the emergence of economic growth and stagnation areas* / Ed. by. P. Churski. – Poznań: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2014. P. 129–150.
169. Ramonaitė A. Mapping the political space in Lithuania: the discrepancy between party elites and party supporters // *Journal of Baltic Studies*. 2020. Vol. 51. Issue 4. P. 477–496. DOI: 10.1080/01629778.2020.1792521.
170. Riera P., Cantu F. Electoral systems and ideological voting // *European Political Science Review*. 2022. Vol. 14. Issue 4. P. 463–481. DOI:10.1017/S1755773922000248.
171. Rotberg R.I. Social Capital and Political Culture in Africa, Asia, Australia, Asia, and Europe // *The Journal of Interdisciplinary History*. 1999. Vol. 29. No. 3. P. 339–356.

172. Rodríguez-Pose A. The revenge of the places that don't matter (and what to do about it) // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society* 2018. Vol. 11. Issue 1. P. 189–209. DOI: 10.1093/cjres/rsx024.
173. Rokeach M. *The nature of human values*. New York: Free Press, 1973. – X, 438 p.
174. Russett B.M. *Delineating International Regions // Quantitative international politics; insights and evidence / ed. by J. David Singer; Contributors: Chadwick F. Alger [and others]*. – New York: Free Press, 1968. P. 317–352.
175. Santos M. *For a new geography / transl. and with an introduction by A. Davies*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2021. – XXXV, 225 p.
176. Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge [Eng.]; New York: Cambridge University Press, 1976. – XIII, 370 p.
177. Schmieding H. From plan to market: on the nature of the transformation crisis // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1993. Vol. 129. P. 216–253. DOI: 10.1007/BF02707696.
178. Schwartz Sh.H. *Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology / ed. by M.P. Zanna*. Vol. 25. – San Diego, CA: Academic Press, 1992. P. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6.
179. Seth J., Bakker R., Hooghe L., Marks G., Polk J., Rovny J., Steenbergen M., Vachudova M.A. *Chapel Hill Expert Survey Trend File, 1999–2019 // Electoral Studies*. 2022. Vol. 75. Article 102420. DOI: 10.1016/j.electstud.2021.102420.
180. Soto-Oñate D. *On the Cultural Legacy of Political Institutions: Evidence from the Spanish Regions // Hacienda Pública Española*, 2017. Núm. 221. P. 47–82. DOI: 10.7866/HPE-RPE.17.2.3.
181. Stanaitis A., Adly P. *Lietuvos TSR gyveltojai*. – V.: Mintis, 1973.- 199 p.
182. Stanilov K. *Political reform, economic development, and regional growth in post-socialist Europe // The Post-Socialist City: Urban Form and Space: Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism / ed. by K. Stanilov*. – Dordrecht: Springer, 2007. P. 21–34.
183. Stark D. Bruszt L. *Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe*. – Cambridge [England]; New York: Cambridge University Press, 1998. – XI, 284 p.
184. Stirling A. *Emancipating Transformations: From Controlling «the Transition» to Culturing Plural Radical Progress*. STEPS Working Paper 64. – Brighton: STEPS Centre, 2014. – III, 41 p.

185. Taylor P.J., Johnston R. *Geography of Elections*. – 1st ed. – London: Routledge, 1979. – 530 p. DOI: 10.4324/9781315747613.
186. *Telling the great change: the process of the systemic transformation in Poland in biographical perspective* / ed. by K. Kaźmierska, K. Waniek; [transl. A. Dolińska and M. Koprianiuk, L. Kowalczyk]. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2020. – 648 p.
187. *Theorising transition: the political economy of post-Communist transformations* / ed. by John Pickles and Adrian Smith. – London; New York: Routledge, 1998. – XXI, 522 p.
188. Thrift N. On the determination of social action in space and time // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1983. Vol. 1. Issue 1. P. 23–57. DOI: 10.1068/d010023.
189. Tsenkova S. *Beyond transitions: Understanding urban change in post-socialist cities* // *The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe* / ed. by S. Tsenkova, Z. Nedović-Budić. – Heidelberg: Physica-Verlag, 2006. P. 21–50. DOI: 10.1007/3-7908-1727-9_2.
190. Ubarevičienė R. van Ham M. Population decline in Lithuania: who lives in declining regions and who leaves? // *Regional Studies, Regional Science*. 2017. Vol. 4. Issue 1. P. 57–79. DOI: 10.1080/21681376.2017.1313127.
191. Ubarevičienė, R. *Sociodemographical Analysis of the Changing Territorial Organisation of the Settlement Systems in the Baltic Countries: [Doktoral thesis]*. – Vilnius: Lithuanian Social Research Centre, 2018. – 211 p.
192. *Understanding geographies of polarization and peripheralization: perspectives from Central and Eastern Europe and beyond* / ed. by T. Lang, S. Henn, W. Sgibnev, K. Ehrlich. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – XVI, 352 p.
193. Vanagas J., Krišjane Z., Noorikoiv R., Staniūnas E. Planning urban systems in Soviet times and in the era of transition: The case of Estonia. Latvia and Lithuania. *Geographia Polonica*. 2002. Vol. 75. Issue 2. P. 75–100.
194. Vidzbelis D., Tučas R. Lietuvos gyventojų rinkiminio aktyvumo teritorinė diferenciacija 2014–2016 metais // *Geologija. Geografija*. 2018. T. 4. Nr. 3. P. 139–154. DOI: 10.6001/geol-geogr.v4i3.3834.
195. Welch S. *The theory of political culture*. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – XII, 287 p.
196. Wildavsky A. Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation // *The American Political Science Review*. Vol. 81. No. 1. 1987. P. 3–22. DOI: 10.2307/1960776.
197. *World Values Survey Wave 7 (2017–2022): All Rounds – Country-Pooled Datafile* / ed. by Inglehart, R., Haerpfer, C., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano

J., M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. – Madrid, Spain & Vienna, Austria:
JD Systems Institute & WVSA Secretariat URL:
<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1-п . Ключевые политико-административные преобразования
в границах современной Литвы с 1795 г., составлено автором

	Политико-административное преобразование	Результат	Современные АТЕ
1	Нахождение Занеманья в составе других государств (Пруссия, Великое герцогство Варшавское, Царство Польское)	Принятие положений кодекса Наполеона, опыт автономии, собственной конституции и парламента, частная собственность на землю	Вилкавишкский, Мариямпольский, Шакайский, Кальварийский, Лаздзайский, Казлу-Рудский районные муниципалитеты, часть Пренайского и Каунасского районных муниципалитетов
2	Нахождение Клайпедского края в составе Пруссии (Германии)	Преобладание протестантизма (лютеранства), высокий уровень социально-экономического развития	Городские муниципалитеты Клайпеды, Неринги, Клайпедский районный муниципалитет, часть Шилутского, Пагегского и Юрбаркского муниципалитетов
3	Автономный статус Клайпедского края в составе Литвы в межвоенный период	Собственное налоговое, таможенное и судебное законодательство, самостоятельный парламент	Городской муниципалитет Клайпеды, Клайпедский районный муниципалитет, часть Шилутского, Пагегского и Юрбаркского муниципалитетов
4	Нахождение Виленского края в составе Польши	Заселение поляками, «полонизация» местного населения	Городские муниципалитеты Вильнюса, Друскининкай, Вильнюсский, Шальчининкайский районные муниципалитеты, часть Тракайского, Швенченского районных муниципалитетов

Таблица 2-п. Административно-территориальные преобразования и сведения об изменении статуса городов в границах современной Литвы в XX-XXI вв., составлено автором

Система АД	Структура АД в границах современной Литвы	Города с административными функциями
Имперская (до 1914 г.)	В составе 4 губерний (Виленской, Ковенской, Сувалкской, Гродненской)	Вильнюс*, Каунас*, Тракай, Швянченис, Тельшяй, Шяуляй, Паневежис, Зарасай, Укмерге, Расейняй, Кудиркос-Наумейстис, Вилковишкис, Мариямполе, Калвария
Первой независимости (1923-1939 гг.)	23 уезда в составе Литвы, из них 3 в Клайпедском крае	Алитус, Биржай, Каунас**, Кедайняй, Кретинга, Мариямполе, Мажейкяй, Паневежис, Расейняй, Рокишкис, Лаздяй, Шакаяй, Шяуляй, Таураге, Кайшядорис, Укмерге, Утена, Вилкавишкис, Зарасай, Клайпеда***, Пагегяй, Шилуте
	3 повята в составе Польши в Виленском воеводстве	Вильнюс****, Тракай, Швянченис
Советская (1950-1994 гг.)	1950-1959 гг. 87 районов и 4 города республиканского значения (до 1953 г. выделялись 4 области Вилюсская, Каунасская, Клайпедская и Шяуляйская)	Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Шяуляй. Аникщяй, Даугай, Друскининкай, Дукштас, Дусятос, Эйшишкес, Игналина, Каварскас, Молетай, Науйойи-Вильня, Неменчине, Пабарде, Укмерге*****, Шальчининкай, Ширвинтос, Швянченис, Швянченеляй, Тракай, Утена, Варена, Вевис, Зарасай, Алитус, Арегала, Езнас, Йонава, Юрбаркас, Кайшядорис, Калвария, Казлу-Руда, Кедайняй, Кибартай, Лаздяй, Мариямполе, Кудиркос-Наумейстис, <i>Гарлява</i> , Пренай, Расеняй, <i>Симнас</i> ,

		<p>Шакяй, Вейсейя, Вилкавишкис, Вилькия, <i>Жежмаряй</i>, Гаргждай, Кретинга, Мажейкяй, Пагегяй, Плунге, Прекуле, Ретавас, Салантай, Седа, Скаудвиле, Скуодас, Шилале, Шилуте, Таураге, Тельшяй, Варняй, Акмене, Биржяй, <i>Дотнува</i>, Ионишкелис, Ионишкис, Кельме, Купишкис, Куршенай, Линкува, <i>Обяляй</i>, Пакроуйис, Панделис, Паневежис, Пасвалис, Радвилишкис, Рамигала, Рокишкис, Шедува, <i>Титувенай</i>, Трошкунай, Ужвентис, Вабальнинкас, Жагаре</p>
	<p>1959 – 1963 гг. 79 районов и 7 городов республиканского значения</p>	<p>Вильнюс, Друскининкай, Каунас, Клайпеда, Паланга, Паневежис, Шяуляй.</p> <p>Аникщяй, Даугай, Дукштас, Дусятос, Эйшишкес, Игналина, Каварскас, Молетай, Науйойи-Вильня, Неменчине, Пабарде, Укмерге, Шальчининкай, Ширвинтос, Швянченис, Швянченеляй, Тракай, Утена, Варена, Вевис, Зарасай, Алитус, Арегала, Езнас, Йонава, Юрбаркас, Кайшядорис, Калвария, Казлу-Руда, Кедайняй, Кибартай, Лаздяй, Мариямполе, Кудиркос-Наумейстис, Пренай, Расеняй, Шакяй, Вейсейя, Вилкавишкис, Вилькия, Гаргждай, Кретинга, Мажейкяй, Пагегяй, Плунге, Прекуле, Ретавас, Салантай, Седа, Скаудвиле, Скуодас, Шилале, Шилуте, Таураге, Тельшяй, Варняй, Акмене, Биржяй, Ионишкелис, Ионишкис, Кельме, Купишкис,</p>

		Куршенай, Линкува, Пакроуйис, Панделис, Пасвалис, Радвилишкис, Рамигала, Рокишкис, Шедува, Трошкунай, Ужвентис, Вабальнинкас, Жагаре.
	1963-1967 гг. 41 район и 7 городов республиканского значения	<p>Вильнюс, Друскининкай, Каунас, Клайпеда, Паланга, Паневежис, Шяуляй.</p> <p>Алитус, Аникщяй, Биржяй, Эйшишкес, Игналина, Ионишкес, Юрбаркас, Кайшядорис, Мариямполе, Кедайняй, Кельме, Гаргджай, Кретинга, Купишкес, Лаздяй, Мажейкяй, Молетай, Пакроуйис, Пасвалис, Плунге, Пренай, Радвилишкис, Расейняй, Рокишкис, Скуодас, Шакияй, Шилале, Шилуте, Швянченис, Таураге, Тельшяй, Тракай, Укмерге, Утена, Варена, Вилкавишкис, Зарасай.</p>
	1967-1979 гг. 44 района и 9 городов республиканского значения	<p>Бирштонас, Вильнюс, Друскининкай, Каунас, Клайпеда, Неринга, Паланга, Паневежис, Шяуляй.</p> <p>Акмене, Алитус, Аникщяй, Биржяй, Эйшишкес (с 1972 г. Шальчининкай), Игналина, Ионава, Ионишкес, Юрбаркас, Кайшядорис, Мариямполе, Кедайняй, Кельме, Гаргджай, Кретинга, Купишкес, Лаздяй, Мажекияй, Молетай, Пакроуйис, Пасвалис, Плунге, Пренай, Радвилишкис, Расейняй, Рокишкис, Скуодас, Шакияй, Шилале, Шилуте, Шервинтос, Швянченис, Таураге, Тельшяй, Тракай,</p>

		Укмерге, Утена, Варена, Вилкавишкис, Зарасай.
	1979-1994 гг. 44 района и 11 городов республиканского значения	<p>Алитус, Бирштонас, Вильнюс, Друскининкай, Каунас, Клайпеда, Мариямполе, Неринга, Паланга, Паневежис, Шяуляй.</p> <p>Акмене, Алитус, Аникщяй, Биржяй, Шальчининкай, Игналина, Ионава, Ионишкес, Юрбаркас, Кайшядорис, Мариямполе, Кедайняй, Кельме, Гаргджай, Кретинга, Купишкес, Лаздяй, Мажекяй, Молетай, Пакроуйис, Пасвалис, Плунге, Пренай, Радвилишкис, Расейняй, Рокишкис, Скуодас, Шакияй, Шилале, Шилуте, Шервинтос, Швянченис, Таураге, Тельшяй, Тракай, Укмерге, Утена, Варена, Вилкавишкис, Зарасай.</p>
Второй независимости (с 1995 г.)	1995-2001 гг. 10 уездов (с центрами в Вильнюсе, Клайпеде, Паневежисе, Шяуляе, Алитусе, Тельшяе, Таураге, Утене, Мариямполе) в составе 44 районов и 12 городов	<p>Вильнюс, Алитус, Бирштонас, Друскининкай, Каунас, Клайпеда, Мариямполе, Неринга, Паланга, Паневежис, Шяуляй, Висагинас.</p> <p>Акмене, Алитус, Аникщяй, Биржяй, Игналина, Ионава, Ионишкис, Юрбаркас, Кайшядорис, Кедайняй, Кельме, Гаргджай, Кретинга, Купишкис, Лаздяй, Мажейкяй, Молетай, Пакроуйис, Пасвалис, Плунге, Пренай, Радвилишкис, Расейняй, Рокишкис, Скуодас, Шакияй,</p>

		Шальчининкай, Шилале, Шилуте, Ширвинтос, Швянченис, Таураге, Тельшяй, Тракай, Укмерге, Утена, Варена, Вилкавишкис, Зарасай.
	с 2001 г. 48 районов и 12 городов (уезды отменены с 2010 г.)	<p>Вильнюс, Алитус, Бирштонас, Друскининкай, Каунас, Клайпеда, Мариямполе, Неринга, Паланга, Паневежис, Шяуляй, Висагинас.</p> <p>Акмене, Алитус, Аникщяй, Биржяй, <i>Электренай</i>, Игналина, Ионава, Ионишкис, Юрбаркас, Кайшядорис, Кедайняй, Кельме, Гаргджай, Калвария, Казлу-Руда, Кретинга, Купишкис, Лаздяй, Мажейкяй, Молетай, Пагегай, Пакроуйис, Пасвалис, Плунге, Пренай, Радвилишкис, Расейняй, Ретава, Рокишкис, Скуодас, Шакаяй, Шальчининкай, Шилале, Шилуте, Ширвинтос, Швянченис, Таураге, Тельшяй, Тракай, Укмерге, Утена, Варена, Вилкавишкис, Зарасай.</p>

*совмещали функции губернского и уездного центров

**совмещал функции столицы и уездного центра

***совмещала функции краевого и уездного центров

****совмещал функции центра воеводства и повята

*****был центром двух районов Укмергского и Смеляйского

Гарлява – курсивом выделены города, которые выполняли центральные функции в одном временном отрезке

Таблица 3-п. Матрица конкурентности самоуправлений Литвы на выборах в Сейм в 2004, 2008, 2012, 2016 гг., составлено автором

Уровень конкурентности	Количество и очередность побед															
	НН НН	НН НТ	НН ТН	НН ТТ	НТ НН	НТ НТ	НТ ТН	НТ ТТ	ТН НН	ТН НТ	ТН ТН	ТН ТТ	ТТ НН	ТТ НТ	ТТ ТН	ТТ ТТ
К	-	2	0	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	1
УК	1	1	5	1	-	-	-	1	-	-	1	1	-	-	-	4
НК	21	3	0	1	1	-	-	2	-	-	-	1	2	-	-	7

Уровни конкурентности: К – конкурентный, средний разрыв между группами партий составляет менее 5%,

УК – умеренно конкурентный, средний разрыв между группами партий составляет 5-10%

НК – неконкурентный, средний разрыв между группами партий составляет более 10%.

Количество и очередность побед: Н – победа группы нетрадиционных партий

Т – победа группы традиционных партий